230
Г491

РЕЛИГІЯ и НАУКА

ВЪ ИХЪ ВЗАИМООТНОШЕНІИ КЪ НАСТУПАЮЩЕМУ XX СТОЛѢТІЮ.

Чтенія профессора Моск. Дух. Академіи

С. ГЛАГОЛЕВА.

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГІЕВА ЛАВРА.
СОБСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1900.

17

РЕЛИГІЯ и НАУКА

ВЪ ИХЪ ВЗАИМООТНОШЕНІИ КЪ НАСТУПАЮЩЕМУ XX СТОЛѢТІЮ.

Чтенія профессора Моск. Дух. Академіи

С. ГЛАГОЛЕВА.

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГІЕВА ЛАВРА.
СОБСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1900.

BL
241

Оттиски изъ №№ „Богословскаго Вѣстника“ за 1899 и 1900 гг

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
1322
65

Печатать дозволяется. Января 10 дня, 1900 г.
Ректоръ Академіи Епископъ *Арсеній*.

РЕЛИГІЯ И НАУКА

въ ихъ взаимоотношеніи къ наступающему XX-му столѣтію [1]).

Когда занималась заря XIX столѣтія, свободомыслящіе люди Европы бодро и смѣло смотрѣли въ будущее они вѣрили, что начинается новая эра въ исторіи человѣчества, что въ близкомъ будущемъ восторжествуетъ свобода—политическая и научная, и что вмѣстѣ съ исчезновеніемъ политическаго рабства разсѣятся и религіозныя суевѣрія. Воображенію свободолюбивыхъ философовъ конца XVIII вѣка рисовался свободный сынъ XIX столѣтія, сынъ не имѣющій никакихъ господъ и не знающій властей и авторитетовъ, кромѣ авторитета своего разума. Еще раньше, чѣмъ солнце XVIII вѣка зашло, одинъ изъ сыновъ этого вѣка (Вольтеръ) сказалъ: „пройдетъ сто лѣтъ и христіанство сдѣлается достояніемъ исторіи“. Разуму этого философа христіанство представлялось явленіемъ антиразумнымъ, антирацiональнымъ, и онъ былъ убѣжденъ, что свѣтъ науки скоро покажетъ всему человѣчеству эту антиразумность и антирацiональность христіанскихъ доктринъ, что на мѣсто стѣсняющей совѣсть догмы станетъ охраняющее совѣсть право, на мѣсто скрывающей истину религіи станетъ изслѣдующая истину наука. Желанныя сто лѣтъ прошли. И XIX вѣкъ отходитъ въ вѣчность, какъ назадъ сто лѣтъ отходилъ въ вѣчность XVIII вѣкъ. Исполнилось ли приведенное пророчество?

---

[1]) Вступительныя чтенія по Введенію въ Богословіе въ Московской Духовной Академіи (6—20 сентября 1899 г.) по возвращеніи изъ заграничной командировки.

Вы, господа, собравшіеся сюда въ эту скромную аудиторію, свидѣтельствуете своимъ присутствіемъ здѣсь, что это было не пророчество, а только мечта, что эта мечта не осуществилась, и что имѣются люди, которые признаютъ безумнымъ и горькимъ дѣломъ ея осуществленіе. Вы явились сюда, чтобы изучать православно-христіанское богословіе, православно-христіанскую религію, но изучать — не какъ историческій памятникъ, не какъ оставленную грезу, а какъ живое и дѣйственное ученіе, которое должно осуществлять въ жизни и въ осуществленіи котораго заключается истинное благо и истинная жизнь. Но можетъ быть мы съ Вами только немногія и печальныя исключенія, только старыя тѣни, пережитокъ прошлаго? Можетъ быть современное научное откровеніе еще не проникло съ своимъ свѣтомъ въ ту умственно низкую ложбину, въ которой живемъ мы, и въ то время, какъ въ другихъ мѣстахъ, солнце знанія дѣлаетъ для всѣхъ явною истину, мы, блуждающіе въ тѣни, живемъ еще вѣрою въ старые призраки?

Ваша совѣсть и Ваша вѣра протестуютъ противъ этой гипотезы: на моей обязанности лежитъ показать, что и разумъ не можетъ согласиться съ нею. Религіозная вѣра существуетъ. Ее отрицаютъ, ее пытаются отвергать, на нее нападаютъ со всевозможнѣйшихъ сторонъ; но она свѣтитъ и грѣетъ въ сердцахъ лучшей части человѣчества. Мы съ Вами избрали своею задачею служить дѣлу утвержденія этой вѣры. Какъ служить—объ этомъ Вамъ много будутъ говорить въ будущемъ. Но теперь въ настоящемъ при моемъ первомъ знакомствѣ съ большинствомъ изъ Васъ предлагаю Вамъ нѣкоторые доводы въ доказательство того, что религіозная вѣра существуетъ не у однихъ насъ. Затѣмъ мы постараемся разсмотрѣть съ Вами положеніе вѣры—ея современное отношеніе къ ея (говорятъ) исконному врагу—знанію: и, на основаніи этого разсмотрѣнія, мы попытаемся установить первыя методологическія правила въ дѣлѣ выясненія и обоснованія вѣры.

I.

Я проѣхалъ въ 98—99 г.г. по Европѣ, около полугода я жилъ въ Берлинѣ и пять мѣсяцевъ въ Парижѣ — этихъ

двухъ умственныхъ центрахъ стараго материка. Исполняется ли тамъ пророчество фернейскаго пророка? Существуетъ ли тамъ вѣра, какъ умирающій пережитокъ, или она и тамъ, какъ у насъ, есть сила дѣйствующая во спасеніе? И затѣмъ, сравнительно съ тѣмъ, что было назадъ столѣтіе, насколько мы знаемъ и можемъ судить объ этомъ бывшемъ, расширилось или, наоборотъ, съузилось и ослабѣло это царство вѣры? Мнѣ кажется, я высказываю свое личное мнѣніе, что царство вѣры теперь укрѣпилось въ качественномъ отношеніи, вѣра стала болѣе разумною и слѣдовательно болѣе крѣпкою. Конечно, вѣра—не платье, она не выставляется наружу и оцѣнить ея глубину и опредѣлить ея размѣры далеко не такъ легко, какъ опредѣлить значеніе какихъ-либо экономическихъ пріобрѣтеній или территоріальныхъ захватовъ. Вѣра, это—сокровище, которое человѣкъ носитъ въ глубинѣ своего духа и которое, помня заповѣдь Спасителя, онъ даже старается скрывать отъ непосвященныхъ. „Не давайте святыни псамъ“. Можно ли говорить о благодатной силѣ таинства тѣла и крови съ человѣкомъ, для котораго всякое таинство есть только грубое и безмѣрное суевѣріе—предметъ для остротъ и насмѣшекъ. Предъ нимъ должно молчать, чтобы онъ не принялъ горшаго осужденія. Но къ счастію и скрывающая себя молчаливая внутренняя вѣра неизбѣжно должна проявляться въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ обнаруженіяхъ—въ поведеніи, въ отношеніяхъ къ людямъ, въ образѣ дѣйствій. И не только вѣра, но даже и желаніе и исканіе вѣры—я имѣю въ виду разумное и честное исканіе—не могутъ совсѣмъ оставаться тайными: ихъ можно открыть и замѣтить. Христіане перваго вѣка, исповѣдуя тайно свою религію, имѣли нѣкоторый условный знакъ, по которому узнавали другъ друга—знакъ рыбы. Христіанинъ, подозрѣвая въ незнакомомъ собесѣдникѣ христіанина, чертилъ или показывалъ знакъ рыбы, и если собесѣдникъ дѣйствительно былъ христіаниномъ, онъ отвѣчалъ на этотъ тайный знакъ явнымъ исповѣданіемъ вѣры. Масоны новаго времени имѣютъ тоже условные знаки, по которымъ они узнаютъ принадлежность другъ друга къ франкмасонской общинѣ. Но кромѣ этихъ условныхъ знаковъ есть нѣкоторая безусловная печать, которую налагаютъ на человѣка его религіозныя убѣжденія, и отъ взора даже

непроницательнаго и неглубокаго не можетъ совсѣмъ ускользнуть эта печать—печать дара Духа святаго. Внѣшняя жизнь человѣка есть выраженіе его внутренней настроенности, и вотъ, мнѣ кажется, что современная жизнь запада являетъ нерѣдкіе примѣры истинной религіозности—той религіозности, которая является могучею силою міра и ради которой можетъ быть и стоитъ міръ.

Дѣйствительную вѣру, разъ она существуетъ дѣйствительно, теперь найдти легче, чѣмъ это было сто лѣтъ назадъ. Нѣкоторыя условія назадъ тому столѣтіе дѣлали то, что людямъ въ родѣ Вольтера казалось, что истинной вѣры (т. е. вѣры дѣйствующей во благо) нѣтъ совсѣмъ, а людямъ иного склада ума, чѣмъ у Вольтера, казалось и кажется и теперь, что назадъ тому столѣтіе истинной вѣры было очень много. Дѣло въ томъ, что тогда рядомъ съ истинной вѣрой было много симуляціи вѣры. Трудно было иногда различить первую и вторую. Быть вѣрующимъ часто бывало выгодно, и потому рядомъ съ вѣрою тогда стояло лицемѣріе. Репутація религіозной благонадежности, твердость въ вѣрѣ стоили тогда гораздо дороже всякихъ дипломовъ, и поэтому даже либеральные короли XVIII солѣтія при назначеніяхъ на высокія должности руководились какъ главнымъ мѣриломъ таковой репутаціей, и, поощряя вольномысліе въ гостинной, всячески возбраняли ему входъ въ канцеляріи министерствъ. Но канцеляріи эти заманчивы, и потому люди опытные и практичные сбрасывали съ себя легкомысленный костюмъ вольнодумцевъ, облачались во вретище благонадежности, начинали усердно ходить въ церковь, усиленно вздыхали о грѣхахъ и, имѣя въ перспективѣ царство небесное, скоро пріобрѣтали очень хорошее положеніе въ царствѣ земномъ. Теперь такое побужденіе къ религіозному лицемѣрію сильно ослабѣло. Во Франціи ему повидимому трудно имѣть мѣсто. Тамъ религіозность, понимаемая въ смыслѣ католическомъ, естественно можетъ внушать себѣ только опасенія. Тамъ сомнѣваются, чтобы глубокорелигіозный католикъ могъ быть глубокимъ патріотомъ, потому что для искренняго католика интересы Ватикана должны быть дороже интересовъ Франціи, и затѣмъ тамъ сомнѣваются, чтобы искреннему католику могъ нравиться теперешній правительственный строй республики. Христіан-

ская монархія для вѣрующихъ католиковъ должна представляться несравненно болѣе привлекательною, чѣмъ не признающая никакой религіи палата депутатовъ. Поэтому католики въ католической Франціи считаются опасными людьми. Когда тамъ происходятъ религіозныя торжества, и должны бываютъ говорить духовные ораторы—наприм., въ этомъ году на празднествахъ въ честь Жанны Даркъ—правительство заранѣе волнуется, боится антиправительственныхъ рѣчей со стороны духовныхъ, и въ странѣ, гдѣ не запрещаются никакія сходки, гдѣ терпятся анархисты, иногда замѣчается недостатокъ терпимости по отношенію къ служителямъ христіанской религіи. Когда нынѣшнимъ лѣтомъ на скачкахъ въ булонскомъ лѣсу оскорбили дѣйствіемъ президента, въ этой дикой расправѣ кромѣ непосредственныхъ участниковъ обвиняли вообще аристократовъ и клерикаловъ, и лучшіе изъ таковыхъ—назову между ними извѣстнаго антрополога маркиза Надаяка — должны были подать особую петицію о своей совершенной лояльности, полной готовности подчиняться законамъ республики и съ выраженіемъ порицанія тѣмъ, кто такъ грубо выразилъ свой протестъ противъ существующаго правительственнаго строя. При такихъ условіяхъ, понятно, не всякій имѣющій наклонность быть лицемѣромъ захочетъ имъ быть въ дѣйствительности, во всякомъ случаѣ для удовлетворенія своей артистической наклонности къ симуляціи, онъ предпочтетъ стать лицемѣромъ нерелигіознымъ, а политическимъ: будетъ прославлять не Бога, а принципы свободы и равенства и вмѣсто религіозныхъ собраній будетъ усердно посѣщать политическіе митинги. Но пусть его ходитъ, куда онъ хочетъ. Для насъ важно, что около каждаго вѣрующаго человѣка теперь рядомъ не стоитъ симулянтъ и поэтому теперь рѣже и меньше должно приходиться думать—имѣемъ ли мы дѣло въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ съ дѣйствительною вѣрою или съ притворствомъ. Конечно, нельзя сказать, что религіозное лицемѣріе исчезло совсѣмъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ оно не исчезло и во Франціи, но оно ослабѣло.

Рядомъ съ лицемѣріемъ въ доброе старое время было много ханжества. Лицемѣръ стремится обманывать другихъ, ханжа идетъ далѣе: онъ обманываетъ и самого себя. Усердно исполняя внѣшній ритуалъ религіи, онъ пріобрѣтаетъ внут-

реннюю увѣренность, что онъ не таковъ, какъ прочіе человѣки. Мнимымъ или дѣйствительнымъ образомъ эта увѣренность передается и другимъ, и такимъ образомъ ханжа пріобрѣтаетъ внѣшній почетъ и внутреннее благополучіе, пріобрѣтаетъ вліяніе на дѣла и притомъ на дѣла, требующія въ высшей степени нравственно-деликатнаго отношенія—на дѣла религіозной совѣсти. Вліяніе ханжей въ этомъ отношеніи было и велико и плачевно. Нерѣдко это—люди, у которыхъ порочность, безчувственность, жестокость по отношенію къ ближнимъ соединяются съ приданіемъ великой важности и съ тщательнымъ исполненіемъ какихъ-либо правилъ религіознаго ритуала, исполненіе которыхъ съ ихъ стороны не требуетъ никакихъ усилій и никакого труда, но которыя для другихъ часто являются бременами неудобоносимыми. Такого рода ханжество боится просвѣщенія; свѣтъ знанія заставляетъ ханжей оставлять предсѣдательство на торжищахъ и бѣжать въ темныя норы и тайныя помѣщенія, всеравно какъ свѣтъ солнца заставляетъ прятаться летучихъ мышей и совъ. Только невѣжественныхъ людей ханжи успѣваютъ убѣдить, что исполняемыя ими правила—важнѣйшія и спасительнѣйшія правила и что неисполненіе ихъ великое преступленіе, тезисы, которыми они привлекаютъ уваженіе къ себѣ и гнѣвъ на легкомысленно относящихся къ ихъ священному культу. Умственное развитіе, не касаясь щекотливаго вопроса о тѣхъ побужденіяхъ, которыя заставляютъ ханжей становиться ханжами, показываетъ, что ихъ дѣло—пустое дѣло и даже не дѣло, къ нимъ начинаютъ относиться съ насмѣшкою и презрѣніемъ и ихъ перестаютъ слушать, и они тогда удаляются въ свои коморы, чтобы оплакивать развращенность людей, а охотниковъ стать ихъ преемниками въ виду невыгодности занятія не оказывается.

Такъ, по мѣрѣ развитія изъ кадровъ людей, стоящихъ подъ знаменемъ религіозной вѣры, выходятъ лицемѣры и ханжи, затѣмъ, по мѣрѣ научнаго развитія отъ вѣры, которая сама становится просвѣщенною, отдѣляются люди суевѣрные и люди слѣпой вѣры. Источникъ слѣпыхъ и суевѣрныхъ вѣрованій — умственная и нравственная лѣнь. Люди, мышленіе которыхъ не привыкло работать, смотрятъ на вещи глазами своихъ отцовъ, повторяютъ ихъ символъ вѣры и

служатъ ихъ богамъ, но истинное богопочитаніе не можетъ быть наслѣдственною привычкою, а должно быть выраженіемъ живаго убѣжденія и личной настроенности. Рутина въ дѣлѣ религіи часто прикрываетъ отсутствіе религіи, а тамъ, гдѣ она является даже фанатичной, прикрываетъ отсутствіе разума. Если люди, не любящіе мыслить, становятся приверженцами слѣпой вѣры, то люди, не любящіе нравственной самодѣятельности, охотнѣе другихъ подчиняются вліянію суевѣрій, они живутъ въ мірѣ нелѣпыхъ страховъ и химерическихъ надеждъ, но понятно, что опору своимъ заблужденіямъ они могутъ находить только въ своеобразномъ толкованіи религіознаго ученія о тайнѣ и таинствѣ, а не въ раціонализмѣ. По естественному порядку такіе люди свою патологическую религіозность должны передавать своимъ дѣтямъ, но здѣсь между ними и ихъ дѣтьми становится просвѣщеніе, наука. Новыя знанія, которыя даетъ этимъ дѣтямъ школа, оказываются несогласимыми или трудно согласимыми съ вѣрованіями отцовъ. Разбираться въ этихъ вѣрованіяхъ и знаніяхъ оказывается и трудно и некогда; при новыхъ условіяхъ жизни является болѣе удобнымъ пользоваться новыми знаніями, чѣмъ старыми вѣрованіями и суевѣріями, и дѣти пассивно плывутъ по новому руслу, которое прорыла новая эпоха, какъ отцы пассивно плыли по старому.

Такъ, въ XIX столѣтіи происходило не паденіе религіи, не крушеніе вѣрованій, а оставленіе знамени вѣры тѣми, которые всегда были сомнительными исповѣдниками истинъ религіи, и нравственныя качества которыхъ нерѣдко могли бросать только тѣнь на то знамя, подъ которымъ они стояли. Должно ли скорбѣть о томъ, что съ ихъ удаленіемъ ряды вѣрующихъ порѣдѣли? Нѣтъ, думаемъ мы, потому что они не только не служили дѣлу религіозной истины, но не рѣдко препятствовали и другимъ увидѣть, гдѣ она находится. Однако было бы большою несправедливостію сказать, что наука, просвѣщеніе отняли у христіанства только ненужныхъ или даже негодныхъ членовъ. Нѣтъ, взглянемъ смѣло въ глаза истинѣ и сознаемся, что наука отнимаетъ у религіи людей, которые, еслибы она не отняла ихъ, были бы добрыми сынами вѣры. Такое обвиненіе науки можетъ нѣкоторымъ показаться ужаснымъ, пародоксальнымъ, но за

всѣмъ тѣмъ оно справедливо: наука заставляла и заставляетъ многихъ отказываться отъ признанія истинъ религіи во имя двухъ родовъ основаній: во 1) потому что наука неоднократно провозглашала, какъ доказанную истину, положенія, которыя стоятъ повидимому или въ дѣйствительномъ противорѣчіи съ истинами вѣры; во 2) потому что наука, воспитывая мышленіе человѣка въ сферѣ естественнаго, тѣмъ самымъ отучаетъ его отъ пониманія сверхъестественнаго: одностороннее изученіе матеріи заставляетъ забывать о духѣ; и постоянное изслѣдованіе физическихъ законовъ необходимости дѣлаетъ непонятными и недопустимыми нравственные законы свободы. Такимъ образомъ и методы науки и ея содержаніе являются искушеніемъ для вѣры человѣка. Господь не налагаетъ на людей искушеній болѣе, чѣмъ они могутъ понести, но люди часто не обнаруживаютъ охоты нести и такое бремя, которое вполнѣ отвѣчаетъ ихъ силамъ, отъ этого и происходятъ паденія при искушеніяхъ. Теперь въ новое время, какъ и въ первые дни послѣ творенія, искушеніе діавола: будете какъ боги, знающіе добро и зло, оказывается особенно гибельнымъ. Исполняется толкованіе Господа притчи о плевелахъ: „Ко всякому слушающему слово о царствіи и неразумѣющему приходитъ лукавый и похищаетъ посѣянное въ сердцѣ его: вотъ, что означаетъ посѣянное при дорогѣ“ (Мѳ. XIII, 19).

Безъ сомнѣнія, это печально. Печально видѣть людей, которые повидимому по своимъ умственнымъ дарованіямъ и нравственнымъ качествамъ должны бы были быть украшеніемъ христіанской церкви и которые выступаютъ на борьбу противъ этой церкви. Печально видѣть это пораніе противъ рожна, которое притомъ обыкновено заканчивается не тѣмъ, что Савлы становятся Павлами, но, напротивъ, тѣмъ, что и слушавшіе раньше слова св. Павла превращаются въ Савловъ. Церковь покидается. Надежды Вольтера на то, что наука будетъ отнимать у церкви ея сыновъ, оправдывались и оправдываются отчасти, но къ счастію только отчасти. Остается еще добрая земля, сѣмя, посѣянное на которой, приноситъ плодъ: одно—во сто кратъ, другое—въ шестьдесятъ, иное въ тридцать. т. е. есть люди, слушающіе слово истины и разумѣющіе его.

Нѣкогда пророку при Хоривѣ, возмущенному нечестіемъ

Израиля и думавшему, что только онъ одинъ остался вѣрнымъ служителемъ Господу, въ вѣяніи тихаго вѣтра Господь возвѣстилъ, что Онъ „оставилъ между израильтянами семь тысячъ (мужей); всѣхъ сихъ колѣна не преклонялись предъ Вааломъ и всѣхъ сихъ уста не лобызали его“ (3 цар. IX, 18). Мы недостойны подобно великому пророку получать вразумленія свыше. Но достаточно вразумленій намъ даетъ сама дѣйствительность. Намъ говорятъ: „невѣрующій западъ“, „гніющій западъ“, намъ пишутъ книги: „борьба съ западомъ“, все это, конечно, должно утверждать въ мысли, что религіозность на западѣ подгниваетъ, и что просвѣщеніе тамъ неизбѣжно соединяется съ безбожіемъ. Но страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ. Книги часто бываютъ плохимъ зеркаломъ дѣйствительности, искажающимъ и обезображивающимъ ее. Одну сторону жизни, одно явленіе, нѣсколько фактовъ писатели обобщаютъ, провозглашаютъ всеобщій характеръ этого явленія, ужасаются имъ или ликуютъ. Изъ множества красокъ и цвѣтовъ, которыми пестрѣетъ міръ, они выбираютъ какой-либо одинъ и думаютъ, что избранный ими цвѣтъ и есть окраска цѣлаго міра. Нѣсколько атеистическихъ и кощунственныхъ книгъ, нѣсколько случаевъ, говорящихъ о дурной нравственности и безрелигіозности, и вотъ готово обобщеніе, что люди невѣруютъ, развратились, какъ во дни Ноя, и что нужно ждать скораго гнѣва Божія подобнаго тому, который нѣкогда поразилъ Гоморру. Но міръ стоитъ. Солнце свѣтитъ. Каждую весну расцвѣтаютъ цвѣты, природа облекается въ праздничные уборы, птицы и животныя наслаждаются радостями жизни, а человѣку дано ихъ неизмѣримо больше. Значитъ, есть нѣчто доброе въ мірѣ, ради чего поддерживаетъ Господь бытіе міра, значитъ, есть еще въ человѣчествѣ горѣніе и трепетаніе духа, тяготѣніе къ безконечному благу.

Да, оно есть, не на востокѣ только, не въ Москвѣ которую парижане называютъ святымъ городомъ (la sainte ville de Moscou), но и въ Парижѣ и въ другихъ старыхъ городахъ старой Европы.

Вотъ передъ нами столица Германіи-Берлинъ. Въ немъ немало величественныхъ и просторныхъ церковныхъ зданій. Посмотрите на жизнь Берлина между 10 и 12 часами по воскреснымъ днямъ. Всѣ магазины, всѣ торговыя заведенія

заперты, улицы пустынны и даже на обыкновенно оживленномъ Фридрихштрассэ—этомъ жизненномъ нервѣ Берлина—вы находите рѣдкихъ встрѣчныхъ и на лицахъ всѣхъ какъ бы написано, что они и сами понимаютъ, что теперь не время фланировать по городу. Войдите въ церкви: онѣ полны посѣтителями. Въ протестантскихъ церквахъ присутствующіе сидятъ, но если вы пришли поздно, для васъ не останется мѣста на скамейкахъ и вамъ по православному обычаю придется слушать службу стоя. Пѣніе, игра на органѣ, молитва и проповѣдь, вотъ—содержаніе протестантской службы. Въ пѣніи отчасти принимаютъ участіе всѣ присутствующіе, проповѣдь слушается съ глубокимъ вниманіемъ, тишина, серьезность. Составъ присутствующихъ разнообразный: старые и молодые, мужчины и женщины, преобладаетъ элементъ женскій, дѣти совершенно отсутствуютъ. Но не думайте, что дѣти забыты. Для нихъ совершается спеціальная служба около двухъ часовъ дня. Тогда происходятъ церковныя собранія изъ тѣхъ малыхъ, о которыхъ Христосъ сказалъ, что таковыхъ есть царствіе Божіе. Маленькіе мальчики и дѣвочки всегда хорошо и чисто одѣтые, какъ бы ни были бѣдны ихъ родители, съ серьезными и торжественными личиками сопровождаемые матерями, нянъками и воспитателями школъ собираются слушать наставленія пастора, получаютъ религіозно-нравственныя брошюры, листки и безъ сомнѣнія они расходятся потомъ къ своимъ дѣтскимъ забавамъ съ болѣе чистою и просвѣтленною душою.

Кромѣ воскресеній въ протестантскихъ кирхахъ бываютъ еще собранія вечеромъ по средамъ. И эти собранія не бываютъ малолюдными, только на нихъ въ громадномъ большинствѣ преобладаютъ женщины. Женщины—охранительницы интимныхъ началъ: мужчина проводитъ свою жизнь и дѣлаетъ свое дѣло въ обществѣ, на улицѣ, предъ людьми, женщина своими заботами охраняетъ семью, покой и чистоту семейнаго очага, она раньше священника учитъ ребенка молиться. Ренанъ сказалъ, что въ образованіи великихъ религій (христіанства и ислама) великую роль играли женщины. Что ни одна строка христіанскаго и магометанскаго вѣроученія не написана женщиною, это слѣдовало бы знать французскому ученому, но что въ христіанской общинѣ и особенно въ христіанской семьѣ женщины оказывали могу-

чее вліяніе на проведеніе религіознаго вѣроученія въ жизнь, объ этомъ мы склонны спорить всего менѣе. Мужчину отъ религіозныхъ заботъ отвлекаетъ „злоба дневи“, онъ находитъ себѣ ободреніе и нравственное успокоеніе въ семьѣ, здѣсь онъ забываетъ о горестяхъ и непріятностяхъ службы, о тяжелыхъ столкновеніяхъ, о несправедливости. Женщина для того, чтобы дать нравственныя ободреніе и поддержку ищущему ихъ мужу, черпаетъ себѣ нравственныя силы въ молитвѣ и церкви, и тотъ запасъ чистаго настроенія и добрыхъ мыслей, который ей даетъ церковь, она отдаетъ семьѣ, дѣтямъ, мужу. Церковныя собранія Берлина показываютъ, что тамъ много такихъ женщинъ, и что, слѣдовательно, тамъ много дѣтей будетъ научено хорошо молиться.

Одинъ день въ году протестанты всецѣло посвящаютъ покаянію. Это—Busstag—день покаянія. Въ Берлинѣ въ прошломъ году онъ справлялся въ среду 16 (4) ноября. Торговая, научная, промышленная и служебная жизнь въ этотъ день прекращаются. Въ университетѣ не читается лекцій, въ театрахъ не играютъ спектаклей, не дозволяются даже концерты. Совершаются усиленныя службы, а вечеромъ въ нѣкоторыхъ театрахъ даются духовныя ораторіи. Я былъ въ этотъ день въ церкви ап. Филиппа. Проповѣдывавшій суперъ—интендентъ Фридрихъ говорилъ проповѣдь на евангелическій разсказъ о томъ, что Христосъ лицамъ, сообщившихъ ему о галилеянахъ умерщвленныхъ Пилатомъ сказалъ: „думаете ли вы, что эти галилеяне были грѣшнѣе всѣхъ галилеянъ, что такъ пострадали? Нѣтъ, говорю вамъ, но если не покаетесь, всѣ также погибнете“ (Лук. XIII, 2—3). Эти громовообличительныя слова Господа проповѣдникъ — хотя и не въ угрожающе суровой формѣ—нашелъ возможнымъ приложить къ своей скромной паствѣ. Громадная зала кирхи, хоры, все было переполнено, костюмы на всѣхъ были скромны, лица носили на себѣ отпечатокъ религіознаго смиренія. Всѣ приходили сюда съ любовью къ Богу и всѣ призывались къ любви къ ближнему (при кирхѣ имѣется попечительство о бѣдныхъ прихода), и думается, что всѣ вышли изъ нея нѣсколько лучшими, чѣмъ какими вошли. Въ томъ обстоятельствѣ, что въ этотъ день запрещены спектакли, ясно открывается, что большинство на сторонѣ церковныхъ преданій, что религія здѣсь далеко не достояніе исторіи.

А дозволенныя ораторіи? Это, вѣдь, нѣчто подобное богослуженію. Я слушалъ въ тотъ вечеръ въ королевской оперѣ ораторію Гайдна—„времена года“. Театръ былъ полонъ, но публика была одѣта необыкновенно скромно. Въ художественно задушевной формѣ изобразивъ путь жизни человѣка, ораторія дала всѣмъ глубоконравственное назиданіе, показавъ, какимъ разумнымъ свѣтомъ освѣщаетъ круговоротъ жизни религія. Въ произведеніи не было ни одного элемента, ни одной ноты, которые носили бы на себѣ отпечатокъ того, что нерѣдко носитъ на себѣ искусство — язычества, прославленія человѣческой страсти, любви къ женщинѣ, геройскихъ подвиговъ и т. п. Нѣтъ, все было освѣщено высокою христіанскаго идеею. Это былъ урокъ религіозной этики, облеченный изъ снисхожденія къ немощи слушателей въ эстетически художественную форму.

Мнѣ пришлось еще провести въ Берлинѣ Weihnacht—святую ночь, рождество Спасителя міра. Рождество—дѣтскій праздникъ. Уже задолго до 25 декабря въ магазинахъ появились елки, праздничные дѣды съ праздничными подарками, башмаки наполненные конфектами и т. д. Почти каждое нѣмецкое семейство устраиваетъ себѣ въ этотъ праздникъ елку. Но религіозный центръ тяжести въ праздникѣ чувствуется очень сильно. Уже задолго до святокъ въ кирхахъ начинаютъ даваться религіозные концерты—содержаніе піесъ главнымъ образомъ составляетъ событіе Рождества,— иногда устанавливается небольшой сборъ въ пользу бѣдныхъ на святки, ибо весьма прилично конечно, чтобы былъ хотя одинъ день въ году, когда и всѣ бѣдные были бы сыты. Все это, видно, совершается по установившейся вѣками традиціи, эти сантиментально возвышенные концерты, на которыхъ добродушныя нѣмки проливаютъ обильныя слезы, эти праздничныя книжки и картинки, назидательно поучающія о святой ночи, и это свѣтло-торжественное и умиленное настроеніе, которое, конечно, болѣе всего охватываетъ дѣтей, но которое чувствуютъ въ нѣкоторой мѣрѣ и старики и взрослые. Чѣмъ можетъ замѣнить наука эту чистую радость чистаго праздника?

sic!

У насъ имѣются данныя, что даже тогда, когда эта наука заключаетъ свое содержаніе въ отрицаніи божественнаго характера христіанскихъ праздниковъ и въ отрицаніи сверхъ-

естественности христіанства. служители ея иногда ищутъ успокоенія въ томъ, что они отрицаютъ въ своихъ научныхъ теоріяхъ. Есть въ Берлинѣ тиргартенъ, это большой лѣсъ среди большаго города. Въ немъ есть церковь во имя ап. Матѳея, пасторъ этой церкви Браунъ—одинъ изъ лучшихъ проповѣдниковъ Берлина—отличается въ церковномъ отношеніи строгимъ образомъ мыслей и сурово осуждаетъ новѣйшее раціоналистическое направленіе богословской науки, онъ стоитъ за то богословіе, которое существовало изстари, которое вѣритъ, что Христосъ воскресъ и что если Онъ не воскресъ, то суетна вѣра наша. Знаете ли, кого называютъ въ числѣ усердныхъ слушателей и почитателей этого пастора? Адольфа Гарнака, эту блестящую звѣзду Берлинскаго Университета. Историкъ раціоналистъ, можетъ быть забывая о своихъ раціоналистическихъ теоріяхъ, скромно слушаетъ здѣсь изложеніе и утвержденіе старой, имъ въ сущности отрицаемой протестантской вѣры. Что приводитъ сюда историка? Недавно его постигло несчастье. Его братъ—профессоръ математики, которому онъ посвятилъ свою исторію догматовъ, сошелъ съ ума; онъ заболѣлъ маніей преслѣдованія, совершилъ изъ Берлина въ Будапештъ бѣгство отъ воображаемыхъ враговъ и кончилъ тѣмъ, что былъ посаженъ въ домъ умалишенныхъ. Мы думаемъ, что подобнаго рода событія не остаются безъ вліянія на наше нравственное міросозерцаніе, но намъ также кажется, что для талантливаго историка и помимо этого печальнаго обстоятельства имѣлись побужденія, заставлявшія его ходить въ церковь тиргартена. Остроумно и своеобразно объясняя происхожденіе христіанскихъ догматовъ, онъ своимъ свѣтлымъ умомъ долженъ былъ видѣть, что онъ лишаетъ ихъ внутренняго смысла, и его сердце, конечно, не могло успокоиться на его доктринахъ. Въ лабораторіи своихъ научныхъ спекуляцій онъ долженъ былъ находить слишкомъ мало чистаго и согрѣвающаго душу воздуха. Такой воздухъ сохраняется въ старыхъ церквахъ, и блестящій историкъ Берлина и ходитъ туда, чтобы отъ времени до времени дышать въ ихъ здоровой и нравственно-благодѣтельной атмосферѣ.

Германію, положимъ, не называютъ безбожною, но этотъ эпитетъ часто усвояютъ странѣ, съ которою мы въ настоящее время находимся въ союзѣ—Франціи. Союзная, друже-

ственная.... и безбожная нація. Для уха человѣка воспитаннаго въ старыхъ вѣрованіяхъ такое сопоставленіе опредѣленій, безъ сомнѣнія, покажется страннымъ, но намъ кажется, что это послѣднее опредѣляющее прилагательное не только странно, а въ значительной мѣрѣ и невѣрно. Въ Парижѣ возвышается не мало величественныхъ и грандіозныхъ церквей, и эти церкви—не забытые музеи, не археологическіе памятники, а мѣста постоянныхъ многолюдныхъ собраній. Зайдите въ Notre Dame (соборъ парижской богоматери) въ какой вамъ угодно часъ, и всегда вы увидите у подножія статуи дѣвы людей, которые на колѣнахъ выливаютъ и исповѣдываютъ передъ нею скорби своего сердца, молятъ о своихъ нуждахъ, благодарятъ за полученныя радости. На улицахъ Парижа можно встрѣтить очень многихъ духовныхъ лицъ. О томъ, что религіозная вѣра далеко не угасла въ Парижѣ, кромѣ церквей и кюрэ свидѣтельствуютъ цѣлые улицы и округи. На улицѣ Rennes—громадной и широкой улицѣ, тянущейся отъ бульвара С.-Жерменъ къ вокзалу Монпарнассъ вы найдете цѣлую серію магазиновъ торгующихъ религіозными предметами, спеціальные книжные магазины по католическому богословію (въ другихъ мѣстахъ имѣются спеціально протестантскіе). Округъ около церкви св. Сульпиція (тамъ состоитъ аббатомъ Вигуру—изслѣдователь въ области Ветхаго Завѣта, работы котораго высоко цѣнятся и учеными раціоналистическаго направленія) прямо носитъ названіе клерикальнаго: магазины, названія, надписи, все здѣсь говоритъ о силѣ католической вѣры. На любой улицѣ Парижа вы найдете немало магазиновъ, гдѣ продаютъ Souvenir première communion — обыкновенно картинки на память о первомъ причащеніи, и въ магазинахъ платья обыкновенно выставляются костюмы мальчиковъ и дѣвочекъ для première communion. Къ первому причащенію у католиковъ допускаются мальчики и дѣвочки въ возрастѣ лѣтъ 14 послѣ испытанія въ знаніи вѣры, и видно, что еще многіе жители Парижа считаютъ нужнымъ учить дѣтей истинамъ этой вѣры и направлять ихъ къ принятію пищи отъ древа жизни.

Замѣчательно, что въ Парижѣ религія имѣетъ своихъ почитателей главнымъ образомъ вовсе не въ низшемъ классѣ населенія, христіанство здѣсь вовсе не религія рабовъ, какъ

это было въ древнемъ Римѣ, и не религія невѣждъ, какъ это пытаются утверждать нѣкоторые органы русской печати. Нѣтъ, христіанство имѣетъ здѣсь своихъ искреннихъ сыновъ въ самыхъ различныхъ классахъ общества. И такъ какъ мы съ вами, конечно, должны и хотимъ имѣть дѣло съ міромъ интеллигентнымъ, съ міромъ разума, то для насъ и поучительно отмѣтить, что въ высшемъ ученомъ учрежденіи французской республики члены съ христіанскимъ образомъ мыслей вовсе не устраняются и не представляютъ собою исключительнаго явленія. Высшее ученое учрежденіе Франціи, это—французскій институтъ, зданія котораго помѣщаются противъ роскошныхъ музеевъ Лувра на лѣвомъ берегу Сены. Институтъ этотъ подраздѣляется на слѣдующія отдѣленія: французская академія (академія сорока безсмертныхъ), образующаяся главнымъ образомъ изъ наличнаго состава лучшихъ французскихъ литераторовъ, академія наукъ, академія надписей и изящной литературы, академія нравственныхъ и политическихъ наукъ, академія изящныхъ искусствъ. Между членами этихъ академій находится немало лицъ, религіозность которыхъ никѣмъ не оспаривается. Таковъ въ числѣ безсмертныхъ Брюнетьеръ (онъ же редакторъ одного изъ самыхъ солидныхъ журналовъ Франціи Revue de deux mondes), по мнѣнію нѣкоторыхъ и благомыслящихъ и вѣрующихъ ученыхъ онъ даже перешелъ нужныя границы въ своемъ недавнемъ апологетическомъ походѣ, именно тѣмъ, что, защищая вѣру, вздумалъ черезъ чуръ унижать науку, этимъ онъ далъ въ руки своихъ враговъ оружіе, которымъ, конечно, тѣ не замедлили воспользоваться. Но во всякомъ случаѣ Брюнетьеръ—лицо не отсталое по своимъ воззрѣніямъ: засѣданія академіи бываютъ подъ его предсѣдательствомъ. Далѣе, въ числѣ членовъ есть даже епископъ (Перо, епископъ отенскій), членомъ состоитъ Бурже, который довольно рѣшительно исповѣдуетъ истинность и нравственную обязательность христіанскихъ доктринъ. По отдѣленію наукъ мы находимъ не мало добрыхъ католиковъ и вообще вѣрующихъ христіанъ: престарѣлаго математика Гермита, астронома Фая, который начало своей книги о происхожденіи міра посвятилъ разсужденію о Богѣ творцѣ, бытіе котораго призналъ непоколебимо, Лаппарана—строгаго католика и блестящаго геолога, Годри, который хотя и вѣ-

руетъ въ эволюцію, но вѣруетъ также, что прогрессивное теченіе міровой жизни управляется высшимъ Промысломъ. Въ академіи надписей мы находимъ аббата Дюшенія, въ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ Поля Жанэ и Бутру являются представителями идеалистическихъ началъ. Къ этимъ именамъ можно бы было присоединить и другія и потомъ должно замѣтить, что если начать перечислять членовъ института, стоящихъ въ прямой оппозиціи къ религіи, то ихъ окажется очень немного. Каждый новый членъ въ каждомъ отдѣленіи института выбирается путемъ голосованія членами этого отдѣленія. Конечно, всѣ кандидаты хорошо извѣстны тѣмъ, кто ихъ выбираетъ, и то обстоятельство, что при такихъ условіяхъ выбираются лица съ религіознымъ міросозерцаніемъ и что, напротивъ, прямые противники религіи выбираются рѣдко и только обыкновенно уже во вниманіе къ исключительной талантливости (въ прежнее время Литрэ, Ренанъ, теперь— Сюлли Прюдомъ, но Эмиль Зола въ теченіе уже многихъ годовъ тщетно стучится въ двери академіи), ясно показываетъ, что атмосфера французскаго института, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и атмосфера всей мыслящей Франціи вовсе не антирелигіозная.

Мы ведемъ рѣчь о томъ, что было и что есть. То, что есть, мы можемъ наблюдать болѣе или менѣе непосредственно: современное религіозное состояніе Россіи, Германіи, Франціи, Англіи и т. д., но о томъ, что было, мы можемъ судить только по литературнымъ источникамъ, свидѣтельствамъ современниковъ, и здѣсь наши представленія о положеніи дѣлъ могутъ въ значительной степени мѣняться, смотря по тому, какія начала мы примемъ въ руководство для составленія нашихъ сужденій. При оцѣнкѣ и выясненіи прошедшаго очень легко можно впасть въ заблужденіе, довѣрившись писателямъ, которые идеализируютъ старину и особенно старину религіозную. Намъ всѣмъ приходилось слыхать и читать о благочестивой и святой старинѣ, о благочестіи людей прошлыхъ столѣтій, и опираясь на подобнаго рода чтеніе, нѣкоторые думаютъ, что происходитъ постоянное паденіе вѣры. Но обратимся къ иного рода документамъ. Остановимся на философской литературѣ второй половины XVIII столѣтія и именно на философской литера-

турѣ Франціи и сравнимъ ее съ современной. Литература прошлаго столѣтія безмѣрно далеко заходила въ отрицаніи, литература настоящаго времени гораздо сдержаннѣе, спокойнѣе—и относится съ несравненно большимъ уваженіемъ къ традиціоннымъ взглядамъ и вѣрованіямъ. Франція и особенно Парижъ легко могутъ произвести на наблюдателя впечатлѣніе безбожной страны, потому что тамъ не запрещается невѣрующимъ людямъ громко кричать, что они ни во что не вѣруютъ, но очень несправедливо шумъ, поднимаемый подобнаго рода лицами, принимать за выраженіе общаго настроенія и общихъ убѣжденій. Разумная религіозная вѣра спокойна, серьезна и не говорлива; невѣріе нерѣдко бываетъ хвастливымъ и заносчивымъ и часто обнаруживаетъ наклонность къ побѣдоносному шуму. Во Франціи нѣтъ цензуры, и потому атеисты спѣшатъ воспользоваться имѣющеюся возможностью поглумиться надъ вѣрою, высказать свое profession de foi, привлечь, если это окажется возможнымъ, къ себѣ новыхъ адептовъ. Когда, основываясь на подобнаго рода явленіяхъ, намъ говорятъ о современномъ торжествѣ атеизма и объ отошедшемъ въ вѣчность благочестіи прошлаго, намъ вспоминаются разсказы о прежнихъ благочестивыхъ людяхъ, которые громко въ слухъ всего міра говорили: Господь Богъ создалъ Адама, а потихоньку въ интимныхъ компаніяхъ наставляли: „ну, полно, какой тамъ Богъ, просто на просто обезьяна“ когда у лучшихъ изъ таковыхъ въ интимной же бесѣдѣ спрашивали, почему же они оказываются такими неблагодарными по отношенію къ произведшей ихъ природѣ и по отношенію къ своимъ дѣйствительнымъ обезьяноподобнымъ предкамъ, ставя на ихъ мѣсто придуманнаго Бога и миѳическаго Адама,—они отвѣчали, что этимъ они успокоиваютъ сердца вѣрующаго народа и дѣлаютъ болѣе спокойнымъ и счастливымъ собственное положеніе, послѣднее, конечно, самое важное. Святые отцы и благочестивые мыслители прошлыхъ вѣковъ всегда признавали, что есть нѣчто худшее, чѣмъ атеизмъ, и мы думаемъ, что это религіозное лицемѣріе прошедшаго гораздо хуже наивнаго крика современныхъ атеистовъ.

Говорятъ о томъ, что религіозность исчезаетъ въ массахъ. Но прежде всего спросимъ мы, откуда знаютъ, что она въ нихъ была? Къ народу, къ массамъ внимательно стали от-

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук АКАДЕМИИ НАУК СССР

носиться и изучать его только недавно. Прежде его или игнорировали или идеализировали, или изображали въ самыхъ черныхъ краскахъ, но въ глубину народной души не заглядывали. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что назадъ тому столѣтіе народъ былъ гораздо невѣжественнѣе, чѣмъ теперь: онъ не зналъ самыхъ начальныхъ истинъ религіозной вѣры. Какую же вѣру могъ имѣть онъ? кѣмъ и какому невѣдомому Богу былъ воздвигнутъ алтарь въ сердцахъ этого народа? Что онъ былъ суевѣрнѣе, это—безспорно. Въ такомъ случаѣ нужно только радоваться, что онъ теперь хотя отчасти освободился отъ гнета и власти страховъ созданныхъ собственнымъ воображеніемъ, онъ сталъ менѣе довѣрчивъ и болѣе критиченъ и самостоятеленъ; но дѣйствительные сторонники религіозной истины могутъ и должны только радоваться этому.

Я сказалъ, что мнѣ представляется, что вѣра теперь стала болѣе разумною и, слѣдовательно, болѣе крѣпкою. Вѣра людей въ теченіе послѣдняго столѣтія подвергалась многимъ искушеніямъ, и потому неудивительно, что большинство изъ преодолѣвшихъ искушенія суть люди высокихъ достоинствъ. Прежде вѣра, все равно какъ милостыня фарисеевъ, получала очень скоро свою награду и притомъ не отъ Бога, а отъ людей. Это дѣлало слабѣйшихъ изъ вѣрующихъ требовательными, заносчивыми, самоувѣренными. Они могли преслѣдовать невѣріе, сомнѣнія, и будучи господами положенія вещей, они нерѣдко въ религіозной, но неразумной ревности на ряду съ дѣйствительными заблужденіями преслѣдовали и мнимыя, на ряду съ требованіемъ исповѣданія божественной истины часто требовали исповѣданія и человѣческой лжи—своего совершенно ошибочнаго пониманія писанія и—вообще—откровенія. Теперь положеніе вещей измѣнилось. Люди вѣры прежде всего сами призываются давать отчетъ въ ихъ упованіи, имъ никто не спѣшитъ подчиниться, но отъ нихъ требуютъ, чтобы они представили оправданіе разумности и моральности своихъ воззрѣній. Прежде учители вѣры не всегда съ достаточнымъ разборомъ возлагали бремена на тѣхъ, кто желалъ имъ слѣдовать, придавали одинаковую важность и существенному и несущественному, не разграничивали области вѣры отъ области подлежащей свободному изслѣдованію, по этому ученіе о

кровообращеніи или о шарообразности земли казалось имъ иногда болѣе преступнымъ, чѣмъ воровство и убійство. Теперь въ силу новыхъ условій они принуждены много раздумывать о существенномъ и несущественномъ въ вѣрѣ, о томъ, гдѣ должно полагать границы требованіямъ религіознаго вѣроученія. Прежде ad maiorem Dei gloriam—для религіозныхъ цѣлей часто пускались въ ходъ мірскія средства, пытались насильно направлять людей въ царство небесное, теперь въ этомъ дѣлѣ слѣдуютъ словамъ Господа о царствѣ небесномъ, что оно" силою берется и употребляющіе усиліе входятъ въ него"—входятъ при помощи собственной нравственной самодѣятельности, къ которой могутъ направить человѣка только высокій нравственный примѣръ и убѣждающее своею внутреннею истиною слово. И на самомъ дѣлѣ—посмотримъ: въ доброе старое время, когда царили благочестіе и чистота вѣры, на которыя такъ умиляются любители старины, каковы были духовные вожди народа? Католическое духовенство начала новыхъ вѣковъ, іезуиты—что же это дѣйствительные служители Христа и истолкователи Его заповѣдей? Іезуитовъ вообще никогда не обвиняли въ безнравственности, они всегда являлись фанатическими служителями религіозной идеи, но какимъ грубымъ непониманіемъ христіанства была запечатлѣна ихъ дѣятельность въ прошедшемъ! Іезуитовъ много и теперь, между ними много ученыхъ, и вѣрующіе и невѣрующіе читаютъ теперь съ истиннымъ удовольствіемъ ихъ трактаты—въ этихъ трактатахъ нѣтъ старой казуистики, нравственной эластичности, двухсмысленности, это—добросовѣстныя и часто талантливыя изслѣдованія по различнымъ вопросамъ знанія. На служителяхъ католической вѣры лежитъ старая тѣнь многихъ историческихъ грѣховъ: ихъ обвиняютъ и въ жестокости къ противникамъ (Бруно, Галилею) и въ безнравственности. Разсказываютъ страшныя исторіи о развратѣ папъ. Но теперь? Самый упорный врагъ католицизма едвали насчитаетъ во Франціи много фактовъ, говорящихъ о безнравственности или безчестности ихъ служителей алтаря. Что касается до нравственной личности послѣднихъ папъ, то на нее рѣшительно никто не осмѣливается набросить тѣни. Католицизмъ съ своимъ видимымъ непогрѣшимымъ главою, конечно, содержитъ много заблужденій; нельзя сказать, что

его духовенство вообще безупречно: отъ времени до времени оно въ различныхъ мѣстахъ проявляетъ неразумный фанатизмъ, и затѣмъ, обязательное целибатство налагаетъ на него такое искушеніе, переносить которое способными оказываются только немногіе. Но безспорно, что теперешнее духовенство несравненно лучше прежняго, что времена Боккачіо и его „декамерона“ прошли. Если учители и руководители стали лучше, то должны стать лучше и ученики и руководимые.

Но мы предполагаемъ не только то, что учители вѣры и общество вѣрующихъ становится лучше; нѣтъ, мы предполагаемъ гораздо бо́льшее, что и невѣрующее общество стало лучше, что, не смотря на то, что оно отрицаетъ ученіе Христа, оно восприяло нѣкоторыя Христовы заповѣди и все шире и шире, болѣе и болѣе проводитъ ихъ въ жизнь. Ближайшая задача, которая намѣчена возрожденному человѣчеству, это—устроеніе царствія Божія (церкви Божіей) на землѣ. Царство Божіе, это—правда, миръ и радость о Святомъ Духѣ. Безъ сомнѣнія, прямой путь, которымъ каждый можетъ содѣйствовать устроенію этого царствія, это—прежде всего личное религіозное, а затѣмъ и всестороннее усовершеніе; но человѣкъ слабъ, и едвали его особенно можно осуждать, если онъ приближается къ высшей правдѣ не прямыми, а извилистыми путями. Должно любить Бога, это—высшая задача и высшее блаженство человѣка, но больному и мутному взору человѣчества страшно и больно взирать на Божество. Поэтому людямъ дана другая ближайшая заповѣдь—любить ближняго. Кто говоритъ: „я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ; тотъ лжецъ, ибо нелюбящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ“ (1 Іоан. IV, 20). Апостолъ не говоритъ, что, кто любитъ ближняго, тотъ уже непремѣнно любитъ и Бога, но изъ его словъ можно вывести, что любовь къ ближнему есть шагъ на пути любви къ Богу. И вотъ, мнѣ думается, что невѣрующій Западъ дѣлаетъ шаги въ этомъ направленіи. Никто не можетъ оспаривать, что тамъ видна усиленная забота о благополучіи меньшихъ братій. Забота о томъ, чтобы бѣднымъ дѣтямъ давать безплатное образованіе, доставлять содержаніе, развлеченія, устраивать для нихъ праздники; затѣмъ забота о бѣдныхъ

взрослыхъ, чтобы они не подвергались эксплоатаціи богатыхъ, чтобы они по возможности имѣли доступъ къ духовнымъ радостямъ жизни, могли наслаждаться чтеніемъ, музыкою, пѣніемъ, театромъ, могли бы видѣть произведенія искусства, знакомиться съ научными завоеваніями. Далѣе, забота о бѣдныхъ въ болѣзни и старости—образованіе пенсій, сберегательныхъ кассъ.—Теперь тщательно стараются урегулировать заработную плату и число часовъ рабочаго дня. Число рабочихъ часовъ стремятся сократить, а заработную плату увеличить. Безплатныя лѣчебницы, безплатныя библіотеки, безплатные учебные курсы въ западныхъ городахъ часто попадаются на глаза. Во время моего пребыванія въ Парижѣ тамъ произошла стачка почтальоновъ. Палата депутатовъ составила проэктъ объ увеличеніи ихъ содержанія, сенатъ отвергъ предложеніе палаты. Это произошло въ среду днемъ, а въ четвергъ утромъ въ Парижѣ уже не разносилось писемъ, и Парижъ, въ которомъ ежедневно доставляется на дома до милліона писемъ, печатныхъ изданій и посылокъ, подобно глухимъ городкамъ и деревнямъ, имѣющимъ неежедневное почтовое сообщеніе, въ этотъ день остался безъ почты. Стачка была быстро и энергично подавлена. Безспорно, образъ дѣйствій стачечниковъ былъ нечестенъ (они отказались исполнять обязанности, не отказываясь отъ должности), незаконенъ и неразуменъ. Вслѣдствіе ихъ поведенія пострадали совершенно невинные люди, не получившіе своевременно нужныхъ сообщеній. Не представлялось особыхъ затрудненій уволить весь составъ почтальоновъ и замѣнить его новымъ, но вмѣсто того, чтобы поступить такъ, съ какимъ снисхожденіемъ и вниманіемъ отнеслись къ нимъ правящіе классы. И печать, и общество единогласно высказали порицаніе ихъ движенію, но, признавая ихъ заслуживающими кары, указывали великое смягчающее обстоятельство въ скудости получаемаго ими содержанія и говорили, что должно смягчить имъ наказаніе и позаботиться объ улучшеніи ихъ быта. Точно также во всѣхъ другихъ сферахъ дѣятельности упорно ставится теперь вопросъ о меньшихъ дѣлателяхъ, объ ихъ благополучіи. Не только эксплоатація, но даже неравноправность встрѣчаютъ себѣ суровое осужденіе. О народѣ о меньшемъ братѣ заботятся—его хотятъ накормить, одѣть, научить и пріобщить къ культурному человѣчеству. Но эти

заботы о меньшемъ братѣ развѣ не представляютъ собою шага на пути къ устроенію царствія Божія?

Могутъ возразить, что въ данномъ случаѣ мотивы, побуждающіе невѣрующіе общественные классы запада заботиться о низшихъ, вовсе не высоконравственнаго характера. Что одни о меньшихъ братьяхъ вспоминаютъ, чтобы кольнуть ими своихъ старшихъ братій, что другіе обращаются къ меньшимъ братьямъ, чтобы имѣть въ нихъ опору противъ старшихъ. Что вообще высшіе классы дѣлаютъ уступки низшимъ, потому что чувствуютъ, что безмѣрная эксплоатація и давленіе низшихъ классовъ не могутъ кончиться добромъ, что народъ, эта стихійная сила, можетъ возмутиться, придти въ движеніе, можетъ произойдти революція, можетъ начаться дикая и кровавая расправа съ высшими классами. Побужденіемъ для того чтобы заботиться объ образованіи и развитіи низшаго класса, говорятъ далѣе, можетъ служить стремленіе имѣть у себя слугъ и работниковъ лучшаго качества. Вообще хотятъ установить, что не любовь къ меньшему брату побудила старшаго протянуть ему руку помощи, а забота о собственномъ благополучіи и собственная опасность. Если же все это совершается даже не на альтруистической, то тѣмъ болѣе, конечно, не на религіозной почвѣ. Сами борцы за права человѣка не аппеллируютъ къ религіи, да и ихъ способъ дѣйствія далеко не всегда согласуется съ требованіями религіозной правды. Пусть все это такъ! скажемъ мы. Пусть взаимообщеніе между высшими и низшими, благотворительныя учрежденія, больницы, школы возникли для блага ближняго раньше, чѣмъ устроявшіе эти учрежденія пожелали имъ блага. Вообще, пусть выраженія любви явились раньше любви. За всѣмъ тѣмъ, намъ кажется, во всемъ этомъ нужно видѣть движеніе ко благу, къ созиданію царствія Божія. Внутренняя настроенность людей не отвѣчаетъ провозглашаемымъ и даже отчасти осуществляемымъ ими принципамъ добра, дѣла явились раньше любви, но разъ заповѣдь о любви произнесена громко, разъ люди увидѣли необходимость осуществленія этой заповѣди, то благоразуміе скоро приведетъ ихъ къ сознанію, что самое лучшее для нихъ это пріобрѣсти такую настроенность, по отношенію къ которой дѣла любви явились бы ея естественнымъ выраженіемъ. Въ про-

шедшемъ высшіе классы общества презирали низшіе и эксплоатировали ихъ. Низшіе классы завидовали высшимъ и ненавидѣли ихъ. Вотъ—строй жизни, надъ созиданіемъ котораго трудился отецъ лжи и зла дьяволъ. Божественный промыслъ словами пророковъ и учителей, равно какъ и событіями жизни, наставлялъ людей, что ихъ жизнь ненормальна, и что начало благополучія на землѣ утверждается на возвѣщенныхъ съ неба шести послѣднихъ заповѣдяхъ десятословія: почитай родителей, не убивай, не прелюбодѣйствуй, не кради, не клевещи и не только не дѣлай, но и не желай дѣлать ничего подобнаго. Первая изъ этихъ заповѣдей и есть первая заповѣдь съ обѣтованіемъ: „да благо ти будетъ, и да долголѣтенъ будеши на земли блазѣ“. И вотъ, опытъ тысячелѣтій приводитъ людей къ признанію вѣчной правды этихъ истинъ второй части десятословія. Часть признается за истину, это великій шагъ къ тому, чтобы признать истину цѣлаго.

Движеніе по направленію къ истинѣ, по пути къ правдѣ выражается въ настоящее время въ отношеніяхъ нѣкоторыхъ невѣрующихъ къ служителямъ религіозной правды. Въ прошедшемъ это отношеніе можно было характеризовать однимъ словомъ—глумленіе. Въ служителѣ алтаря, въ богословѣ невѣрующіе вовсе не хотѣли видѣть человѣка какихъ-либо убѣжденій, борца за то, что онъ считаетъ истиной,—въ немъ обыкновенно видѣли шарлатана и притомъ даже низшаго разбора. Мы можемъ читать старинныя описанія того, какъ негры ловили іезуитовъ, и какъ маленькіе негритёнки кричали съ восторгомъ, что они сегодня будутъ ѣсть іезуитину. Мы можемъ читать описанія любовныхъ приключеній патеровъ, по большей части неудачныхъ, разсказы объ ихъ корыстолюбіи и о томъ, какъ, встрѣчаясь съ плутами, болѣе искусными, чѣмъ они сами, они оставались въ глупомъ положеніи и пропадали. Даже нашъ Пушкинъ—можетъ быть въ дни, когда у него, пользуясь его собственнымъ выраженіемъ были „сердце пусто и празденъ умъ“—разрѣшился однимъ такимъ произведеніемъ. Досужіе люди не прочь и теперь искать для себя духовнаго наслажденія въ подобнаго рода глумленіи—но общее направленіе теперь иное. Невѣрующій мыслитель нашихъ дней видитъ въ богословѣ не шарлатана, не практическаго дѣльца, а идеалиста—

человѣка благородныхъ,возвышенныхъ,но—правда—ложныхъ принциповъ. Каждое заблужденіе, конечно должно имѣть вредныя послѣдствія; таковыя послѣдствія, съ точки зрѣнія современнаго атеиста, должна имѣть и религіозная вѣра, но онъ видитъ для нея много смягчающихъ обстоятельствъ—онъ признаетъ, что эта, съ его точки зрѣнія, pia fraus полезнѣе и благотворнѣе того „не знаю“, которое только единственно онъ можетъ сказать въ отвѣтъ на вѣко-вѣчные вопросы. Затѣмъ, современный мыслитель, не принимающій положительной религіи, libre penseur, вообще говоря, не столько атеистъ или пантеистъ, сколько скептикъ,—онъ во всемъ сомнѣвается и въ глубинѣ души у него всегда таится сомнѣніе—точно ли выбранное имъ міропониманіе есть наилучшее? Будучи въ глубинѣ души скептикомъ, мыслитель понимаетъ прекрасно, что для житейскаго обихода очень недостаточно одной скептической философіи, что нужно нѣчто положительное, нужны нѣкоторые устои и что такіе устои можно находить въ религіи. Конечно, религія съ ея мистицизмомъ, откровеніемъ, догматами въ его глазахъ есть тормазъ для свободнаго изслѣдованія истины, но съ другой стороны онъ признаетъ, что она заключаетъ въ себѣ много добрыхъ правилъ, освящаетъ требованія морали, и что въ концѣ концовъ догматы религіи не хуже догматовъ любой философіи. Отсюда и служитель религіи, будетъ ли онъ служителемъ церкви или только ученымъ, защищающимъ религіозныя начала, въ глазахъ современнаго атеиста является лицомъ вполнѣ заслуживающимъ уваженія,—онъ видитъ въ немъ разномыслящаго собрата (собрата по занятіямъ философскими вопросами), и въ его глазахъ этотъ собратъ является даже окруженнымъ нѣкоторымъ возвышеннымъ ореоломъ: онъ защитникъ умирающихъ идеаловъ—возвышенныхъ, благородныхъ, но умирающихъ, онъ—жертва святой иллюзіи. Современный мыслитель, конечно, считаетъ себя нѣсколько выше этого собрата, молящагося тѣни, но онъ слишкомъ развитъ для того, чтобы не оцѣнить достоинствъ святой молитвы. Человѣкъ, молящійся небу объ очищеніи своего сердца и оправданіи своего духа, не виноватъ въ томъ, что небо не слышитъ его, потому что оно пусто; если небо не можетъ, то люди должны оцѣнить благородный характеръ его молитвы. Во имя этого и многихъ иныхъ по-

добныхъ соображеній христіанскій богословъ не презирается теперь невѣрующимъ міромъ. Ученый невѣрующій спѣшитъ къ нему съ дружественно протянутою рукою и съ готовностію служить, поскольку можетъ, своими учеными указаніями. При подобнаго рода встрѣчахъ, при первомъ свиданіи забывается различіе націй, различіе убѣжденій, люди сходятся на общей почвѣ честнаго исканія истины, которую они понимаютъ различно, но узнать которую оба они желаютъ отъ всей души. Я смѣю думать, что ни одинъ православный богословъ въ настоящее время не можетъ сказать, что на инославномъ и невѣрующемъ западѣ къ нему отнеслись высокомѣрно, съ насмѣшкою или что ему отказали или обнаружили неохоту давать нужныя пособія. О нѣтъ, современный православный богословъ при своихъ странствованіяхъ по западу такъ же, какъ и другіе,—и я склоненъ думать даже болѣе, чѣмъ другіе—встрѣчаетъ свидѣтельства и доказательства возрастающаго и укрѣпляющагося сознанія братства народовъ. Его встрѣчаютъ какъ брата, какъ друга, къ его вѣрованіямъ относятся съ уваженіемъ и къ нему самому съ любовію. Подобнаго рода отношеніе рождаетъ въ душѣ самыя благородныя чувства,—начинаешь сознавать нравственную солидарность человѣчества. А развѣ эти чувства не представляютъ собою приближенія къ тѣмъ, которыя должны одушевлять членовъ церкви Христовой, гдѣ нѣтъ ни еллина, ни іудея, ни раба, ни свободнаго, ни мужескаго пола, ни женскаго, но—всѣ и во всѣхъ Христосъ.

Кто вѣритъ, что человѣчество должно устроивать свою жизнь не по собственнымъ измышленіямъ и произволу, а на основаніи ученія откровенія, кто вѣритъ, что залогъ счастья человѣчества въ религіи, тому, мы думаемъ, должно быть дорого то обстоятельство, что религія въ настоящее время становится предметомъ усерднаго изученія, и ее изучаютъ не только вѣрующіе, какъ данное и непререкаемое исповѣданіе вѣры, но ее изслѣдуютъ и невѣрующіе, какъ замѣчательный историческій фактъ, какъ важную психологическую проблему. Изучается религія вообще, во всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ формахъ, въ которыхъ она являлась въ исторической дѣйствительности. Стараются понять религіозныя вѣрованія дикарей, пытаются проникнуть въ сум-

ракъ ихъ души. Прежде вопросъ о нихъ, ихъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ рѣшался очень просто: они хуже скотовъ безсловесныхъ, ихъ можно и должно употреблять вмѣсто скота, за ними охотились въ Африкѣ и ими наводняли торговые рынки Америки. Когда американскіе дикари оказались малоспособными къ работѣ, обстоятельства какъ то сложились такъ, что эти несчастные дикари стали вымирать. Теперь вспомнили и объ этихъ уже дѣйствительно меньшихъ братьяхъ человѣчества, и теперь лучшіе изъ изслѣдователей засвидѣтельствовали, что въ душѣ у первобытныхъ дикарей таятся тѣ же и стремленья и порывы къ непостигнутому Благу". Пытаются понять сущность ихъ вѣрованій, выяснить и опредѣлить тотъ психическій рычагъ, который заставляетъ ихъ почитать фетишей и бояться мертвецовъ. Усердно изучаютъ религіи древнихъ культурныхъ народовъ, изъ религій современныхъ буддизмъ со стороны нѣкоторыхъ пользуется даже преувеличеннымъ вниманіемъ. Изученіе религій ведется раціоналистическимъ методомъ, но весьма важенъ самый фактъ, что оно ведется и ведется усердно. Въ первое время существованія христіанства о христіанахъ ходили самые нелѣпые и невозможные слухи, говорили, что они употребляютъ въ пищу человѣческія тѣло и кровь, что предаются неудержимому разврату, что у нихъ на вечеряхъ любви происходитъ кровосмѣшеніе. Въ отвѣтъ на эти обвиненія христіане отвѣчали приглашеніемъ узнать ихъ поближе. На религію вообще въ недалекомъ прошломъ возводилось тоже не мало и тяжелыхъ обвиненій и происхожденіе ея предполагали въ самыхъ мутныхъ источникахъ. Мы должны радоваться, что религію теперь изслѣдуютъ. Пусть на самомъ дѣлѣ провѣрятъ—явилась ли она вслѣдствіе невѣжества, неразумія и страха или имѣетъ свой корень въ иныхъ высшихъ побужденіяхъ. Пусть изслѣдуютъ христіанство. Результатомъ изслѣдованія должно явиться познаніе истины, но Христосъ сказалъ: „познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными" (Іоан. VIII, 32), т. е. свободными отъ заблужденій, истина разсѣетъ тьму, въ которой теперь бредетъ человѣкъ, и онъ тогда свободно и сознательно будетъ выбирать себѣ путь жизни, который теперь онъ часто выбираетъ подъ темными вліяніями. Конечно, между познаніемъ истины и ея исканіемъ лежитъ большое

разстояніе и ихъ раздѣляетъ немалое число препятствій. Ограниченность умственныхъ силъ и познаній человѣка дѣлаютъ то, что онъ легко принимаетъ ложь за истину и высшую истину отвергаетъ во имя ложнаго знанія. По отношенію къ религіозной области даже обыкновенно происходило то, что первые шаги изслѣдованія вели къ отрицанію или сомнѣнію. Но наша религіозная вѣра даетъ намъ надежду, что это—только первые шаги,—дальнѣйшее движеніе само по себѣ должно показать ошибочность первоначальныхъ раціоналистическихъ обобщеній и затѣмъ, неужели богословы окажутся совсѣмъ неспособными или не желающими показывать раціоналистамъ ошибочность ихъ методовъ и воззрѣній?

Не будемъ закрывать глаза передъ истиною: научное изслѣдованіе доселѣ въ общемъ направляло людей не по пути къ церкви, но вело отъ церкви на страну далече. Между нѣкоторыми положеніями науки и тезисами вѣры повидимому есть противорѣчіе, а изъ двухъ противорѣчивыхъ положеній только одно можетъ быть истиннымъ. Между религіей и наукой конфликтъ по многимъ пунктамъ существовалъ всегда и по многимъ пунктамъ онъ устраненъ, но постепенное развитіе научнаго знанія непрестанно выдвигаетъ новые пункты для столкновеній. На комъ лежитъ забота объ ихъ устраненіи? Конечно, на насъ съ вами, господа! Наше дѣло бороться съ тѣми идолами Бэкона, которые закрываютъ святую истину отъ человѣчества.

Вамъ предстоитъ вести эту борьбу въ наступающемъ XX столѣтіи. Вы—работники XX столѣтія. Въ какомъ же положеніи находится теперь къ началу вѣка поле духовной битвы, въ которой принимаютъ участіе лучшія духовныя силы человѣчества? Въ какомъ положеніи находится конфликтъ между религіей и наукой? Какія представляются лучшія средства для его устраненія? Я думаю, что намъ лучше всего начать нашу работу съ обсужденія этихъ вопросовъ, съ изслѣдованія современнаго положенія борьбы между религіей и наукой, чтобы путемъ такого изслѣдованія выяснить существо и задачи науки о религіи, опредѣлить методы, которыми мы должны идти въ избранной нами дѣятельности.

II.

Девятнадцатое столѣтіе завѣщаетъ двадцатому неразрѣшенный конфликтъ между богословіемъ и науками естественными, историческими и философскими. Конфликтъ между ученіемъ вѣры и различными научными вопросами имѣетъ различную давность: въ однихъ случаяхъ мы имѣемъ передъ собою многовѣковую исторію спора, въ другихъ столкновеніе возникло на нашихъ глазахъ. Несогласіе религіи и науки по различнымъ вопросамъ имѣетъ и различную популярность. Естественнонаучныя возраженія извѣстны всего болѣе: объ обезьянѣ и Дарвинѣ слыхалъ всякій; о томъ, что существуетъ какая-то раціоналистическая критика библейскаго текста, подозрѣваютъ очень немногіе. Наибольшая давность, понятно, принадлежитъ возраженіямъ философскимъ: существенные вопросы вѣры съ древнѣйшихъ эпохъ человѣческой исторіи рѣшались раціоналистически многими философами. Наибольшую наглядность и убѣдительность въ настоящее время приписываютъ возраженіямъ естественнонаучнымъ: эти возраженія, говорятъ, утверждаются на фактахъ, а нѣтъ ничего неотразимѣй и убѣдительнѣй факта. Мы начнемъ наше обозрѣніе пунктовъ разногласія между религіей и наукой съ того, гдѣ торжество невѣрія надъ вѣрою мыслителямъ раціоналистическаго направленія представляется имѣющимъ наибольшую наглядность и кончимъ обозрѣніемъ тѣхъ возраженій противъ вѣры, которыя имѣютъ наибольшую давность.

Говорятъ, что между богословіемъ и естествознаніемъ существуютъ разногласія въ представленіи 1) системы міра, 2) исторіи этой системы и 3) взаимоотношенія существъ въ этой системѣ и въ этой исторіи.

Анализъ библейскаго текста и его пониманія у древнѣйшихъ толкователей, по мнѣнію изслѣдователей раціоналистическаго направленія, раскрываетъ, что христіанская вѣра представляетъ землю центромъ мірозданія и человѣка его вѣнцомъ. Всѣ свѣтила міра—солнце, луна, звѣзды, кометы вращаются вокругъ земли, всѣ они служатъ землѣ во знаменія и во времена и чтобы освѣщать и согрѣвать ее. Все внѣ земли существуетъ только для земли, и земля существуетъ только для человѣка. Онъ—истинный и единствен-

ный владыка вселенной. Таковъ, говорятъ, смыслъ христіанской космологіи. До XVI столѣтія эта космологія была всеобщей, но въ половинѣ XVI вѣка геніальный каноникъ изъ Торна навѣки сокрушилъ ее своею книгою De revolutionibus orbium coelestium (1543 г.) которая произвела истинную революцію въ міропредставленіи человѣчества. Онъ высказалъ, что земля только ничтожная точка въ безграничной вселенной, что она—одинъ изъ сравнительно незначительныхъ спутниковъ солнца, которое само вовсе не представляетъ собою особо грандіознаго міроваго тѣла, солнце, это—только песчинка, плавающая въ океанѣ вселенной, Близорукость и слабость человѣческаго зрѣнія въ теченіе тысячелѣтій не могла разсмотрѣть миріадовъ міровъ, находящихся за предѣлами той системы, центромъ которой была эта песчинка. Люди не догадывались, что маленькіе предметы вблизи кажутся больше большихъ, находящихся въ отдаленіи. Вслѣдствіе этого ихъ картина міра была совершенно ложною. Коперникъ принялъ во вниманіе оптическія свойства нашего глаза, сталъ на новую точку зрѣнія, и міръ оказался совершенно инымъ. Но это измѣненіе въ представленіи міра, говорятъ, вмѣстѣ съ тѣмъ было крушеніемъ религіозныхъ вѣрованій. Прежде міропредставленіе утверждалось на авторитетѣ божественнаго откровенія, теперь вмѣстѣ съ паденіемъ этого міропредставленія палъ и этотъ авторитетъ. Что значеніе смѣлой гипотезы скромнаго каноника было дѣйствительно таково, это, говорятъ, ясно открывается изъ послѣдующихъ обстоятельствъ. Книга Коперника была занесена въ index (въ 1616 г.), и съ идеями этой книги католическая церковь вела долгую и упорную борьбу и она заставила Галилео Галилея стоя на колѣнахъ произнести передъ священной конгрегаціей Рима слѣдующую присягу: „я былъ сильно подозрѣваемъ въ еретическомъ мнѣніи, что солнце стоитъ не подвижно въ центрѣ міра, а не земля, которая движется. Поэтому желая изгнать изъ мысли вашихъ преосвященствъ и всякаго католика такое сильное, но справедливое противъ меня подозрѣніе, съ чистымъ сердцемъ и искреннею вѣрою, я отрицаюсь, проклинаю и ненавижу вышеупомянутыя ереси и заблужденія, и вообще всякое заблужденіе, противное ученію св. римско-католической церкви; я клянусь, что впредь не скажу и не буду утверждать ни

словесно, ни письменно ничего могущаго возбудить противъ меня подобныя подозрѣнія, и если узнаю о какомъ-либо еретикѣ или подозрѣваемомъ въ ереси, то донесу о немъ сему святому судилищу инквизиціи или инквизитору того мѣста, въ которомъ буду находиться". Устами Галилея римская церковь назвала новую космологію ересью, она упорно боролась съ нею, но наука побѣдила, и церкви пришлось уступить. Однако да не подумаетъ кто, что по вопросу о представленіи міра между учеными и вѣрующими установился миръ. Нѣтъ, и на западѣ до послѣдняго времени нѣтъ да нѣтъ какой-нибудь ревностный католикъ выскажетъ, что земля стоитъ, а солнце движется (наприм., недавно Делетръ) и на востокѣ не мало такихъ религіозныхъ геоцентристовъ. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ и изъ частныхъ бесѣдъ съ свѣдущими людьми приходится узнавать о существованіи лицъ, безспорно, очень образованныхъ, которые или прямо отрицали теорію Коперника или уже въ теченіе десятилѣтій собираютъ противъ нея доводы. Что показываютъ эти факты? Какъ будто то, что въ глубинѣ своей души они надѣются, что въ одинъ прекрасный день явится новый каноникъ или аббатъ и сокрушитъ своими доводами систему Коперника, какъ нѣкогда Коперникъ сокрушилъ Птоломея. Сила вещей, говорятъ, заставила богослововъ принять новое ученіе и заявить, что и Библія учитъ именно такъ, какъ учитъ новая астрономія, но въ глубинѣ души они сознаютъ, что Библія учитъ не такъ, и ждутъ, что новое — хотя бы научное—откровеніе обличитъ некогда ложь астрономической доктрины.

Перемѣщеніе центра вселенной, по мысли ученыхъ, непремѣнно влечетъ за собою развѣнчаніе человѣка. Если земля—не центръ, то человѣкъ—не владыка міра. На безчисленныхъ мірахъ вселенной должны существовать безчисленные обитатели, и поскольку эти міры болѣе величественны, громадны и прекрасны, чѣмъ земля, постольку ихъ обитатели должны быть выше земныхъ. Житель Сатурна долженъ быть гораздо выше, чѣмъ человѣкъ, и житель Сиріуса долженъ стоять неизмѣримо выше сатурніанца. Въ „микромегасѣ" Вольтера мы находимъ бесѣду гражданина Сиріуса съ гражданиномъ Сатурна, о сущности и цѣли бытія. Мѣстомъ разговора была земля, и въ него вмѣшались земные

мыслители. Тогда маленькое животное въ черной шапочкѣ, высокомѣрно вмѣшавшись въ споръ, заявило, что оно знаетъ всю тайну бытія и что раскрытіе ея находится въ „суммѣ“ (summa theologica) св. Ѳомы. Маленькое животное хотѣло смотрѣть сверху внизъ на обоихъ небесныхъ обитателей, оно заявило имъ, что они, ихъ міры, ихъ солнца, звѣзды, все это создано единственно для человѣка. Это—нельзя сказать, чтобы скромное—представленіе о человѣкѣ вызвало неудержимый смѣхъ въ жителяхъ небесныхъ міровъ. Но такое заявленіе, говорятъ, и теперь идетъ со стороны религіи и вызываетъ законный смѣхъ въ людяхъ науки. Въ апологетическихъ трактатахъ подробно раскрывается, что во всей неизмѣримой вселенной только одна земля устроена такъ хорошо, что на ней возможна жизнь и притомъ разумная жизнь. Когда миланскій астрономъ Скіапарелли выступилъ съ своею теоріею обитаемости Марса, подтверждаемою будто бы присутствіемъ на Марсѣ искусственныхъ каналовъ, богословы явно обнаружили, что они живо заинтересованы въ томъ, чтобы эта гипотеза оказалась ложною. Въ апологетическихъ журналахъ и книгахъ скромному спутнику солнца стали оказывать преувеличенное вниманіе. Всѣ сообщенія наблюдателей Марса, опровергающія Скіапарелли, заносились тщательно на приходъ защитниками христіанской вѣры. Линіи каналовъ, оказалось, перемѣщаются; отсюда выводъ, что, значитъ, они—не искусственныя водныя сооруженія. Материки Марса окрашены въ красный цвѣтъ. Эта окраска повидимому должна быть вслѣдствіе присутствія на Марсѣ большаго количества одноокиси желѣза. Еслибы на Марсѣ была растительность, то она бы перевела одноокись желѣза въ двухъокись, имѣющую черную окраску; значитъ, на Марсѣ нѣтъ растеній, а если нѣтъ растеній, то нѣтъ и животныхъ. На всѣ эти разсужденія апологетовъ ученые отвѣчали, что мы не знаемъ ни состоянія другихъ міровъ, ни того, при какихъ условіяхъ возможно тамъ развитіе жизни. Жизнь можетъ тамъ существовать совершенно при иныхъ условіяхъ, чѣмъ на землѣ. Мы не знаемъ всѣхъ возможныхъ типовъ, въ которые можетъ отлиться жизнь, и мы имѣемъ всѣ основанія думать, что они не ограничиваются тѣми, которые мы знаемъ. Еслибы мы не знали, что въ водѣ живутъ рыбы, мы бы думали, что въ водѣ жизнь невозможна. До послѣдняго

времени отвергали возможность жизни на большихъ глубинахъ (считая препятствіемъ для нея страшно высокое давленіе воды), глубоководныя изслѣдованія отвергли это предположеніе. Мы не знаемъ всѣхъ условій, при которыхъ возможна жизнь; не знаемъ условій, въ которыхъ находятся міры вселенной; не знаемъ о существованіи безчисленнаго количества міровъ, находящихся внѣ тѣхъ предѣловъ, до которыхъ можетъ достигать нашъ глазъ, смотрящій на небо въ сильнѣйшіе телескопы. Та пустота, которую мы представляемъ во вселенной, есть только пробѣлъ въ нашемъ знаніи. Не зная ничего о мірѣ, мы наивно воображаемъ, что онъ представляетъ собою пустыню. Но телескопъ, вычисленія и размышленія во всякомъ случаѣ приводятъ къ признанію неразумности такого представленія и къ предположенію, что кромѣ человѣка въ міровомъ пространствѣ живетъ немало существъ, которыя стоятъ неизмѣримо выше человѣка. Эти предположенія науки, говорятъ, стоятъ въ противорѣчіи съ положеніями религіи: съ ученіемъ о землѣ, твореніи и паденіи человѣка, о спасеніи человѣка чрезъ боговоплощеніе, о имѣющемъ быть второмъ пришествіи, о воскресеніи тѣлъ, вообще со всею религіозною доктриною, которая дѣлаетъ землю ареной всемірной исторіи, ареной, на которой какъ бы исключительно развивается дѣятельность Самого Божества.

Конфликтъ между религіей и наукой въ дѣлѣ представленія системы міра восходитъ къ XVI столѣтію. Вслѣдствіе того, что онъ имѣетъ давность почти въ полтысячи лѣтъ, онъ утратилъ свою силу и остроту. Онъ замалчивается, дѣти въ христіанскихъ школахъ одновременно заучиваютъ и истины религіи и представленія новой астрономіи и при помощи нѣкотораго фиктивнаго примиренія оба ряда представленій мирно укладываются въ ихъ юныхъ головкахъ. Гораздо позднѣе—всего лишь со второй половины XVIII столѣтія—возникъ конфликтъ по вопросу о представленіи исторіи міра, и такъ какъ отъ возникновенія конфликта до настоящихъ дней протекло сравнительно не много времени, то онъ еще не улаженъ, богословы не пришли еще ни къ какому окончательному соглашенію. Вообще говоря, богословы чувствуютъ, что придется уступить, но пока остается малѣйшая возможность не дѣлать роковой уступки, они ее не дѣлаютъ.

Согласно ученію признаваемому откровеннымъ человѣкъ думаетъ, что міръ существуетъ очень недавно. До человѣка онъ существовалъ всего пять дней съ небольшимъ и со времени появленія на землѣ человѣка еще не прошло восьми тысячъ лѣтъ. Человѣкъ думаетъ что безусловно истинное описаніе этой исторіи онъ имѣетъ на страницахъ Библіи. Наука послѣдняго столѣтія идетъ рѣшительно противъ этихъ представленій, возникли космогонія и историческая геологія, которыя сообщаютъ намъ о прошедшемъ міра нѣчто совершенно иное, чѣмъ то, что мы вычитывали на страницахъ священныхъ книгъ. Теперь исполнилось ровно сто лѣтъ, какъ стала разрабатываться теорія образованія солнечной системы, къ которой принадлежимъ мы. Въ своихъ подробностяхъ эта теорія различными учеными представляется различно, но въ своей сущности она неизмѣнно содержитъ слѣдующія утвержденія: 1) пространство, занимаемое солнечною системою, прежде все было наполнено разрѣженною матеріею; 2) эта матерія постепенно въ теченіе милліоновъ лѣтъ сгустилась и сконцентрировалась въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ пунктахъ, каковыя мѣстныя концентраціи дали рожденіе солнцу, планетамъ и кометамъ (Лапласъ допускалъ, что кометы пришли въ солнечную систему изъ другого міра, но теперь это представленіе вообще оставлено). Во время процесса этихъ частныхъ концентрацій, совершавшихся съ крайнею медленностію и постепенностію, образовалась и земля. Она явилась не сразу совершенною и готовою къ жизни, растенія не покрыли ея поверхности въ теченіе 24 часовъ, птицы, рыбы и млекопитающія не явились въ ней сразу по одному волшебному мановенію. Нѣтъ, изслѣдованіе земной коры, въ которой погребена вся прошлая исторія земнаго міра, показываетъ, что земля явилась сначала въ раскаленномъ огненно—жидкомъ состояніи что долго въ теченіе многихъ и многихъ вѣковъ она, какъ огненный метеоръ, носилась по небесному пространству. Нужно было много вѣковъ, чтобы на ней создались условія, дѣлающія возможною жизнь [1]). Никто еще

---

[1]) Тогда наступила такъ называемая архейская эра. Она заключаетъ въ себѣ прекамбрійскую систему (особенно характерны гуронскія отложенія), силлурійскую (заключаетъ камбрійскія, ордовисійскія и готландскія отложенія), девонскую (съ этажами—гединскимъ, кобленскимъ, эйфе-

не заключилъ въ хронологическія рамки исторію, пережитую землей, но если приложить хронологическій разсчетъ

левскимъ, гиветскимъ, франійскимъ, и фаменійскимъ), каменоугольную (подраздѣляется на эпохи—динатьенскую, собственно угольную, вестфальскую, стефановскую; это собственно для запада; въ Россіи развитіе системы представляетъ нѣкоторые самостоятельные этажи, наприм., московскій) и пермскую (этажи: отеньскій, саксонскій, тюрингенскій, нѣмцы обыкновенно называютъ эту эпоху ліасомъ). Въ эту первичную эру жизнь на землѣ проявлялась только въ сравнительно низшихъ формахъ Множество моллюсковъ, которые живутъ въ моряхъ (моря тогда покрывали гораздо большую часть поверхности, чѣмъ теперь), каковы: Calymene Blumenbachi, orthoceras regulare, calceola sandolina, Productus cora, были тогда особыя ганоидныя рыбы не похожія на нынѣ существующія, какова osteolepis (изъ девонскихъ отложеній); растительность состояла главнымъ образомъ изъ тайнобрачныхъ (лепидодендроны, сигилляріи, достигавшія высоты 15—29 сажень, сфеноптерисъ, пекоптерисъ, теперь у насъ представителями тайнобрачныхъ служатъ скромные папортники, мхи и т. п.); затѣмъ были односѣменодольныя (подобныя теперешнимъ пальмамъ) и голосѣмянныя (теперь къ голосѣмяннымъ принадлежатъ хвойныя смолистыя). За этою первичною эрою послѣдовала вторичная. Она обнимаетъ систему тріасовую (тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ къ пермской, нѣкоторые называютъ ея отложенія никилійской группой пермской системы), юрскую (раздѣляется на этажи: 1) ретійскій, хеттангійскій, синемурійскій, шармутьенскій, тоарскійскій, 2) байосійскій, батонскій. 3) калловійскій, оксфордскій, рауарасійскій, секванскій, кимериджскій, портланскій, это—этажи трехъ подотдѣловъ юрской системы- масавскаго или интрагорскаго, средне-юрскаго и верхне-юрскаго); наконецъ, эта эра оканчивается системою мѣловою, которая подраздѣляется на нижне и верхнемѣловую (этажи: 1) неокомійскій, баремійскій, антійскій и альбійскій; 2) кеноманійскій, туронскій, сенонійскій, данскій). Въ эту эру жизнь вступаетъ въ новую высшую фазу развитія. Морская жизнь характеризуется развитіемъ аммонитовъ (моллюски съ спиралеобразными раковинами), являются и белемниты (моллюски продолговатой формы строенія) На сушѣ являются пресмыкающіяся хиротеріумъ, оставляшій отпечатокъ своихъ лапъ на вѣчныя времена на песчаникѣ, динозавры (пресмыкающіяся весьма родственныя птицамъ) ихтіозавры, плезіозавры (савріи крайне длиннаго строенія), археоптериксъ (птица съ зубами, очень похожая на ящерицу), птеродактилосъ (летающая ящерица, очень похожая на птицу). Гесперорнисъ—высшій типъ птицы. Ящерицы той эпохи имѣли крайне громадные размѣры, но очень скудное количество мозга, жизнь представляла тогда грубыя и дикія формы, на землѣ не было разума и любви, была, только жестокая strugle for life—борьба за жизнь за существованіе. За вторичной эрой слѣдуетъ третичная. Она раздѣляется на эогенъ (эоценъ и олигоценъ) и неогенъ (міоценъ и пліоценъ). Эоценъ подраздѣляется на этажи: 1) евесонскіе: танетскій, сфарнанскій и инрескій; 2) парижскаго бассейна: лютецкій, бартонскій и людійскій. Олиго-

только къ самымъ послѣднимъ эпохамъ существованія земли, то легко можно убѣдиться, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ милліонами лѣтъ. Мы знаемъ, какъ измѣняется рельефъ суши теперь, какъ перемѣщаются море и земля, постепенно образуются возвышенности, передвигаются ледники. Во времена непосредственно намъ предшествовавшія процессъ этихъ измѣненій долженъ былъ совершаться подобнымъ образомъ, какъ онъ совершается теперь. Изслѣдованіе явленій вывѣтриванія, размыванія, образованія наносовъ, явленій сейсмическихъ и вулканическихъ показываютъ намъ, что измѣненія на поверхности земли происходятъ медленно и постепенно, что катастрофы, вообще говоря, почти не вліяли на эти измѣненія, онѣ были рѣдки и имѣли слишкомъ ограниченные размѣры, чтобы ихъ можно было принимать въ разсчетъ, какъ важные геологическіе факторы. Но если измѣненія въ прошедшемъ совершались такъ же медленно, какъ въ настоящемъ, то спрашивается, сколько же тысячелѣтій было нужно для того, чтобы море отъ Парижа передвину-

---

ценъ дѣлятъ на два этажа: тонгрійскій (подраздѣляется на саннуасійскій и стамнійскій) и аквитанскій. Міоценовый періодъ, имѣющій значеніе громадной важности, подраздѣляется на эпохи: бордогальскую, молассовую, тортонскую, сарматскую и понтскую. Пліоценъ раздѣляется на этажи: плезансіенъ, астезанъ сицилійскій. Съ третичнымъ періодомъ начинается распространеніе на землѣ млекопитающихъ. Являются толстокожія, наприм., палеотеріумъ, изъ рыбъ размножаются сквалы (акулы относятся къ ихъ роду), являются жвачныя родственныя толстокожимъ, въ концѣ періода оказываются существующими мастодонты, слоны, носороги, гиппопотамы и наконецъ является лошадь. Носороги и слоны этого періода не тожественны съ нынѣ существующими, но принадлежатъ къ тому же самому виду. За третичной слѣдуетъ новая или четвертичная эра. Геологи не имѣютъ для нея общепринятой и безспорной классификаціи. Съ геологической точки зрѣнія эта эра только что начинается. Эта эра обнимаетъ собою ледниковую эпоху и современную, т. е. ту, въ которую живемъ мы. Въ ледниковую эпоху жило много животныхъ типовъ, которые угасли и вымерли теперь (мамонтъ, пещерные—левъ, тигръ и медвѣдь, можетъ быть diornis—гиганская птица), но все то, что живетъ теперь, несомнѣнно жило и въ ледниковую эпоху. Человѣкъ уже жилъ въ то суровое время и велъ жестокую борьбу за существованіе съ природой и животными (эта эпоха характеризуется сильнымъ пониженіемъ температуры, обиліемъ воды и ледниковъ). Онъ вышелъ изъ этой борьбы торжествующимъ побѣдителемъ. Таковы фазы, которыя пережила земля въ своей исторіи.

лось къ Діеппу и Гавру и чтобы море, покрывавшее нѣкогда московскую и тульскую губернію, замкнулось въ тѣ тѣсныя границы, которыя мы теперь называемъ Каспійскимъ моремъ? Хронологическій масштабъ, котораго требуетъ отъ насъ геологія, очевидно, несовмѣстимъ съ тѣми скромными датами, которыя мы извлекаемъ изъ священной исторіи. Затѣмъ, послѣдовательность появленія существъ, которую рисуетъ намъ геологія, пестрота жизни и постоянная смѣна формъ жизни утверждаемая ею,—какъ все это не похоже на тотъ порядокъ творенія, о которомъ повѣствуетъ Библія.

Конфликтъ между наукой и библіей въ вопросѣ объ исторіи міровой системы и земли падаетъ главнымъ образомъ на первую половину XIX столѣтія. Къ концу этой половины онъ, если не совсѣмъ, то все таки былъ смягченъ. Явились гипотезы соглашенія, которыя хотѣли примирить новую науку съ старой вѣрой. Но въ это время въ естествознаніи возникло новое ученіе, которое должно было положить конецъ этимъ попыткамъ примиренія, которое давало совершенно новую философію міровой жизни и которое во вторую половину вѣка крайне обострило отношенія между богословіемъ и естествознаніемъ. Явилось ученіе, которое всю многотысячевѣковую смѣну флоръ и фаунъ, начинающуюся съ возникновеніемъ монеры и кончающуюся появленіемъ человѣка, попыталось истолковать генетически, какъ развитіе одного древа жизни, какъ исторію въ сущности одного рода, въ которомъ послѣдующіе члены были высшими типами по отношенію къ предыдущимъ. Согласно этому ученію въ природѣ происходили не смѣна однихъ геологическихъ и палеонтологическихъ эпохъ другими, не смѣна флоръ и фаунъ, а непрерывный процессъ развитія, Лошадь не смѣнила собою гиппаріона—животное очень близко подходившее къ лошади, но имѣвшее не одинъ, а три пальца на ногѣ, — но произошла отъ гиппаріона. Существуютъ нѣкоторые факторы, рычаги въ природѣ, которые производятъ, что послѣдующія поколѣнія не повторяютъ своихъ отцовъ, но представляютъ измѣненіе ихъ типа въ общемъ въ прогрессивномъ, иногда въ регрессивномъ направленіи. Процессъ развитія органической жизни совершался такимъ образомъ. Сначала путемъ постепеннаго преобразованія изъ неорганической матеріи образовалось органическое вещество, затѣмъ явились орга-

низмы безъ органовъ (монера, амеба), подъ воздѣйствіемъ различныхъ внѣшнихъ условій первичные огранизмы дифференцировались, изъ нихъ въ теченіе можетъ быть милліоновъ лѣтъ, или вѣковъ образовались различные типы безпозвоночныхъ (мы говоримъ о развитіи только животнаго царства): кишечнополостныя, губки, насѣкомыя, ракообразныя, моллюски, черви. Явились асцидіи—типъ, приближающійся и къ червямъ и къ моллюскамъ, отъ нихъ, полагаютъ, произошли первыя позвоночныя (простѣйшій типъ — ланцетникъ). Затѣмъ, путемъ развитія явились рыбы отъ рыбъ земноводныя, отъ земноводныхъ летающія и пресмыкающіяся, сумчатыя млекопитающія, лемурныя, обезьяны, человѣкъ. Современная наука не претендуетъ на то, что она можетъ вполнѣ объяснить этотъ процессъ развитія и происхожденія организмовъ, но она утверждаетъ, что она можетъ доказать, что онъ былъ таковъ. Въ сущности мы, вѣдь, не можемъ объяснить, какъ происходитъ то, что изъ зародышеваго яйца образуется человѣческій зародышъ, какъ изъ маленькаго ребенка выростаетъ взрослый человѣкъ. Еще менѣе мы можемъ объяснить, какъ изъ монеры или изъ какого-либо ящероподобнаго существа каменноугольнаго періода явился родъ homo. Но за всѣмъ тѣмъ въ человѣкѣ говорятъ найдены несомнѣнные слѣды его животнаго происхожденія (рудиментарные органы, явленія атавизма и т. д.). А главное—найдены палеонтологическіе предки человѣка. Послѣдняя такая находка была сдѣлана въ концѣ 1894 г. врачемъ голландской службы Дюбуа на островѣ Явы. Именно, онъ нашелъ нѣсколько костей, которыя по мнѣнію антропологовъ не принадлежатъ ни высшимъ обезьянамъ, ни низшимъ человѣческимъ расамъ. Существо, которому принадлежали найденныя кости, они назвали Pithecanthropus erectus—прямоходящій обезьяна—человѣкъ и признали его промежуточнымъ звеномъ между человѣкомъ и обезьянами подобными нынѣ существующимъ антропоидамъ (чимпанзе, горилла, орангутанъ). Генеалогія человѣка вообще считается теперь твердо установленною. Эта генеалогія въ противоположность библейской устанавливаетъ связь человѣка не съ Богомъ, а съ животными. Первые человѣческіе предки согласно этой генеалогіи не были существами созданными по образу и подобію Божію; нѣтъ, это были горилло-подобныя существа,

которыя бродили по лѣсамъ Борнео, Суматры и Явы, боролись при помощи зубовъ и когтей и, благодаря силѣ, хитрости и ловкости, постепенно становились царями положенія. Они не были совершенно подобны современнымъ антропоидамъ. Современныя человѣкообразныя обезьяны носятъ на себѣ печать вырожденія и близкой смерти. Въ зоологическихъ садахъ Европы (ихъ привозятъ очень немного, въ Берлинѣ умеръ въ маѣ этого года орангъ-утангъ, прожившъ тамъ около пяти лѣтъ) эти обезьяны производятъ на посѣтилей чрезвычайно тяжелое и грустное впечатлѣніе. Родившійся подъ экваторіальнымъ небомъ Суматры и умирающій въ холодномъ и туманномъ Берлинѣ орангъ съ своими человѣческими ухватками, съ грустною ласковостью, съ навертывающимися порой на глазахъ слезами, долженъ былъ затавлять думать посѣтителей что ради нихъ его лишили свободы, во имя науки оторвали отъ братьевъ, семьи и перевезли съ благодѣтельнаго юга на убивающій его сѣверъ. Во имя науки уничтожатъ и всѣхъ его собратій Въ ряду предковъ человѣка не могло быть такого вымирающаго рода, но за всѣмъ тѣмъ этотъ родъ близкородственень его предкамъ. Но человѣкъ поднялся надъ родственными типами, однако онъ поднялся, какъ выскочка, какъ parvenu, Отличительное свойство всѣхъ выскочекъ—лицъ низкаго происхожденія своеобразнымъ путемъ достигшихъ высшихъ степеней, что они усердно стараются порвать связь съ своимъ прошлымъ, замести и уничтожить слѣды своего происхожденія. Безсознательно или сознательно, но такъ поступали люди съ самаго перваго времени своего существованія: расы болѣе культурныя выживали и губили расы низшія, а расы низшія вытѣснили и побѣдили антропоидовъ. Въ концѣ концовъ исчезнутъ и антропоиды и дикари. Не по закону и праву человѣкъ занялъ то положеніе, которое имѣетъ теперь, онъ занялъ его, благодаря насилію и силѣ, но со временемъ нѣкое état de force majeure побѣдитъ и его. Солнце станетъ менѣе давать тепла землѣ, земля будетъ менѣе производить питательныхъ и нужныхъ веществъ для человѣка, за процессомъ культурнаго развитія начнется періодъ паденія, эпоха декаденса, которая кончится смертью человѣчества. Человѣчеству принадлежитъ только моментъ міровой исторіи, оно построило свое—относительное—благополучіе на

костяхъ своихъ предковъ и родственныхъ имъ существъ. Но если такъ, то, значитъ, человѣку нечего и претендовать на какую то религію и высшую мораль. Для своего временнаго благополучія онъ можетъ создать условно-временную мораль, право, полицейскій уставъ, но все это не имѣетъ отношенія къ абсолютнымъ идеаламъ, къ Высшему Существу, и человѣкъ не имѣетъ никакихъ сношеній съ этимъ Существомъ.

Такъ, новое ученіе о происхожденіи и судьбѣ человѣка устраняетъ религіозныя воззрѣнія на его существо и назначеніе. Новое ученіе самоутверждается исключительно на данныхъ естественно-историческихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно своимъ содержаніемъ связываетъ естественно-историческія науки съ чисто историческими, сообщаетъ послѣднимъ методъ первыхъ и отъ этихъ же первыхъ беретъ руководящія и освящающія идеи, которыя и поставляются послѣдними во главу угла. Исторія человѣчества, по новому ученію, является только частью, правда, важнѣйшею, но все таки частью исторіи животнаго міра. Антропологія неразрывною связью связывается съ зоологіей. Говорятъ, что въ третичный геологическій періодъ было на землѣ какое то существо, о которомъ трудно рѣшить—было ли оно животнымъ или человѣкомъ? Оно употребляло камни, какъ орудія, повидимому иногда даже пользовалось огнемъ, но, полагаютъ, не владѣло членораздѣльною рѣчью. Въ четвертичный періодъ человѣчество прошло много стадій въ своемъ развитіи: эпохи-шеллійскую, мустьерскую (геологически, въ ледниковую эпоху; послѣдующія стадіи—въ современную), солютрійскую, магдаленскую (все это продолжительное время называется періодомъ оббитаго камня, которымъ пользовался тогда человѣкъ для своихъ нехитрыхъ цѣлей), затѣмъ робенгаузскую (эпоха, когда человѣкъ сталъ употреблять полированный камень) и затѣмъ, пройдя этотъ длинный рядъ стадій (наглядно-археологически—эта исторія происхожденія и развитія человѣчества представлена въ с.-жерменскомъ музеѣ національныхъ древностей близъ Парижа), человѣкъ вступилъ въ періодъ историческій (эпоха металловъ). Такъ, исторіи, по новому ученію предшествовало въ жизни человѣчества долгое и темное прошлое. Съ религіозной точки зрѣнія въ жизни человѣчества не было доисторическаго періода. Первый человѣкъ Адамъ все-цѣло принадлежитъ

исторіи. Созданіе человѣка—это великій актъ, занесенный въ назиданіе и поученіе человѣчеству на страницы библіи, за твореніемъ вскорѣ послѣдовало паденіе и немедленно обѣтованіе о спасеніи. Послѣ этого начинается исторія домостроительства человѣческаго спасенія, исторія человѣческихъ преступленій и божественныхъ милостей. Человѣкъ стремится непрестанно удаляться отъ Бога, и Богъ непрестанно призываетъ его къ Себѣ. Богъ выдѣляетъ изъ среды человѣчества одинъ наиболѣе надежный родъ авраамовъ для храненія божественной истины, даетъ законъ, посылаетъ пророковъ, наконецъ посылаетъ своего единороднаго сына, человѣчеству подаются дары Духа Святаго. Такъ представляемъ мы основные моменты міровой исторіи: твореніе, паденіе, и искупленіе. Вмѣстѣ съ этимъ мы думаемъ, что мы владѣемъ и подробностями этой исторіи въ богодухновенныхъ повѣствованіяхъ Библіи. Съ нашей точки зрѣнія исторія человѣчества есть собственно исторія церкви. Все, что было свѣтлаго и добраго на землѣ, стремилось подниматься къ небу, къ Богу и ко всему, въ чемъ только теплилась искра добра и свѣта, нисходилъ Богъ, изъ этихъ двухъ совмѣстныхъ процессовъ—восхожденія конечнаго и нисхожденія безконечнаго и слагается все то, что есть свѣтлаго въ исторіи человѣчества. Мы представляемъ себѣ, что бытіе человѣчества имѣетъ цѣль, что эта цѣль—въ Богѣ, и что исторія человѣчества должна быть разсматриваема съ точки зрѣнія этой цѣли—воплощенія Логоса въ человѣчествѣ. Современная историческая наука рисуетъ и разсматриваетъ судьбы человѣчества совершенно инымъ образомъ.

Изъ темнаго и безвѣстнаго состоянія человѣчество направляется къ знанію и свѣту. Историческому состоянію человѣчества предшествовалъ долгій и темный доисторическій періодъ. Человѣчество раздробилось на рѣзко различающіяся между собою расы, образовались разнообразнѣйшіе языки, формы общежитія смѣнялись и дифференцировались, а люди все еще не предавали памяти и письмени то, что переживали. За нѣсколько тысячелѣтій до Р. Х. на берегахъ великихъ рѣкъ Нила и Тигра и Евфрата создались наконецъ государства и явились письмена, искусства, религіи. Религіи, какъ и искусства, всецѣло созданіе человѣка. Всѣ народы имѣютъ ихъ и при всемъ кажущемся

разнообразіи у всѣхъ народовъ они проходятъ нѣкоторыя весьма сходныя фазы въ своемъ развитіи. Наиболѣе подробно по многимъ причинамъ изучены теперь религіозныя судьбы еврейскаго народа. Ихъ представляютъ такимъ образомъ. Евреи-южная вѣтвь сѣверныхъ семитовъ. Какъ и всѣ народы, они начали свою религіозную жизнь съ натурализма, анимизма, фетишизма, идололатріи и политеизма. У людей въ древнѣйшую эпоху, говорятъ, никакимъ образомъ не могло быть монотеистическихъ представленій, потому что у нихъ безусловно не было даже мысли о единствѣ существующаго. Евреи въ древнѣйшее время почитали священные камни (matsébah). Такимъ священнымъ камнемъ сталъ для Іакова тотъ, который служилъ ему изголовьемъ, когда онъ увидѣлъ свой чудесный сонъ. Іаковъ полилъ камень масломъ, совершилъ на немъ возліяніе и назвалъ его Веѳиль-домъ Божій. Камень — мѣсто обитанія Божества. Теперь высказываютъ предположеніе, что въ ковчегѣ помѣщались священные камни—метеориты, изъ чего и возникло сказаніе о двухъ каменныхъ скрижаляхъ, на которыхъ были написаны божественныя заповѣди. Почитали евреи священныя деревья (все равно какъ въ глубокой древности греки почитали додонскій дубъ). На это указываетъ сказаніе о древѣ жизни въ раю, на это указываютъ названія нѣкоторыхъ деревьевъ, начинающіяся съ êl (Богъ). Почитались священные источники, вода которыхъ называлась водою живою (Быт. XXIV, 19; Лев. XIV, 3, 50; пѣсн. пѣсн. IV, 15), и въ позднѣйшую эпоху церемонія очищенія прокаженныхъ соединялась съ обрядомъ закалыванія жертвенной птицы надъ живою водою. Почитались у евреевъ высоты (bamoth). Все это равно почиталось и у другихъ хананейскихъ народовъ. Всѣ они думали и вѣрили, что въ почитаемыхъ ими мѣстахъ и предметахъ живетъ Божество Культъ мертвыхъ и предковъ распространенный у всѣхъ некультурныхъ, а частію и культурныхъ расъ былъ распространенъ и у евреевъ. Такъ Самуилъ вызванный изъ гроба аэндорской волшебницей для Саула, называется ею êlohim (богомъ). Существованіе культа мертвыхъ у евреевъ усматриваютъ еще изъ того, что гробы наиболѣе почитаемыхъ предковъ находились у нихъ въ самыхъ важнѣйшихъ мѣстахъ ихъ религіознаго культа. Такъ, въ Хевронѣ былъ гробъ Авраама, Сарры и

Іакова. Около Веенля подъ священнымъ дубомъ была погребена Девора, кормилица Ревекки, въ Кадесѣ-Маріамъ, сестра Моисея, въ Сихемѣ находились кости Іосифа, Офра служила погребальницей для семейства Гедеона; останкамъ дочери Іеѳфая ежегодно оказывалось четырехдневное религіозное чествованіе, Наконецъ, евреи имѣли идоловъ. Объ этомъ говорятъ терафимы Рахили и терафимы Мелхолы. Человѣческія жертвы (жертвоприношеніе Авраама, разрубленіе Самуиломъ Агага предъ Господомъ, жертвоприношеніе дочери Іеѳфая), натуралистическіе праздники (праздникъ пасхи—агнецъ съ горькими травами) вообще все, что было у древнихъ окрестныхъ народовъ, находятъ и у евреевъ. Но постепенно у евреевъ надъ почитаемыми ими божественными существами началъ возвышаться одинъ Богъ—Іегова. Первоначально, полагаютъ, Іегова имѣлъ характеръ божества натуралистическаго. Его представляютъ являющимся Моисею въ огненномъ пламени и въ горящемъ кустѣ. При странствованіяхъ евреевъ по пустынѣ Онъ открывается имъ днемъ, какъ столпъ облачный; ночью, какъ столпъ огненный. На Синаѣ—мѣстѣ Его обитанія—онъ является среди громовъ, огней, облаковъ и дыма. Вся гора была, какъ раскаленная и какъ потрясаемая печь. Богъ назывался огнемъ поядающимъ. Сначала Іегова мыслился какъ единый Богъ евреевъ, но вовсе не какъ единственный Богъ вселенной. Къ этому послѣднему монотеистическому представленію евреи окончательно пришли уже въ эпоху пророковъ, которые установили единство Божества и Его этическій (вмѣсто прежняго натуралистическаго) характеръ. Эпоха пророковъ была эпохою религіознаго разцвѣта Израиля, никогда впослѣдствіи онъ не поднимался до такихъ возвышенныхъ и благородныхъ представленій о божествѣ и универсальныхъ воззрѣній на человѣчество, какъ во дни Исаіи, Іереміи, неизвѣстнаго пророка, которымъ написана послѣдняя часть книги Исаіи, и др. Неблагопріятныя политическія условія послѣдующаго времени сдѣлали то, что евреи впослѣдствіи замкнулись въ своемъ національномъ эгоизмѣ и своей національной обособленности, они создали законъ, связавъ его съ именемъ Моисея — законъ узко національный, въ которомъ на мѣсто универсализма сталъ юдаизмъ и на мѣсто требованія милости и послушанія стали жертвы и тукъ ов-

новъ. Но не всѣ захотѣли понести это неудобоносимое ига закона. Въ израилѣ образовались секты: фарисеевъ, саддукеевъ, ессеевъ и терапевтовъ, изъ которыхъ одни стремились усилить значеніе буквы, другіе заботились о духѣ. Неизвѣстно, какимъ образомъ—исторически можетъ быть даже и не связаннымъ съ послѣдними ученіями — явилось ученіе Іисуса о поклоненіи Богу въ духѣ и истинѣ, о любви къ ближнему, о томъ, что всѣ люди наши ближніе и о томъ, что должно прощать обижающихъ, а не преслѣдовать ихъ. Сѣмена этого возвышеннаго ученія, брошенныя на палестинскую почву, быстро были разнесены по всему міру. Исторія его возникновенія и распространенія, вообще исторія христіанства въ первый вѣкъ христіанской эры считается темною и неизвѣстною. Начиная со втораго вѣка, христіанство развивается уже при свѣтѣ исторіи. Происходитъ постепенная амальгама этической доктрины Іисуса съ религіозными ученіями востока и философскими запада. Первые опыты такого соединенія оказываются преждевременными и неудачными и отвергаются общехристіанскимъ сознаніемъ, какъ гностическія ереси, но потомъ процессъ сліянія начинаетъ совершаться. Въ христіанствѣ является ученіе о Логосѣ, заимствованное изъ александрійской философіи, міровая душа платонизма преобразуется въ личный Св. Духъ, языческія мистеріи измѣняются въ христіанскія таинства. Статуи и изображенія языческихъ боговъ создаютъ христіанскую скульптуру и христіанскую иконографію. Вмѣсто языческихъ жрецовъ явилась христіанская іерархія, и на мѣсто pontifexa maximus'a въ Римѣ явился папа. Вступившее въ союзъ съ языческою религіею и философіею христіанство, далѣе, вступаетъ въ союзъ съ правительствомъ, къ прежнимъ заимствованіямъ изъ чуждыхъ ученій, заимствованіямъ совершавшимся безсознательно, присоединились сознательные компромиссы съ требованіями власти, христіанское ученіе осложняется, и въ христіанствѣ происходятъ раздѣленія.

Относительно того источника религіи, которымъ въ представленіи религіозныхъ судебъ человѣчества вѣрующіе руководились въ теченіе тысячелѣтій,—относительно Библіи наука утверждаетъ, что ея происхожденіе было совершенно инымъ, чѣмъ представляетъ это вѣрующее сознаніе, и что

ея содержаніе въ значительной степени заслуживаетъ очень небольшаго довѣрія. Христіане привыкли думать, что въ Библіи древнѣйшая часть—первыя пять книгъ (Бытіе, исходъ, левитъ, числъ, второзаконіе), что все содержаніе ихъ безусловно истинно, и что они написаны Моисеемъ. Все это, говорятъ,совершенно ошибочно. Эти книги составлены изъ разнообразныхъ. древнѣйшихъ записей путемъ спайки и переработки многими лицами и окончательную свою редакцію получили къ очень позднему времени. Въ нихъ, полагаютъ, ясно можно различать іеговистическій источникъ IX столѣтія до Р. Х. и элогистическій источникъ VIII вѣка (написанъ въ пророческомъ стилѣ: нравственныя увѣщанія, мессіанскія надежды), священническій кодексъ (книга левитъ, написанъ между X и V вѣками, въ окончательно редактированномъ видѣ принесенъ Ездрою въ 458 г.), второзаконіе (при первосвященникѣ Хелкіи въ 622 г. до Р. Х.). Первоначально эти книги никто не считалъ моисеевыми, но такъ какъ съ именемъ Моисея издревле связывалось представленіе о законодателѣ, то въ синагогахъ при чтеніи писаній постепенно вырабатывался обычай предварять чтенія священнаго отрывка словами: „Моисей пишетъ, Моисей говоритъ“, хотя бы дѣло шло даже о погребеніи Моисея, о которомъ онъ не могъ ни писать ни говорить. Въ христіанской литературѣ бл. Іеронимъ первый назвалъ пять первыхъ книгъ Библіи моисеевыми, и затѣмъ вскорѣ это мнѣніе пріобрѣло значеніе догмата. На самомъ дѣлѣ, литература евреевъ, говорятъ, не восходитъ къ эпохѣ болѣе древней, чѣмъ время судей. Сначала эта литература, какъ и у всѣхъ народовъ, была исключительно поэзіею. Въ пѣснѣ Деворы, побѣдившей Варака, видятъ образчикъ этой древней поэзіи. Были какія то книга пѣсенъ и книга браней господнихъ, но онѣ не сохранились до нашего времени. Характерный и древнѣйшій памятникъ еврейской литературы, это—первоначальный декалогъ (Исхода XXXIV, 10—27), въ которомъ формулируется сущность завѣта Іеговы съ Израилемъ. Израилю приказывается не вступать въ союзъ съ хананеянами, не имѣть общенія съ ними въ жертвахъ, не заключать съ ними браковъ, далѣе запрещается дѣланіе боговъ литыхъ, запрещается варить козленка въ молокѣ его матери, все первородное предписывается посвящать Богу, повелѣвается соблюдать суб-

боту, и праздновать праздникъ опрѣсноковъ, праздникъ начатковъ жатвы и т. д. Около времени возникновенія древнѣйшаго декалога писалъ іеговистъ, затѣмъ явился декалогъ классическій и произведенія элогиста. Затѣмъ, писанія пророковъ. Древнѣйшія: Амоса, Осіи, Исаіи (первыя XXXIX главъ не въ полномъ составѣ), Михея. За ними слѣдуютъ Софонія, Іеремія, Наумъ, Аввакумъ. Въ эпоху вавилонскаго плѣна писалъ Іезекіиль. Въ это время въ первый разъ было сдѣлано собраніе священныхъ книгъ, начиная съ книги бытія и кончая четвертою книгою царствъ, за исключеніемъ священническаго кодекса и нѣкоторыхъ другихъ текстовъ составленныхъ позднѣе. Въ концѣ вавилонскаго плѣна, когда уже началъ свое завоевательное движеніе Киръ, писалъ анонимный пророкъ, пророчества котораго соединили потомъ съ пророчествами Исаіи, но дѣятельность пр. Исаіи падаетъ на время Езекіи (VIII в. до Р. Х.), а послѣднія XXVII главъ книги пр. Исаіи написаны по поводу событій, происходившихъ въ послѣднюю половину VI вѣка. Послѣ эпохи Ездры и Нееміи являются книги Руѳь, Іоны, пророчества Іоиля, составляются хроники или паралипоменонъ. Возникаетъ особый родъ литературы-ученіе премудрости. Въ этомъ духѣ и въ это время написаны притчи, премудрость Сираха, книга Іова, Екклезіастъ, позднѣе—премудрость Соломона. Въ маккавейскую эпоху дѣлается собраніе псалмовъ (большею частію послѣплѣннаго происхожденія) и была написана пѣснь пѣсней. Тяжелыя политическія обстоятельства создали тогда апокалипсическую литературу, т. е. литературу, въ которой событія описываются и подаются утѣшенія подъ условными образами. Въ такомъ духѣ написана книга пр. Даніила (составлена между 167—165 г.г. до Р. Х.). Таково происхожденіе нашей ветхозавѣтной Библіи. Новый завѣтъ, говорятъ, написанъ въ концѣ I-го и первой половинѣ II-го вѣка. Большая часть авторовъ считаются неизвѣстными. Только нѣкоторыя посланія ап. Павла (къ римлянамъ, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ главъ, къ коринѳянамъ, къ галатамъ) считаются несомнѣнно подлинными, но въ общемъ имена авторовъ новозавѣтныхъ писаній псевдонимы. Подозрѣнія ихъ подлинности одновременны съ ихъ появленіемъ. Такъ, Маркіонъ уже въ половинѣ II вѣка признавалъ, что въ посланіяхъ ап. Павла допущена широ-

кая фальсификація. Объ авторѣ посланія къ евреямъ съ самыхъ первыхъ вѣковъ велись горячіе споры, и эти споры разрѣшились не въ пользу принадлежности посланія ап. Павлу. О синоптическихъ евангеліяхъ полагаютъ, что они написаны послѣ разрушенія Іерусалима, ибо въ нихъ описывается это разрушеніе; значитъ, они написаны лѣтъ чрезъ пятьдесятъ послѣ смерти основателя христіанства. Евангеліе Іоанна, полагаютъ, написано позднѣе и подъ вліяніемъ александрійской философіи. Книгу дѣяній считаютъ составленною изъ различныхъ документовъ, которые соединены вмѣстѣ, конецъ книги утерянъ. Соборныя посланія всѣ неподлинны, послѣднее изъ нихъ такъ называемое посланіе Іуды явилось не ранѣе 125 года. Въ эпоху образованія новозавѣтнаго канона имѣла широкое распространеніе анонимная литература: для приданія авторитета тѣмъ или другимъ положеніямъ посланія или книги называли авторомъ посланія или книги апостола, вообще лицо авторитетное. Это эпоха характеризовалась еще надеждою, что второе пришествіе Христово имѣетъ быть очень скоро, и этою надеждою проникнуты многія посланія Этою надеждою проникнутъ и апокалипсисъ—произведеніе неизвѣстнаго автора (можетъ быть пресвитера Іоанна) совершенно аналогическое книгѣ пр. Даніила.

Изученіе содержанія, какъ ветхозавѣтныхъ, такъ и новозавѣтныхъ писаній, показываетъ, что они заключаютъ въ себѣ многочисленныя противорѣчія, несогласованность, грубыя ошибки, они вообще носятъ на себѣ туже печать, какъ и произведенія другихъ народовъ, въ нихъ обнаруживается широкій полетъ фантазіи, въ нихъ раскрываются героическія представленія юнаго народа, слышатся несбыточныя мечты, видно наивное представленіе дѣйствительности. Особенность библейскихъ книгъ въ сравненіи съ другими произведеніями древности заключается въ томъ, что рука позднѣйшихъ редакторовъ пыталась сгладить и ослабить въ нихъ противорѣчія различныхъ мѣстъ и сообщить содержанію ихъ болѣе возвышенный и болѣе духовный характеръ. Такъ поступали редакторы, такъ поступали и переводчики, переводъ LXX, говорятъ, одухотворилъ образъ Бога Израилева, Который въ еврейскомъ подлинникѣ представляется очень чувственно и очень человѣкообразно.

Христіанское ученіе, полагаютъ, относится къ ученію Биб-

ліи такъ, какъ ученіе брамановъ относится къ ведамъ. Многіе гимны ведъ явились ранѣе, чѣмъ у индусовъ создалось представленіе Бога Брамы, и однако браманисты пытаются представить, что веды во всемъ ихъ объемѣ и во всѣхъ частяхъ говорятъ о Брамѣ. Такъ, говорятъ, христіане поступаютъ съ Библіею. Для полученія изъ Св. Писанія всего того, что получить изъ него было желательно, что на самомъ дѣлѣ въ немъ не заключалось или даже прямо имъ отвергалось, къ писанію прибавили преданіе. Къ теоріи писанаго Слова Божія присоединилась теорія Слова Божія неписанаго—устнаго. Исторически христіанство создалось не на развалинахъ только еврейства, но на развалинахъ философскихъ и религіозныхъ ученій всего древняго міра. Теорія неписанаго Слова Божія дѣлала весьма удобнымъ внесеніе въ христіанство новыхъ и чуждыхъ элементовъ. Неоплатоники, переходившіе въ христіанство, переносили въ него почти всю свою систему. Это въ значительной мѣрѣ, говорятъ, случилось съ блажен. Августиномъ. Римскіе юристы вносили въ христіанскую догматику термины и понятія римскаго права. Это приписываютъ Тертулліану. Такъ, въ теченіе перваго тысячелѣтія христіанской эры создалась христіанская догматика не какъ раскрытіе высшихъ истинъ и божественныхъ опредѣленій о человѣкѣ, а какъ результатъ взаимодѣйствія самыхъ различныхъ религіозныхъ и философскихъ концепцій при самыхъ различныхъ историческихъ условіяхъ.

Въ представленіи историческаго процесса религія, оказывающаяся въ несогласіи съ историческими науками, вступаетъ въ несогласіе и противорѣчія съ науками историко-философскими и философскими. Дѣло въ томъ, что религія придаетъ въ исторіи важное значеніе такимъ факторамъ, которые съ точки зрѣнія философіи безусловно въ ней отсутствуютъ и совсѣмъ не существуютъ. Таково ученіе о свободѣ воли. Религія провозглашаетъ человѣка существомъ свободнымъ. Свобода воли—терминъ не совсѣмъ точный. Воля есть способность желаній, стремленій. Свобода есть способность рѣшаться на дѣйствія независимо отъ силы мотивовъ. Философы различно опредѣляютъ терминъ „свобода“, но въ обычномъ и непосредственномъ его пониманіи не существуетъ разногласій. Способность человѣческой свободы пред-

ставляютъ такимъ образомъ. Въ душѣ человѣка постоянно толпятся различныя мысли, чувствованія, желанія. Послѣднія не представляютъ собою чего-либо самостоятельнаго, они суть нѣчто выводное изъ того, что имѣется сейчасъ въ наличности и разума и чувства. За мыслями, чувствованіями и желаніями стоитъ способность рѣшаться на дѣятельность, способность санкціонировать то или другое изъ имѣющихся желаній или намѣреній, желанія же могутъ простираться и на мысли и на чувствованія. Я могу желать удалить изъ своей главы тѣ или другія мысли, подавить въ своемъ сердцѣ тѣ или другія чувствованія. Способность выбирать для осуществленія изъ толпящихся въ душѣ желаній одни какія-либо и подавлять другія и есть присущая человѣку свобода воли, она имѣетъ для себя причину въ человѣческомъ „я“ и ни въ чемъ болѣе. Самый актъ свободнаго выбора таковъ. Въ умѣ имѣются представленія возможныхъ дѣйствій a, b, c, d, e, f, воля желаетъ дѣйствій h, g, i, k, l. Свободное самоопредѣленіе рѣшаетъ произвести какое-либо дѣйствіе д, съ которымъ въ душѣ вовсе не было связано желаніе его осуществленія. Вообще у человѣка есть идея долга (сознаніе, что онъ долженъ дѣйствовать такимъ то образомъ независимо отъ личныхъ выгодъ) и стремленіе къ пріятному, къ тому, что доставляетъ наслажденіе его чувственной природѣ, его сердцу, его уму, все равно. Человѣку такимъ образомъ часто,—почти постоянно,—приходится выбирать между должнымъ и пріятнымъ, ибо въ теперешнемъ грѣховномъ состояніи человѣка должное и пріятное обыкновенно не совпадаютъ. Объ этомъ говоритъ апостолъ: „по внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ: но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ“ (Рим. VII, 22—23). Свобода выбора у человѣка небезгранична, ибо онъ самъ существо ограниченное, ограничена она способностью желаній и способностью дѣйствовать. Затѣмъ, дѣйствія человѣка несомнѣнно подчинены нѣкоторому закону, по которому имъ свойственно однообразіе, и человѣку всегда присущъ тотъ или другой характеръ. Но хотя свобода человѣка признается очень ограниченной, религія рѣшительно утверждаетъ фактъ ея существованія. Признавая человѣка твореніемъ Божіимъ,

религія въ тоже время утверждаетъ, что человѣкъ есть и самъ собственный творецъ, содержаніе собственной нравственной личности онъ создаетъ путемъ собственныхъ усилій. На признаніи въ человѣкѣ такой творческой силы зиждется нравственная отвѣтственность человѣка, на немъ утверждается завѣтъ Божій съ человѣкомъ, возможность для человѣка вступленія въ царствіе Божіе, которое силою берется и употребляющіе усиліе восхищаютъ его.

Философія отрицаетъ свободу воли. Свобода воли, говорятъ философы, стоитъ въ противорѣчіи съ закономъ причинности. Всякое явленіе имѣетъ свою причину. Сущность тезиса заключается въ слѣдующемъ. Всякое явленіе, которое намъ кажется возникающимъ вновь, въ сущности существовало всегда. Пояснимъ этотъ тезисъ примѣромъ. Въ телескопъ мы можемъ разсмотрѣть на небѣ туманность Андромеды. Она имѣетъ опредѣленную форму, она по представленію астрономовъ есть скопленіе пылеобразныхъ и вообще разрѣженныхъ частицъ удерживаемыхъ силою тяготѣнія въ опредѣленныхъ взаимоотношеніяхъ. Атомы, изъ которыхъ состоятъ эти частицы и эта туманность, существовали отъ вѣчности, отъ вѣчности они обладали извѣстными свойствами и извѣстнымъ запасомъ движенія и двигались неизмѣнно по прямому направленію. Столкновенія, притяженія измѣняли ихъ путь, измѣняли ихъ взаимоотношеніе, такимъ образомъ, измѣняли картину и форму міра, но не измѣняли его содержанія. Въ мірѣ существуетъ безчисленное количество атомовъ, разсѣянныхъ на неизмѣримомъ пространствѣ, но сущность явленій происходящихъ въ мірѣ таже, какъ еслибы въ пространствѣ одного кубическаго метра было заключено два десятка атомовъ. Представимъ себѣ кубъ, сторона котораго равна одному метру, кубъ, имѣетъ восемь трехгранныхъ угловъ и двѣнадцать реберъ, положимъ въ вершинѣ каждаго угла и по срединѣ каждаго ребра помѣщено по атому и имъ сообщено движеніе внутрь куба, положимъ, что они обладаютъ силою взаимнаго притяженія и отталкиванія, обозначимъ на разстояніи единицы силу притяженія черезъ a, силу отталкиванія чрезъ b, притяженіе обратно пропорціонально квадрату разстоянія, законъ дѣйствія отталкиванія неизвѣстенъ (не всѣ и признаютъ отталкиванія изначальнымъ свойствомъ, но нашъ

примѣръ схематическій или условный: цифры, величины и отношенія могутъ быть другими; для насъ важно только, что безспоренъ и несомнѣненъ фактъ функціональной и безусловной взаимной зависимости этихъ величинъ и отношеній). Зная скорости атомовъ и ихъ взаимодѣйствіе, мы можемъ вычислить, что случится съ взаимоотношеніемъ этихъ атомовъ чрезъ милліоны лѣтъ. Законъ причинности заключается въ томъ, что всякое послѣдующее есть математическій результатъ предыдущаго. 2+3=5. Но въ математикѣ результатъ (сумма, произведеніе) уже данъ въ слагаемыхъ или множителяхъ, онъ уже существуетъ; такъ и по закону причинности все то, что будетъ существовать, уже существуетъ, ибо въ результатѣ, въ той суммѣ, которую представляетъ собою міръ, не можетъ быть больше того, что есть въ слагаемыхъ, въ тѣхъ элементахъ, изъ которыхъ этотъ міръ образованъ. Это считаютъ безусловно справедливымъ какъ по отношенію къ физическому, такъ и психическому міру. Только психическій міръ болѣе сложенъ и менѣе изученъ. Но въ сущности весь процессъ міровой жизни можетъ быть выраженъ алгебраическимъ уравненіемъ. Обозначимъ пространство чрезъ V, его элементы l, l_1, l_2, p, p_1, p_2, v, v_1, v_2 (элементы одного, двухъ и трехъ измѣреній), время чрезъ T и его элементъ чрезъ t, t_1, t_2, матерію чрезъ M и ея элементы черезъ m, m_1, m_2, движеніе чрезъ D и его элементы чрезъ d, d_1, d_2, и т. д. Эти четыре рода величинъ, взаимоотношеніе которыхъ опредѣляется очень простыми законами (формулы всѣхъ открытыхъ законовъ очень несложны), и представляютъ собою весь физическій міръ. Психическія явленія еще неразложены на первоначальные, ихъ образующіе элементы. Но въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ установлено ихъ взаимоотношеніе съ физическими или физіологическими актами (ощущеніе есть логариѳмъ раздраженія), ихъ отношеніе ко времени и пространству, въ нѣкоторыхъ случаяхъ сложные психическіе акты разложены на простѣйшіе. И здѣсь царствуетъ законъ единообразія отношеній. Между элементами психическихъ актовъ существуетъ связь необходимости. Утверждаясь на этихъ основаніяхъ, философія заключаетъ, что наше представленіе самихъ себя свободными есть иллюзія. Независимо отъ соображеній, опирающихся на данныя психологіи и положитель-

ныхъ наукъ, философія утверждаетъ далѣе, что этотъ характеръ иллюзіи представленію свободы долженъ быть приписанъ a priori, ибо изученіе дѣйствительности, изученіе физическаго міра и человѣческой исторіи можетъ утверждаться только на признаніи безусловной и всеобщей значимости принципа причинности. Но если этотъ принципъ имѣетъ дѣйствительно такую значимость, какую придаетъ ему философія, то тогда, очевидно, религіозныя требованія отъ человѣка самодѣятельности, имѣющія своимъ источникомъ иллюзію, не могутъ быть признаны разумными. Новѣйшая философія не отрицаетъ этики, не проповѣдуетъ безнравственности, но она утверждаетъ, что процессъ нравственнаго развитія въ человѣчествѣ совершается по нѣкоторымъ законамъ необходимости, а не есть свободное самосозданіе человѣчества. Есть въ мірѣ нѣкоторые законы, такіе же суровые и необходимые, какъ и законъ тяготѣнія, по которымъ дѣйствуетъ человѣкъ. Стоики уже до Р. Х. отрицали свободу воли и были строгими детерминистами. У Зенона, главы стоической школы, его рабъ—замѣтно хорошо усвоившій ученіе своего господина, укралъ нѣкоторыя вещи. Зенонъ, уличивъ его въ воровствѣ, сталъ бить его палкою. Рабъ тогда сказалъ: „мнѣ суждено воровать“, на это Зенонъ отвѣтилъ: „а мнѣ суждено бить тебя за это палкой“. Такимъ образомъ, если по закону необходимости совершаются преступленія, то по закону необходимости постигаетъ и возмездіе за эти преступленія. Эти и подобные законы производятъ то, что то, что мы называемъ нравственностію, можетъ возвышаться или понижаться въ человѣческомъ родѣ, въ людяхъ можетъ вырабатываться благородная или низкая настроенность. Но сами люди здѣсь ни причемъ, они только матеріалъ, надъ которымъ дѣйствуютъ, и орудія, при помощи которыхъ дѣйствуютъ законы судьбы.

Принципъ причинности отрицаетъ собою идею цѣли. Количество вещества, движенія, психической энергіи и пространство и время остаются неизмѣнными. Принципъ причинности состоитъ собственно въ отрицаніи происхожденія, въ утвержденіи, что все существующее существовало всегда только подъ иными формами и будетъ существовать вѣчно. Жизнь вселенной представляетъ вѣчный круговоротъ но если такъ, то не можетъ быть рѣчи о цѣли существованія

человѣчества и не можетъ быть рѣчи о средствахъ для достиженія этой цѣли. „Цѣли нѣтъ передо мною“, сказалъ русскій поэтъ, и новѣйшіе философы, какъ и философы стараго времени, посвящаютъ громадные трактаты доказательству этого тезиса. Религія намѣчаетъ человѣчеству, какъ цѣль, новое небо и новую землю, даетъ указанія и повелѣнія, какъ идти къ этой цѣли, и утверждаетъ, что всеблагое провидѣніе непрестанно содѣйствуетъ человѣку и поддерживаетъ его въ этихъ его возвышенныхъ стремленіяхъ. Религія утверждаетъ фактъ существованія промысла. Человѣкъ, какъ существо свободное, можетъ не только идти къ указываемой ему цѣли, но можетъ идти и отъ нея. Такія возвратныя движенія съ его стороны, удаленіе отъ лица Божія, оставленіе земли обѣтованной ради „страны далече“ влекутъ разстройство міроваго порядка, и Промыслъ непрестанно сверхъестественнымъ образомъ исправляетъ этотъ разстраивающійся порядокъ, Премудрая и Высочайшая свободная Воля Божества непрестанно исправляетъ печальныя послѣдствія неразумнаго употребленія свободы ограниченными существами. Философія отрицаетъ это утѣшительное ученіе. Въ мірѣ нѣтъ цѣлей, нѣтъ свободы, слѣдовательно, нѣтъ и не можетъ быть никакого промысла. Образъ Божества промышляющаго и пекущагося о человѣчествѣ представляется современнымъ философамъ наивнымъ и дѣтскимъ. Корень и источникъ этого ученія видятъ въ наклонности человѣка истолковывать все существующее по аналогіи съ собою. Человѣкъ заботится о своей семьѣ, о своемъ хозяйствѣ, онъ удаляетъ отъ своихъ дѣтей злыя вліянія, поправляетъ разстраивающійся хозяйственный инвентарь, заботится о своихъ садахъ и животныхъ. Расширяя этотъ свой узкій мірокъ, онъ представляетъ, что міръ—это хозяйство Божіе, что въ немъ тоже все клонится къ упадку и разстройству, и что Богъ, хозяинъ вселенной, непрестанно противоборствуетъ тенденціи міра къ паденію. Такое представленіе о мірѣ и Богѣ философія отрицаетъ въ лицѣ большинства своихъ представителей рѣшительнымъ образомъ. Въ мірѣ все течетъ по неизмѣннымъ и вѣчнымъ законамъ и надъ міромъ нельзя себѣ представить никакого премірнаго Владыки. Въ мірѣ все связано связью необходимости. Идея причинности отрицаетъ возможность свободныхъ отношеній,

отрицаетъ возможность существованія Бога внѣ міра и надъ міромъ. Все существующее есть одно цѣлое, и поэтому если есть нѣчто, что должно быть названо Богомъ, то это нѣчто имманентно міру. Если говорятъ, что Богъ есть причина міра, то, вѣдь, причина неотдѣлима отъ слѣдствія, и міръ такимъ образомъ непзбѣжно долженъ выходить изъ Бога, и причина далѣе уже не можетъ вліять на свое слѣдствіе, какъ вчерашнее состояніе погоды, разъ сказавшись на ея нынѣшнемъ состояніи, не можетъ уже вносить въ атмосферу никакихъ новыхъ измѣненій и являться свободнымъ факторомъ. Въ представленіи свободно дѣйствующаго Бога, вообще говоря, заключается масса противорѣчій. Если есть абсолютно-совершенное Существо, то и Его дѣйствія должны быть абсолютно совершенны, но абсолютно-совершенный образъ дѣйствій можетъ быть только одинъ. Здѣсь не можетъ быть множественности выбора, слѣдовательно, здѣсь нѣтъ мѣста и свободы. Въ представленіи Божества личнымъ человѣкообразнымъ существомъ поправляющимъ міровые непорядки тоже, говорятъ, заключается много противорѣчиваго. Личность всегда ограничена. „Я“ непремѣнно предполагаетъ собою „не-я“; мыслить себя, какъ „я“, значитъ мыслить границы своего существа. Личное Божество, это—безграничность, заключенная въ границахъ, это, слѣдовательно, нѣчто невозможное. Отсюда философія дѣлаетъ выводъ, что нѣтъ того Бога, Котораго мыслитъ христіанское сознаніе, присутствіе Котораго близъ себя ощущаетъ вѣрующая совѣсть, къ Которому живущее вѣрою человѣчество ежедневно обращается съ благодареніями и съ молитвами о своихъ нуждахъ. Такого Бога нѣтъ, и никакого Бога не въ силахъ представить себѣ ограниченный человѣческій разумъ. Никто не промышляетъ о мірѣ и человѣкѣ и ни къ какой цѣли не направляется человѣчество.

Таковы положенія современной философіи, они безусловно противорѣчатъ тому образу мыслей, чувствованій и дѣйствія, которыя можно назвать общечеловѣческими. Но философія расходится съ христіанской религіей не только въ конечныхъ выводахъ и результатахъ, она безусловно отрицаетъ тѣ начала, на которыхъ утверждается религія и исходитъ изъ отрицанія этихъ началъ. Религія утверждается на авторитетѣ; человѣку говорятъ: написанное въ Библіи есть бо-

жественное откровеніе, и ты обязанъ вѣрить, что это—истина, хотя бы это казалось тебѣ соблазнительнымъ, страннымъ, нелѣпымъ. Религія налагаетъ табу (запрещеніе) на многіе предметы изслѣдованія и своими отвѣтами о происхожденіи и сущности мірозданія она загораживаетъ человѣку путь къ самой возможности изслѣдованія. Человѣкъ спрашиваетъ себя, какъ произошли альпійскія горы? Онъ видитъ, что въ нихъ происходятъ измѣненія; онъ подмѣтилъ, что расположеніе ихъ подчинено нѣкоторому закону, его уму предносится мысль о возможности объясненія, какъ земля образовала эти грандіозныя складки. Можетъ быть совершенно подобно тому, какъ образуются складки на воздушномъ шарѣ, содержимое котораго уменьшилось. Въ земной корѣ, содержимое которой вслѣдствіе охлажденія уменьшается въ объемѣ, точно также образуются складки, т. е. горы, какъ въ полотнѣ шара. Натуралистъ занятый этою мыслію изслѣдуетъ, изучаетъ горныя цѣпи. Онъ хочетъ подѣлиться своими наблюденіями и выводами съ богословомъ, излагаетъ свои догадки о далекомъ прошломъ нашей земли, о томъ, какъ зарождались и поднимались могучіе альпійскіе кряжи. Но богословъ уже имѣетъ непоколебимое ученіе о происхожденіи Альпъ: „той рече и быша“, онъ не хочетъ знать никакой исторіи, никакого процесса, никакой науки. Философы не могутъ примириться съ этою фаталистическою покорностію незнанія. Они ищутъ знанія и признаютъ безграничную свободу изслѣдованія, они отвергаютъ всякое табу, не хотятъ рабства вѣры, они хотятъ только свободы знанія. Человѣческій разумъ есть для нихъ высшій авторитетъ, который принимаетъ и отвергаетъ ученія. Его авторитетъ обязателенъ и только его одного. И этотъ разумъ, мы видимъ, привелъ человѣка къ отрицанію вѣры, промысла, человѣческой свободы, на мѣсто священной исторіи этотъ разумъ поставилъ исторію естественную, онъ освѣтилъ міръ новымъ свѣтомъ и указалъ намъ въ немъ новое мѣсто. Этотъ разумъ назвалъ себя наукой и противопоставилъ себя вѣрѣ, ввѣряющейся не наукѣ, а религіи. „Духовное рабство, невѣжество, обскурантизмъ“, вотъ-какія слова наука часто ставитъ рядомъ съ словомъ „религія“, и не безъ сожалѣнія люди этой науки смотрятъ на людей вѣры.

Вотъ, положеніе дѣла въ настоящее время. На обязан-

ности людей науки лежитъ довести путемъ доказательствъ и разъясненій истинность своихъ тезисовъ до такой очевидности, чтобы люди религіозной вѣры сознали несостоятельность своихъ вѣрованій и перешли подъ знамя не знающей никакихъ боговъ науки. Пусть они трудятся надъ этимъ! Мы искренне желаемъ, чтобы они какъ можно болѣе старательно поработали надъ выясненіемъ и обоснованіемъ своихъ доктринъ. Почему такъ? Можетъ быть спросятъ насъ. Потому что мы убѣждены непоколебимо, что ихъ выводы— грубое и вредное заблужденіе, и что если они будутъ заниматься тщательно и усердно ихъ разработкою, они въ концѣ концовъ сами убѣдятся, что то, къ чему они призывали все человѣчество, какъ къ новой истинѣ, было только жалкою и пустою химерою. Мы вѣримъ, что ихъ попытки разработать свое ученіе будутъ работою саморазрушенія. Судьба всѣхъ ошибочныхъ и ложныхъ ученій такова, что они погибаютъ по мѣрѣ того, какъ развиваются. Правильно сдѣланные выводы изъ ложныхъ положеній приводятъ ad absurdum и разрушаютъ свои основанія. Такова наша вѣра. Но эта вѣра не можетъ слагать съ насъ обязанности бороться съ заблужденіями. Нѣтъ, во всякомъ случаѣ въ томъ фактѣ, что есть атеизмъ, что существуютъ безбожники, несомнѣнно, виновны не одни только атеисты, не одни безбожники. Виновны также и тѣ, которые, владѣя религіозною истиною, не заботились о томъ, чтобы показать другимъ, что она истина. Показывать и выяснять это нужно жизнію и словомъ. Конечно, жизненный примѣръ несравненно могущественнѣе самой ученой книги: скромный и не книжный святой обратитъ къ Богу несравненно больше людей, чѣмъ самый талантливый ученый. Однако нуженъ не только примѣръ, но и слово. Между современными невѣрующими мыслителями и христіанскою религіею стоятъ idola логическаго характера, стоятъ, по представленію ученыхъ, научные факты, на самомъ дѣлѣ—научное обсужденіе фактовъ. Устранять эти idola должно путемъ научнаго изслѣдованія, путемъ разсужденій, т. е. при помощи того же оружія, которое употребляютъ враги. Самое лучшее средство для разоблаченія заблужденій это выясненіе причинъ ихъ возникновенія. Постараемся не упускать этого изъ вида при дальнѣйшемъ разсужденіи.

III.

Какъ около религіи всегда ютятся нежелательные приросты—суевѣрія, заблужденія; такъ и около того зерна истины, которое постепенно растетъ, какъ результатъ научныхъ изысканій, всегда бываетъ много шелухи—ошибочныхъ гипотезъ, преждевременныхъ обобщеній. Трудно избѣжать ихъ, но нужно стараться избѣгать ихъ по возможности. Подобныя заблужденія часто бываютъ для вѣры камнемъ претыканія и соблазна, однако, мнѣ думается, что корень зла и принципъ раздѣленія кроется не въ нихъ: не научныя изысканія—естественно-историческія, историческія и историко-философскія—отталкиваютъ человѣка отъ религіи; нѣтъ, есть нѣкоторый prius, который отводитъ его отъ нея и для котораго въ наукѣ пытаются искать опоры уже послѣ того, какъ вопросъ объ истинности религіи безповоротно рѣшенъ отрицательнымъ образомъ. Многіе писали и пишутъ доселѣ, что человѣкъ отрицаетъ религіозную истину во имя нравственныхъ побужденій. Нравственные люди исповѣдуютъ религію и безнравственные отрицаютъ ее. Такое объясненіе, безъ сомнѣнія, лестно для самолюбія религіозныхъ людей, но, будучи лестнымъ, оно часто оказывается неправильнымъ. На эшафотѣ погибало и на каторгѣ работаетъ множество людей которые искренно вѣруютъ въ Бога и преступленія которыхъ ужасны. Вѣдь, и діаволъ вѣруетъ и трепещетъ. Наоборотъ, не встрѣчались ли каждому изъ насъ люди которымъ мы могли довѣриться вполнѣ и на слово которыхъ мы могли вполнѣ расчитывать, и однако религіозныя убѣжденія этихъ людей были очень сомнительны, чего они и вовсе не думали скрывать. Служеніе лжи и злу можетъ соединяться съ твердымъ убѣжденіемъ и непоколебимою вѣрою въ существованіе высшей правды, и наоборотъ, сомнѣніе въ существованіе высшей правды иногда можетъ закрадываться въ сердце человѣка, который самъ былъ бы очень не прочь честно служить ей.

Отчего это такъ? Отчего одинъ не имѣетъ вѣры, хотя и имѣетъ въ себѣ повидимому образъ Божій, другой имѣетъ вѣру, хотя живетъ вопреки ея основнымъ требованіямъ? Въ нѣкоторой мѣрѣ, думаемъ, можно дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Что такое вѣра? Полагаемъ, ее можно опредѣлить такъ:

вѣра есть знаніе внутренняго опыта. Вѣра не есть знаніе выводное, какъ знаніе научное, она есть знаніе непосредственное. Молясь Богу, человѣкъ ощущаетъ въ себѣ Его воздѣйствіе. Въ своей жизни, на себѣ человѣкъ испыталъ силу, воздѣйствующую на него чрезъ церковь въ таинствахъ, преподаваемыхъ ему церковью, въ ея обрядахъ и отсюда онъ получилъ непоколебимое завѣреніе, что православная церковь есть истина. Онъ воспринялъ въ себя эту истину, онъ ощутилъ ее въ себѣ непосредственно. Пусть онъ не знаетъ подробностей православнаго ученія, не умѣетъ перечислить вселенскихъ соборовъ и на вопросъ, сколько книгъ священнаго писанія, отвѣчаетъ такъ, какъ отвѣтилъ на нашей памяти одинъ ученикъ низшей школы: безчисленное множество. Пусть все это такъ. Но святость этихъ книгъ, спасительность опредѣленій вселенскихъ соборовъ онъ можетъ чувствовать сильнѣе и глубже чѣмъ самый ученый богословъ. Шлейермахеръ сказалъ: религіозенъ не тотъ, кто вѣритъ въ священныя книги, а тотъ, кто еслибы явилась нужда, могъ самъ бы написать таковыя. Шлейермахеръ не правъ. Религіозный человѣкъ можетъ и не умѣть писать. Я думаю, что религіозенъ тотъ, кто чувствуетъ святость священныхъ книгъ. Чувствуетъ святость ихъ тотъ, для кого эти книги являются дѣйствительно проводникомъ благодати. Образное выраженіе, что „изъ священнаго писанія льются струи благодатнаго ученія“ представляетъ собою описаніе того факта, что изъ св. писанія при его чтеніи исходитъ сила очищающая, освящающая и возвышающая сердце человѣка. Въ вѣрѣ истина непосредственно воспринимается человѣческимъ духомъ, вѣра есть непосредственное знаніе, она есть вѣдѣніе и, какъ таковая, вѣра и можетъ и должна имѣть гораздо большую твердость, чѣмъ знаніе. Относительно точности и правильности нашихъ познаній у насъ постоянно должны возникать законныя сомнѣнія: правильно ли были произведены наблюденія, точенъ ли опытъ, не допустили ли мы какихъ либо промаховъ и ошибокъ въ нашемъ разсужденіи? можетъ быть отъ нашего вниманія ускользнули нѣкоторыя стороны вопроса, и въ результатѣ у насъ явилась ложь вмѣсто истины. Исторія математики показываетъ намъ, что нѣкоторыя невѣрныя теоремы (о площадяхъ въ древнемъ Египтѣ о логариѳмахъ отрицательныхъ

величинъ въ новѣйшее время, о возможности рѣшенія уравненій выше четвертой степени и т. д.) держались и считались истинными въ теченіе долгаго времени. Это—въ области наименѣе сложной изъ наукъ и притомъ такой, гдѣ выводы получаемые путемъ дедуктивнымъ, обыкновенно можно провѣрять путемъ опытнымъ. И тамъ оказываются возможными подобныя заблужденія. Понятно, что въ вопросахъ болѣе сложныхъ область забужденій должна быть шире и сильнѣе. Отсюда посредственное или опосредствованное знаніе, т. е. знаніе пріобрѣтаемое путемъ наблюденій и умозаключеній не можетъ представляться въ нашихъ глазахъ имѣющимъ непоколебимую твердость и истинность. Въ области вѣры нѣтъ такихъ могущихъ ввести въ заблужденіе посредствующихъ элементовъ—обманывающихъ чувствъ, ошибочно умозаключающаго разсудка. Божественная сила непосредственно воспринимается вѣрующимъ духомъ и сама подаетъ ему своимъ воздѣйствіемъ завѣреніе въ своей абсолютной истинности. Апостолъ опредѣляетъ вѣру такъ: „вѣра есть осуществленіе ожидаемаго и увѣреннось въ невидимомъ“ (Евр. XI, I). Въ видимомъ нельзя быть твердо увѣреннымъ, вѣрить можно только въ невидимое. Только на Бога можно возлагать непоколебимое упованіе, нельзя безусловно полагаться ни на людей, ни на свои силы, ни на свои средства. На Навуходоносора безъ сомнѣнія полагались многіе, и онъ крѣпко вѣрилъ въ свои силы, но онъ сошелъ съ ума и не могъ пользоваться тѣми средствами, которыми располагалъ, не могъ служить не только другимъ, но и себѣ. Вѣрить можно только въ высшее, только въ невидимое, потому что видимое измѣнчиво, непостоянно, несовершенно. Если мы говоримъ, что мы вѣримъ въ такихъ то людей, въ свѣтлое будущее такого то народа, то ни мы сами не выдаемъ и другіе не принимаютъ нашей вѣры за имѣющее непремѣнно осуществиться пророчество. Все можетъ оказаться совсѣмъ не такимъ, какъ предполагала наша вѣра.

Такъ какъ религіозная вѣра по нашему опредѣленію есть непосредственное знаніе, знаніе непосредственнаго опыта, то, слѣдовательно, она предполагаетъ собою непосредственное воздѣйствіе Божественной силы на человѣка. Этимъ объясняется, что человѣкъ не можетъ самъ повѣрить, если и захочетъ, но можетъ только стремиться къ тому, чтобы

повѣрить. Изъ этого мы можемъ понять и тотъ фактъ, что вѣра иногда не совпадаетъ съ нравственными качествами людей. Христіанскія дѣти получаютъ вѣру съ св. крещеніемъ и эту вѣру они сохраняютъ иногда, не смотря на всѣ невзгоды жизни, на всѣ свои паденія. Иногда эта вѣра у нихъ очень рано исчезаетъ подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ антирелигіозныхъ условій. На западѣ, наприм., во Франціи нѣкоторымъ даже и въ дѣтствѣ не приходится имѣть радостей подаваемыхъ религіозною вѣрою. Тамъ принадлежность къ религіи необязательна, и родители, говоря, что не желаютъ стѣснять религіозной совѣсти своихъ дѣтей, а на самомъ дѣлѣ потому что сами не имѣютъ никакой религіи, не даютъ своимъ дѣтямъ никакого религіознаго воспитанія и предоставляютъ самимъ по достиженіи зрѣлаго возроста избирать религію. Но какъ бы ни было, вслѣдствіе какихъ бы обстоятельствъ человѣкъ ни оказался не имѣющимъ вѣры, разъ онъ ея не имѣетъ, то ученіе вѣры легко должно оказаться въ радикальномъ противорѣчіи со всѣмъ тѣмъ, что онъ имѣетъ. Въ дѣлѣ изслѣдованія дѣйствительности, въ дѣлѣ пониманія явленій онъ привыкъ руковиться принципомъ, что все естественно, что всякое явленіе имѣетъ свою причину, что строй міра, который онъ знаетъ, есть всегдашній и всеобщій. Онъ привыкъ жить этимъ міросозерцаніемъ. Когда ему начинаютъ излагать религіозное ученіе, онъ прежде всего видитъ несогласимость его съ признаваемыми имъ принципами и со многимъ такимъ, чему онъ усвоялъ имя факта, и онъ отвергаетъ религіозную вѣру, какъ грубую иллюзію, какъ обманъ и какъ тормазъ свободнаго научнаго развитія.

Обязанность вѣрующихъ выяснить невѣрующимъ, что вѣра вовсе не есть тормазъ свободнаго научнаго развитія или что она настолько же является такимъ тормазомъ, насколько имъ является истина, Вѣра не стѣсняетъ изслѣдованія, но освѣщаетъ его. Примѣръ можетъ разъяснить это. Положимъ, что я знаю съ несомнѣнностію, что въ дали, въ которую я всматриваюсь, стоитъ замокъ. Мнѣ извѣстна его архитектура, я знаю хорошо мѣстность, въ которой онъ расположенъ, но вотъ, картина, фонъ, которые рисуются моимъ глазамъ, оказываются не отвѣчающими моему знанію, не согласующимися съ нимъ. Я знаю съ несомнѣнностью дѣйстви-

тельное положеніе замка, и поэтому я заключаю, что мои глаза ошибаются. Однако на основаніи этого заключенія я долженъ не отвергать показаніе глазъ, а изслѣдовать причину ошибки—что доставляетъ моему зрѣнію картину несогласную съ дѣйствительностію. Какъ, въ житейскомъ опытѣ (туманъ можетъ быть измѣнилъ очертанія замка), такъ, въ наукѣ (вычисленія наприм., оказываются не согласующимися съ опытомъ), такъ и въ отношеніяхъ науки и вѣры. Научныя открытія оказываются стоящими въ противорѣчіи съ истинами вѣры. Не нужно спѣшить отвергать эти открытія во имя вѣры, нѣтъ, ихъ нужно изслѣдовать. Нужно много и долго подумать—противорѣчатъ ли они вѣрѣ дѣйствительно и не могутъ ли они быть съ нею примирены въ какой либо высшей правдѣ? Религіозная вѣра—не табу и не тормазъ, она есть непосредственная истина и поэтому она есть непогрѣшимый коррективъ знанія, но дѣло въ томъ, что мы можемъ погрѣшать въ пользованіи этимъ коррективомъ, можемъ смѣшивать съ истиною свое пониманіе истины, которое можетъ быть совершенно ошибочнымъ и которое можетъ заставить отвергнуть насъ дѣйствительную истину. Это возможно. Но невѣрующіе мыслители должны знать, что и въ наукѣ нерѣдко истина отвергалась во имя заблужденія, которое ошибочно принимали за истину: во имя теоріи истеченія въ оптикѣ долго отвергали теорію волненія; во имя предвзятаго убѣжденія, что камни не могутъ падать съ неба, долго отвергали факты ихъ паденія. Но теорія волненія несомнѣнно ближе къ истинѣ, чѣмъ теорія истеченія, не согласующаясясъ фактами и теперь совсѣмъ отвергнутая. Камни, упавшіе съ неба, теперь можно видѣть во всѣхъ минералогическихъ музеяхъ Европы. Въ этихъ случаяхъ ложь, прокравшаяся въ науку, дѣйствительно была тормазомъ для развитія послѣдней. Но ученіе вѣры можетъ служить тормазомъ только въ научныхъ изысканіяхъ невѣрующаго ученаго. Положимъ человѣку крѣпко вѣрующему въ Бога, многократно чувствовавшему Его благодатную близость къ себѣ, химикъ скажетъ, что міровое вещество вѣчно, и что слѣдовательно нѣтъ Бога творца. Для нашего вѣрующаго лица несомнѣненъ фактъ, что химикъ заблуждается, но завсѣмъ тѣмъ вѣрѣ этого лица, конечно, не представится преступнымъ, а скорѣе—самымъ разумнымъ вмѣсто

того, чтобы голословно отвергать гипотезу химика, напередъ изслѣдовать и взвѣсить, что привело химика къ его ложному предположенію. Нашъ вѣрующій мыслитель и станетъ изслѣдовать доводы и соображенія химика. Для невѣрующаго же религія есть непремѣнно тормазъ. Въ своихъ попыткахъ открыть истину онъ обращается ко всевозможнымъ гипотезамъ. Ему говорятъ, что такія то предположенія его не могутъ быть допущены, ибо они противны религіи. Онъ возмущается этимъ, говоритъ, что его стѣсняютъ, что можетъ быть въ a priori отвергаемыхъ предположеніяхъ и заключается истина. Ученый вѣрующій никогда не допуститъ этихъ предположеній, потому что они стоятъ въ противорѣчіи съ несомнѣнными для него истинами и онъ отвергаетъ эти предположенія все равно, какъ мы отвергаемъ предположеніе что 2×2=5. Вѣра есть авторитетъ только совершенно такой же, какъ и истина, но авторитетъ истины можетъ стѣснять только лжецовъ, задача свободнаго изслѣдованія состоитъ въ томъ, чтобы найдти истину и подчиниться ей. Счастливъ человѣкъ, который уже въ себѣ самомъ обрѣлъ высшую истину, она не можетъ стѣснять его, но своимъ свѣтомъ будетъ освѣщать ему путь исканія тѣхъ истинъ, которыя здѣсь на землѣ ищетъ все человѣчество.

Вѣра не стѣсняетъ разума человѣка, какъ не стѣсняетъ и его совѣсти, не стѣсняетъ дотолѣ, пока онъ не уклонится отъ истины и добра. Но если онъ захочетъ уклониться отъ нихъ, она обличитъ его. Назвать вѣру стѣсняющимъ началомъ можно лишь въ той мѣрѣ, въ какой является для человѣка его совѣсть, удерживающая его отъ зла, или въ какой мѣрѣ стѣсняющимъ началомъ являются для человѣка послѣдствія его ошибокъ. Медикъ рѣшилъ своимъ разумомъ, что такое то лѣкарство исцѣлитъ больнаго, онъ далъ его больному и послѣдній умеръ. Развѣ этотъ медикъ имѣетъ право порицать законы природы за то, что они стѣсняютъ просторъ его воображенія? Но вѣра не стѣсняетъ вѣрующаго даже и въ этой мѣрѣ: она дѣлаетъ для него умственно невозможнымъ допущеніе положеній несогласныхъ съ вѣрою такимъ образомъ, если вѣра и есть узда или цѣпь для человѣка—*бастилія человѣческаго духа*, какъ называли нѣкоторые религію, — то нужно признать, что въ

умственной сферѣ человѣкъ не чувствуетъ этой узды, она не тяготитъ его. Мы думаемъ, что невѣрующіе мыслители должны понять и признать это,—они могутъ только сказать что вѣра представляетъ собою невидимыя путы, опутывающія человѣка, блуждающій огонекъ, мѣшающій ему видѣть истинный свѣтъ, т. е. что вѣра есть заблужденіе.

Въ этомъ собственно и заключается весь вопросъ: заблужденіе она или нѣтъ. Говорятъ: вѣръ много и, значитъ, по крайней мѣрѣ, за исключеніемъ одной всѣ онѣ представляютъ собою заблужденіе. Безъ сомнѣнія, это—вѣрно: изъ всѣхъ религій только одна безусловно истинна. Но самый фактъ существованія вѣръ ошибочныхъ долженъ свидѣтельствовать въ пользу существованія вѣры истинной, какъ фальшивая монета доказываетъ фактъ существованія подлинной. Въ области религіозной могутъ быть своего рода заблужденія, галлюцинаціи, но замѣтимъ, что никто, страдающій галлюцинаціями зрѣнія, не видалъ иныхъ цвѣтовъ кромѣ тѣхъ, которые существуютъ дѣйствительно, и никто изъ страдающихъ галлюцинаціями слуха не слыхалъ звуковъ, которые не были бы извѣстны въ музыкѣ. Вотъ, почему религіозныя разногласія не должны смущать вѣрующаго. Историческая всеобщность религіозной вѣры, вотъ отрадный фактъ, убѣждающій въ законности и необходимости вѣры; религіозныя разногласія — печальный фактъ, свидѣтельствующій о нравственно-нездоровомъ состояніи человѣческаго духа,—онъ обязываетъ тщательно изслѣдовать свою вѣру, свое упованіе. Мы должны стремиться путемъ нашихъ изысканій установить, какіе свойства и признаки имѣетъ вѣра и каково ея происхожденіе? Вѣрующій, опираясь на непосредственное сознаніе, говоритъ, что ея корень—истина, и что она есть тяготѣніе къ истинѣ. Невѣрующій говоритъ, что она есть персонификація собственной или внушенной намъ другими фантазіи. Вѣра есть убѣжденіе. Какой источникъ этого убѣжденія? Когда и какъ оно возникло и что его поддерживаетъ? Человѣкъ, говорятъ, потомокъ животныхъ, но животныя не боятся ни темноты, ни привидѣній, животныя—крайніе реалисты. На какой же ступени своего развитія отдаленный человѣческій предокъ изъ реалиста сталъ идеалистомъ; вмѣсто того, чтобы считаться съ живыми врагами, сталъ почитать умершихъ дру-

зей. И затѣмъ, почему, достигши высшихъ ступеней развитія, онъ не оставляетъ вѣры въ этотъ міръ идеальный: напротивъ, чѣмъ выше онъ развивается, тѣмъ болѣе въ основу своего поведенія онъ ставитъ принципы этого идеальнаго міра. Если онъ отвергаетъ вѣру въ Бога и подчиненіе Богу, онъ требуетъ, чтобы люди исполняли обязанности по отношенію къ отечеству, требуетъ, чтобы люди преклонялись предъ правдою и справедливостью. Почему такъ? Въ ряду различныхъ предположеній теорія утверждающая, что это преклоненіе предъ правдою не имѣетъ для себя никакой санкціи свыше, не находитъ себѣ отклика на небѣ; эта теорія представляется наименѣе допустимою, какъ безусловно не имѣющая для себя никакой опоры. На самомъ дѣлѣ, допустимъ, что та теорія міровой исторіи, которая теперь въ мірѣ мыслителей имѣетъ наибольшій кредитъ и которая пользуется наибольшею популярностью, теорія эволюціи, вѣрна. Согласно этой теоріи въ нѣсколько милліоновъ лѣтъ или можетъ быть даже въ болѣе короткій періодъ изъ такого ничтожнаго, жалкаго и безпомощнаго существа, какъ монера, вышелъ человѣкъ съ его наукою, искусствомъ, государственнымъ устройствомъ. Это — на землѣ. Но въ безграничной вселенной существуетъ множество міровъ, и процессъ эволюціи совершается на нихъ въ теченіе билліоновъ и билліоновъ лѣтъ. Могутъ ли существовать какія-либо сомнѣнія, что этотъ процессъ создалъ существа съ несравненно высшею духовною природою, чѣмъ наша, существа, которыя, можетъ быть, имѣютъ право трактовать также наши духовныя способности, какъ мы трактуемъ червей или губокъ. Физическая природа этихъ существъ можетъ быть совершенно особенною. Мы не можемъ утверждать, что жизнь непремѣнно должна быть заключена въ твердо-жидкомъ тѣлѣ, можетъ быть возможны газообразные организмы, можетъ быть самое газообразное состояніе матеріи не есть предѣльное—да въ этомъ нельзя и сомнѣваться,—можетъ быть жизнь заключается въ иныхъ мірахъ въ такихъ матеріальныхъ формахъ, которыя недоступны нашему зрѣнію и не поддаются нашимъ органамъ изслѣдованія. Такія существа—высокоразвитыя—могутъ жить въ мірѣ, знать нашу судьбу, вліять на наше благополучіе, и мы можемъ ничего не знать о нихъ. Можетъ быть на наши обращенія къ міру невиди-

мому—Богу, ангеламъ, святымъ—отвѣчаютъ они, и потому наши мольбы не остаются безплодными. Говорятъ, что въ мірѣ нѣтъ свободы, но вѣдь, тѣ, которые говорятъ это, обращаются съ просьбами къ своимъ ближнимъ, какъ будто тѣ могутъ дѣйствовать свободно, и эти ближніе исполняютъ ихъ просьбы. За что же судить тѣхъ, которые обращаются съ своими мольбами къ существамъ болѣе могущественнымъ, чѣмъ люди? За что судить ихъ вѣру и дѣла ихъ вѣры? Наблюденіе и размышленіе открываютъ намъ, что въ сущности люди и самые либеральные крайне консервативны. Они вообще склонны думать, что вся жизнь во вселенной ограничивается извѣстной имъ областью и извѣстными имъ формами жизни. Когда стало утверждаться мнѣніе, что земля есть шаръ, мысль, что существуютъ антиподы, ученѣйшимъ людямъ казалась дикою и нелѣпою. Ученые Саламанки жестоко и грубо смѣялись надъ проэктомъ путешествія Колумба въ новый свѣтъ. Не похожи ли всѣ невѣрующіе ученые на этихъ саламанскихъ мудрецовъ? И не есть ли невѣріе въ сущности грубая и узкая вѣра въ то, что мы—центръ и сущность вселенной, что нѣтъ ничего выше нашего разума, нѣтъ никакихъ другихъ элементовъ кромѣ тѣхъ, которые знаетъ наша химія, и никакихъ другихъ формъ жизни кромѣ тѣхъ, которыя вѣдаетъ наша біологія. Но сами науки о природѣ, какъ физической, такъ и духовной, по мѣрѣ того, какъ онѣ развиваются, показываютъ, что тѣ рамки, въ которыя хотятъ заключить дѣйствительность, не годятся для нея, что разнообразіе міровой жизни нельзя заключить ни въ какія рамки человѣческой схоластики, онѣ сами какъ бы направляютъ мысль къ тому, чтобы она перешагнула границы видимаго и признала бытіе иной высшей дѣйствительности.

Но, говорятъ невѣрующіе, дѣйствительности во всякомъ случаѣ не той, о которой грезитъ вѣра. Пусть человѣчество будетъ находить все новыя и новыя формы бытія и жизни, оно никогда не найдетъ Того Бога, Котораго исповѣдуютъ вѣрующіе, никогда не встрѣтится съ дѣйствіями промысла и свободной воли, по тому что уже въ самомъ методѣ изслѣдованія, которымъ руководится человѣчество въ своихъ изысканіяхъ, заключается отрицаніе возможности промысла и свободы. Человѣкъ въ своихъ изслѣдованіяхъ исходитъ

изъ идеи единообразнаго порядка въ природѣ, идеи причинности и законности. Мы готовы согласиться съ послѣдними тезисами, но вотъ, что во всякомъ случаѣ представляется несомнѣннымъ: понятія „единообразный порядокъ“, „причинность“, „законность“ далеко невыяснены, и потому у вѣрующихъ можетъ вполнѣ сохраняться убѣжденіе, что выясненіе ихъ можетъ открыть, что они необходимо предполагаютъ промыслъ и свободу; только съ недавнихъ поръ гносеологія—наука о познаніи—стала выступать на путь болѣе или менѣе вѣрный. Она должна намъ выяснить, какими на самомъ дѣлѣ принципами руководится человѣкъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, изъ какихъ постулятовъ онъ исходитъ. Въ своей личной дѣятельности и въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ людямъ человѣкъ исходитъ изъ признанія себя и другихъ свободными. Онъ отлично понимаетъ, что эта свобода не есть безпричинность, произволъ; человѣкъ заранѣе расчитываетъ, что на такое то лицо онъ можетъ повліять и на такое то нѣтъ, но причинность въ свободныхъ дѣйствіяхъ онъ не отождествляетъ съ необходимостію. Что такое причина? Издавна мы слыхали выраженіе: причина равна своему слѣдствію. Если бы это было вѣрно, въ мірѣ не было бы никакой жизни, потому что—разъ слѣдствіе тождественно съ причиной—то значитъ, каждый послѣдующій моментъ въ міровой исторіи долженъ быть тождественъ съ предыдущимъ. Говорятъ, что причина есть неизмѣнная послѣдовательность, и что она открывается въ безусловномъ единообразіи порядка въ природѣ. Но на самомъ дѣлѣ намъ въ нашихъ изысканіяхъ нужна не безусловная, а условная неизмѣнность законовъ природы. Всѣ извѣстные намъ законы природы суть эмпирическія формулы для даннаго мѣста и времени. Всякій знакомый съ оптикою знаетъ, что математическія формулы оптическихъ стеколъ очень далеки отъ абсолютной точности, несовершенный человѣческій глазъ видитъ въ дѣйствительности то, что предсказывается формулою, но глазъ болѣе проницательный увидалъ бы вмѣсто предсказанной точки линію, вмѣсто прямолинейной поверхности криволинейную и т. д. Наиболѣе строгій математическій характеръ признаютъ за формулой закона тяготѣнія. Остановимся нѣсколько на этой формулѣ. Сила тяжести прямо пропорціональна массѣ и обратно пропорціональна

квадрату разстоянія. Если масса увеличится вдвое, говоритъ формула, вдвое увеличится притяженіе и т. д., но чѣмъ въ механикѣ измѣряется масса? Силою ея притяженія, вѣсомъ. Постараемся понять это. Кусокъ желѣза того же объема, какъ и вода, вѣситъ и притягиваетъ почти въ восемь разъ (7,788) сильнѣе, чѣмъ вода (1). Какой смыслъ соединяется съ утвержденіемъ, что онъ имѣетъ массу въ восемь разъ большую, чѣмъ вода въ томъ же объемѣ? Намъ скажутъ, что есть нѣкоторые первоатомы или нѣкоторая первоматерія, изъ которыхъ образованы и вода и желѣзо, что каждый первоатомъ обладаетъ равною силою притяженія и что въ желѣзѣ въ извѣстномъ объемѣ этихъ первоатомовъ въ восемь разъ болѣе, чѣмъ въ водѣ, или что первоматерія сгущена въ желѣзѣ въ восемь разъ сильнѣе, чѣмъ въ водѣ. Но такое разсужденіе вызываетъ сильныя возраженія. Во 1) оно стоитъ въ противорѣчіи съ фактами теплоемкости. Согласно теоріи простыхъ первоатомовъ или единой первоматеріи слѣдовало бы, что количество тепла нужное для нагрѣванія тѣла должно быть прямо пропорціонально его вѣсу, и чтобы нагрѣть одинъ кубическій сантиметръ желѣза нужно бы въ восемь разъ болѣе тепла, чѣмъ для того, чтобы нагрѣть одинъ кубическій сантиметръ воды, на самомъ дѣлѣ оказывается, что для нагрѣванія желѣза нужно тепла почти въ семьдесятъ разъ менѣе, чѣмъ для нагрѣванія воды (теплоемкость воды=1; теплоемкость желѣза=0,11379, это—теплоемкости равныхъ вѣсовыхъ количествъ; раздѣливъ 7,788 на 0,11379, мы получимъ объемную теплоемкость желѣза). Во 2) факты, представляемые спектральнымъ анализомъ, открываютъ намъ, что при температурахъ въ тысячи градусовъ на небесныхъ тѣлахъ существуютъ тѣже элементы, что и на землѣ. Еслибы предположеніе о первоатомахъ или первоматеріи было справедливо, то они разложились бы на простѣйшіе. Но если мы откинемъ теорію первоатомовъ или первоматеріи, то ученіе о равенствѣ равнопритягивающихъ массъ въ законѣ Ньютона явится совершенно непонятнымъ звукомъ. Въ условной и ограниченной формѣ это ученіе понятно и практически и научно полезно, но какъ философское выраженіе міровой истины, оно не имѣетъ никакого значенія. Обратимся къ другому положенію закона: притяженіе обратно пропорціонально квадрату разстоянія. Допу-

стимъ, что сила притяженія частицы *a* на разстояніи равномъ единицѣ равна *f*; при прикосновеніи притягиваемаго тѣла къ притягивающей частицѣ, когда разстояніе будетъ равно нулю, чему будетъ равна сила притяженія *a*?—И соображеніе и вычисленіе ($\frac{f}{0}=\infty$), отвѣтятъ намъ, что безконечности. Но если бы это было такъ, міръ давно бы сплющился въ неимѣющій измѣреній атомъ. Этотъ печальный результатъ не постигъ вселенную, очевидно, потому, что въ законъ Ньютона нужно внести какую-то поправку, какія то дополненія, что справедливый для большихъ массъ и большихъ разстояній онъ не выражаетъ собою абсолютной законосообразности явленій во вселенной. Онъ не согласуется съ фактами притяженія въ величинахъ крайне малыхъ (молекулярное притяженіе) и можетъ быть—этого мы еще не знаемъ съ несомнѣнностію — въ величинахъ крайне большихъ. Не обнимаетъ онъ собою частныхъ видовъ притяженія—электромагнитныхъ, химическаго сродства. И никакой законъ, какъ и законъ Ньютона, не имѣетъ характера абсолютной всеобщности и абсолютной необходимости.

Такъ относительно міра физическаго у насъ нѣтъ фактовъ доказывающихъ, что онъ представляетъ собою царство абсолютной необходимости, а относительно міра психическаго мы носимъ въ своей душѣ на самомъ дѣлѣ непоколебимое убѣжденіе, что въ немъ царствуетъ свобода. Со всякимъ психическимъ актомъ связывается свобода. Физическое выраженіе психическихъ состояній есть движеніе. У человѣка есть мысль, что полагать начало движенію можетъ только одушевленное существо (въ мірѣ физическомъ существуютъ лишь передача и продолженіе движенія). Въ отдѣльныхъ случаяхъ отъ вниманія человѣка можетъ ускользать импульсъ движенія и потому онъ можетъ неодушевленное существо принять за одушевленное; наоборотъ, въ другихъ случаяхъ одушевленное существо можетъ показаться неодушевленнымъ, такъ какъ можетъ не производить движеній—парализованное или свободно. Но эти ошибки не отрицаютъ истинности присущей человѣку мысли о движеніи, какъ признакѣ одушевленности. Начало физическому движенію можетъ положить—только психическій импульсъ. Для этого психическаго импульса нельзя отыскать никакого

физическаго prius, онъ есть актъ или результатъ свободнаго рѣшенія, и несомнѣнный фактъ свободныхъ движеній заставилъ даже физіологовъ писать трактаты о волѣ въ физіологіи. За признаніемъ произвольнаго движенія у человѣка слѣдуетъ признаніе и другихъ дѣйствій свободными. И на этомъ признаніи свободы утверждаются мысль объ отвѣтственности. Есть ли это чувство свободы—иллюзія? Кто желаетъ намъ это доказать, того мы прежде всего попросимъ намъ объяснить, какъ понимать необходимость въ приложеніи къ психическимъ явленіямъ. Въ области матеріи если на тѣло дѣйствуетъ нѣсколько силъ подъ различными углами, оно пойдетъ по равнодѣйствующей, въ области духа не можетъ быть равнодѣйствующей мотивовъ, духъ всегда долженъ бываетъ подчиниться одному изъ нихъ. Какъ же здѣсь дѣйствуетъ принципъ необходимости? Намъ не объясняютъ этого. Но намъ не объясняютъ также, откуда, если въ мірѣ есть лишь необходимость, явилась идея свободы, идея отвѣтственности. Не надъ одною моралью ставитъ крестъ детерминизмъ, онъ ставитъ его надъ смысломъ поэзіи, искусства, надъ порывами къ высшему, идеальному, святому. Детерминизмъ несовмѣстимъ съ прогрессомъ, ибо прогрессъ состоитъ въ томъ, что въ послѣдующемъ является больше, чѣмъ въ предыдущемъ, а детерминизмъ утверждаетъ равенство предыдущаго и послѣдующаго. Безъ сомнѣнія, понять свободный актъ нелегко; можетъ быть также нелегко понять твореніе изъ ничего. Но легко ли понять необходимость? Фактъ сохраненія бытія менѣе ли загадоченъ, чѣмъ его возникновеніе. Если этотъ столъ существовалъ минуту назадъ, то почему онъ существуетъ и теперь? Этотъ вопросъ можетъ показаться страннымъ, даже нелѣпымъ, но онъ законенъ. На него отвѣчаютъ закономъ инерціи, по которому всякое тѣло пребывающее въ покоѣ, будетъ пребывать въ немъ дотолѣ, доколѣ на него не будетъ произведено воздѣйствіе извнѣ. Но законъ инерціи есть только выраженіе факта, а не его объясненіе. Если сохраненіе вещества намъ еще кажется какъ будто понятнымъ, то законъ сохраненія движенія не является и съ этимъ признакомъ. Въ сущности мы одинаково не понимаемъ какъ необходимости, такъ и свободы и можетъ быть мы не понимаемъ ихъ оттого, что не понимаемъ, что такое причина? Намъ постоянно

подкладываютъ нѣмецкое пониманіе причины. Я говорю: нѣмецкое, потому что такое пониманіе дается нѣмецкимъ языкомъ. Причина по нѣмецки Ursache—первовещь; по такой терминологіи, пожалуй, легко, вывести, что причина вещи есть таже самая вещь только въ иной формѣ бытія. Но названія другихъ языковъ не даютъ основаній для построенія подобной теоріи причинности. Термины „причина", „основаніе", „импульсъ" (французское—cause, итальянское—causa и cagione, англійское—cause, réason, accunt, русское—причина) наводятъ мысль на другое пониманіе причины, какъ нѣкоего агента, который дѣйствуетъ и дѣятельность котораго совсѣмъ нетождественна съ нимъ. Эта причинная дѣятельность непонятна.

Невѣрующіе мыслители отвергаютъ фактъ свободы обыкновенно послѣ очень неглубокаго изслѣдованія, что такое причина, необходимость, свобода. Нужно выяснить эти понятія или—вѣрнѣе—нужно выразумѣть факты, на основаніи которыхъ они составляются. Нужно обратиться къ тщательному изслѣдованію психической и физической природы, нужно попытаться выяснить хотя одинъ физическій актъ или одну психическую эмоцію въ ея глубочайшихъ основаніяхъ: поднятіе пальца кверху или паденіе съ небольшой высоты маленькой снѣжинки. Пусть мнѣ объяснятъ эти два маленькія явленія, пусть покажутъ, что они дѣйствительно съ неизбѣжностію были отъ вѣчности предопредѣлены, какъ необходимый результатъ всей предшествующей исторіи. Никто и никогда не сумѣетъ сдѣлать этого.

Требованіе, чтобы мы представляли себя несвободными, стоитъ въ противорѣчіи съ непосредственнымъ свидѣтельствомъ нашего сознанія, точно также утвержденіе, что представленіе абсолютнаго и личнаго Божества заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе и въ дѣйствительности немыслимо, это утвержденіе стоитъ въ противорѣчіи съ идеальными требованіями человѣческаго духа. Человѣкъ считаетъ себя существомъ сознающимъ, мыслящимъ, свободнымъ, но и свое сознаніе и свое мышленіе и свою свободу онъ считаетъ ограниченными. Будемъ наблюдать за собственными логическими процессами. Мы скоро увидимъ, что они далеко не во всемъ своемъ объемѣ проходятъ въ полѣ нашего сознанія; мы увидимъ, что наше мышленіе въ зна-

чительной мѣрѣ работаетъ безъ участія нашего сознанія. Положимъ намъ дана математическая задача, мы разсматриваемъ ея условія, ищемъ связи между данными и искомыми числами. Мы ищемъ ее болѣе или менѣе долго, наконецъ находимъ и составляемъ уравненіе. Можемъ ли мы показать, какъ открылась намъ связь условій нашей задачи, какъ послѣ разныхъ колебаній и невѣрныхъ предположеній насъ осѣнило открывшее истину вдохновеніе. Разсмотримъ тщательно весь мыслительный процессъ и мы увидимъ, что въ немъ было много чего-то темнаго, что не всплывало на поверхность сознанія. Если мы дѣлали много разъ задачи извѣстнаго типа, мы, не думая, составляемъ ихъ уравненія, но, вѣдь, несомнѣнно мыслительный процессъ происходитъ, только внѣ поля нашего сознанія. Человѣкъ бѣжитъ по полю, на пути ему неожиданно встрѣчается узкій ровъ, онъ, повидимому не думая и совершенно не останавливаясь, перескакиваетъ чрезъ него. Развѣ на самомъ дѣлѣ онъ перескочилъ не думая. Его глаза смѣрили ширину рва, сообщили о ней его духу, тотъ рѣшилъ какое усиліе мускуловъ нужно употребить, чтобы перепрыгнуть эту ширину, далъ импульсъ рѣшенію совершить таковое усиліе, и прыжокъ совершился. Все здѣсь кромѣ начальнаго и конечнаго момента произошло въ какомъ то психическомъ мракѣ. Психическая дѣятельность человѣка сложна и обширна, но сознаніе освѣщаетъ только немногіе ея выдающіеся пункты, въ большей своей части она протекаетъ во мракѣ. Но у человѣка есть представленіе возможности и того сознанія и иного „я“, которое созерцаетъ свою психическую дѣятельность, видитъ ея сокровеннѣйшіе изгибы, видитъ всю свою душу. Такое вѣдѣніе на самомъ дѣлѣ возможно только для абсолютнаго „я“, ибо сознаніе неабсолютное не можетъ знать никакого предмета вполнѣ, какъ бы ни былъ ничтоженъ этотъ предметъ. Ограниченное „я“ можетъ расширять и углублять сферу своихъ познаній, но въ области познанія между нимъ и я абсолютнымъ всегда останется безконечное разстояніе. „Я“ Абсолютное или Богъ есть идеалъ, который вѣрующая совѣсть считаетъ живою реальностію. Въ этомъ представленіи живаго абсолютнаго „Я“ нѣтъ никакого логическаго противорѣчія, напротивъ, всѣ гносеологическія работы человѣка направляются къ тому, чтобы приближаться

къ этому идеалу, а конечно никто не захочетъ уподобляться тому, что есть contradictio in adiecto. Что сказано о сознаніи, то должно сказать и о мышленіи. Какъ сознаніе (сознаніе „я“) развивается постепенно и стремится къ безграничности, такъ и мышленіе, развиваясь, стремится къ тому, чтобы стать абсолютнымъ, хотя вѣчно остается ограниченнымъ. Наше мышленіе со всѣми его пріемами и методами носитъ на себѣ печать ограниченности и условности. Возьмите какой угодно силлогизмъ и разсмотрите его, и вы увидите, что онъ самъ въ себѣ заключаетъ доказательства, что составлявшее его существо ограничено и неспособно воспринимать истину во всей ея полнотѣ. Птицы не имѣютъ зубовъ, воронъ — птица, слѣдовательно, у него зубовъ нѣтъ. Въ этомъ силлогизмѣ мы прежде всего находимъ какую то классификацію, представленіе какого то рода „птицъ“, видимъ, что предметы и существа составителемъ силлогизма мыслятся въ системѣ, но въ природѣ нѣтъ ни родовъ, ни системъ, въ природѣ имѣются только отдѣльныя особи связанныя между собою нѣкоторою связью, которая дѣлаетъ, что вся природа представляетъ собою единство. Абсолютное мышленіе должно мыслить ворона, какъ нѣкую особь, представляющую элементъ, часть въ природѣ, но не какъ частное понятіе по отношенію къ какому то общему фиктивному понятію „птицы“. Существуетъ животный міръ, существуютъ отдѣльные индивидуумы, но не существуетъ класса „птицы“ и вида „воронъ“. Эти понятія рода, системы суть фикціи. Фикціи—условно мнемоническіе пріемы, при помощи которыхъ мы нашимъ слабымъ мышленіемъ познаемъ существующее. Мы не можемъ познать каждое конкретное явленіе въ его отдѣльности и потому, наблюдая новое явленіе, мы говоримъ, что оно похоже на иное нами прежде видѣнное; слѣдовательно, оно и есть тоже, что раньше видѣнное. Назвавъ увидѣнное нами явленіе радугой и увидѣвъ потомъ подобное же (но не тождественное) явленіе, мы говоримъ: это—радуга. Наша память слаба и потому вмѣсто безчисленнаго множества конкретныхъ явленій мы наполняемъ ее немногими абстракціями. Несовершенны наши и пріемы мышленія. Это открывается въ нашихъ математическихъ теоріяхъ. Часто говорятъ о точности математики. Это—грубое заблужденіе. Въ математикѣ большая часть вопросовъ

получаетъ только приблизительно вѣрные отвѣты. На простой вопросъ, чему равенъ квадратный корень изъ двухъ, намъ всегда дадутъ отвѣтъ только съ большимъ или меньшимъ приближеніемъ. За исключеніемъ очень немногихъ всѣ логариѳмы неточны. Математика имѣетъ и постоянно употребляетъ такое выраженіе: мы можемъ пренебречь этою ничего не значащею погрѣшностію, но ничего не значащихъ погрѣшностей на самомъ дѣлѣ не существуетъ, и съ точки зрѣнія абсолютной правды всякій неточный отвѣтъ есть ложный отвѣтъ. Безконечно—малыя ошибки, суммированныя въ безконечно-долгій періодъ, даютъ колоссальную ложь. Поучительные примѣры этого даетъ астрономія. Астрономъ изучаетъ движеніе ново-появившейся кометы. Начеркивая линію ея пути, онъ видитъ, что точнѣе всего эту линію назвать эллипсисомъ, но точно также, почти не грѣша, ее можно назвать и параболой (ибо эллипсисы съ громадными эксцентриситетами въ незначительномъ разстояніи отъ конца большей оси не могутъ отличаться отъ параболы). Астрономъ тогда вычисляетъ движеніе кометы по параболѣ, потому что такое вычисленіе значительно легче, чѣмъ вычисленія пути по эллипсису, онъ вычисляетъ движеніе кометы на будущіе мѣсяцы, и его вычисленія—употребляя ходячій терминъ—оказываются абсолютно точными. Онъ, положимъ, предсказалъ, что склоненіе и прямое восхожденіе кометы въ Петербургѣ такого то числа будутъ такими то—такіе то градусы, такіе то часы, минуты и секунды. Его предсказаніе оказалось совершенно вѣрнымъ. Но онъ знаетъ, что въ его вычисленіяхъ есть ошибка—неуловимая, которая тенерь не даетъ себя чувствовать наблюдателю, но которая потомъ можетъ быть чрезъ десятки лѣтъ сама жестоко заявитъ о себѣ. Дѣло въ томъ, что по его вычисленію комета, какъ двигающаяся по параболѣ, должна уйдти отъ солнца въ безконечность, но на самомъ дѣлѣ какъ двигающаяся по эллипсису, она вернется къ солнцу можетъ быть чрезъ 50, можетъ быть черезъ 200 лѣтъ. Такимъ образомъ въ конечномъ результатѣ безконечно малая ошибка даетъ безконечно большую ложь. Таковъ характеръ нашихъ познаній. Но достоинство человѣка заключается въ томъ, что онъ сознаетъ свои ошибки, видитъ ихъ, постепенно ихъ поправляетъ. Человѣкъ знаетъ, что его представленія о вещахъ не отвѣча-

ютъ вещамъ, но что однако эти представленія настолько удобные и вѣрные символы, что, пользуясь ими, онъ можетъ оріентироваться среди вещей, и наконецъ, человѣкъ чувствуетъ, что онъ можетъ улучшать, усовершать и расширять свои познанія. Своему ограниченному и темному познанію человѣкъ предноситъ, какъ идеалъ, абсолютное знаніе вещей, знаніе, которое знаетъ предметы, какъ они суть, которое не пользуется никакими теоріями приближенныхъ величинъ, никакими искусственными системами, не пользуется никакими даже и совершенными измѣреніями, а воспринимаетъ вещи прямо, воспринимаетъ ихъ всѣ одновременно. Это абсолютное знаніе человѣкъ мыслитъ принадлежащимъ абсолютному сознанію, абсолютному я. Считая себя созданнымъ по образу Того, Кто владѣетъ совершеннымъ знаніемъ и сознаніемъ, человѣкъ стремится приближаться къ Нему, расширяя свои познанія и углубляя ихъ. Человѣкъ считаетъ себя свободнымъ, но его свобода ограничена, потому что у него ограничено количество представленій возможнаго образа поведенія и у него ограничены средства для осуществленія представлющихся ему возможными способовъ дѣйствій. Но онъ мыслитъ, что свобода можетъ расширяться, что можно становиться свободнѣе и свободнѣе. Человѣкъ признаетъ бытіе Существа, Которое представляетъ безконечное количество возможныхъ дѣйствій (причемъ эти дѣйствія не исключаютъ одни другія, а могутъ осуществляться совмѣстно) и владѣетъ безконечнымъ количествомъ средствъ для реализаціи этихъ безконечныхъ представленій или идей, Существа, Которое само полагаетъ законы бытія и реализуетъ ихъ. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о дѣятельности по необходимости, ибо мыслители разныхъ вѣковъ, умѣвшіе глубоко всматриваться въ сущность бытія, учили, что здѣсь является Существо, Которое одинаково полагаетъ бытіе, какъ свободѣ, такъ и необходимости.

Человѣку присуще представленіе, что есть идеальное высочайшее существо, которое можетъ и желаетъ дать всѣ нужныя средства человѣку для достиженія идеала. Я не знаю мысли болѣе возвышенной и убѣжденія, которое могло бы болѣе успокоивать насъ среди скорбей и невзгодъ жизни, чѣмъ это убѣжденіе.

Задача, которой мы съ вами, господа, рѣшили посвятить

нашу дѣятельность, состоитъ въ томъ, чтобы по возможности яснѣе и строже раскрыть правду этого убѣжденія, и задача нашей школы заключается въ томъ, чтобы возможно глубже и сильнѣе ввести это убѣжденіе въ жизнь и сознаніе людей нашей родины. Однимъ изъ давно указываемыхъ признаковъ разумности нашихъ убѣжденій является тотъ, что независимо отъ того, истинны ли они или ложны, исповѣданіе ихъ всегда принесетъ благо. „Если мы ошибаемся, считая христіанскую религію истиной, мы теряемъ очень немногое, сказалъ Паскаль, но какое несчастіе, если мы ошибаемся, считая ее ложной“ [1]). Если въ горькія и тяжелыя минуты своей жизни человѣкъ нашелъ облегченіе и успокоеніе въ молитвѣ, то пускай эта молитва не нашла никакого отклика въ пустотѣ неба, важно и хорошо уже то, что оно согрѣло сердце того, кто молился. Такъ должны разсуждать невѣрующіе, а они не представляютъ и не могутъ представить себѣ и сотой доли тѣхъ благъ, которыя получилъ въ молитвѣ вѣрующій и безусловная цѣнность которыхъ для него истинна и несомнѣнна. Говорятъ, что религія ставитъ тормазъ свободному изслѣдованію, что она отрицаетъ принципы, изъ которыхъ исходитъ наука. Сейчасъ только что шла рѣчь о томъ, что эти принципы ошибочны, но допустимъ что они вѣрны. На самомъ ли дѣлѣ религіозныя ученія идутъ съ такою безспорною очевидностію противъ этихъ принциповъ? Нѣтъ, факты показываютъ, что невозможность согласить принципы всеобщей необходимости, детерминизма и т. п. съ религіозными ученіями и религіозностью вовсе не имѣютъ безпорной и общепризнанной очевидности. Бэмъ былъ строго послѣдовательнымъ пантеистомъ и глубоко убѣжденнымъ христіаниномъ, на мѣсто творенія онъ поставилъ истеченіе и онъ никогда не сомнѣвался, что его воззрѣнія стоятъ въ полной гармоніи съ библіей, онъ видѣлъ въ нихъ только комментарій къ послѣдней. Историческое изслѣдованіе, говорятъ, непремѣнно требуетъ признанія принциповъ детерминизма. Но ученіе кальвинистовъ въ сущности—строго детерменистическое, подобнымъ было и ученіе блаж. Августина, многія страницы корана проникнуты идеями фатализма и детерминизма. И однако бл. Ав-

[1]) Pascal, Pensées, p. 50. Biblioth. national.

густинъ былъ очень благочестивымъ человѣкомъ, и кальвинисты и масульмане, несомнѣнно, религіозные люди. Между тѣмъ говорятъ, что детерминизмъ содержитъ въ себѣ отрицаніе разумности религіи и религіозной дѣятельности. Мы согласны съ этимъ, мы полагаемъ, что детерминизмъ утверждаетъ неразумность религіозныхъ дѣйствій точно такъ же, какъ и неразумность житейскихъ отношеній. Но однако детерминизмъ можетъ такъ же удобно признавать существованіе Бога, ангеловъ, святыхъ и возможность общенія съ ними, какъ онъ признаетъ и существованіе людей. А своеобразная теорія предопредѣленія детерминистическихъ религіозныхъ толковъ идетъ далѣе и хочетъ примирить всеблагость и правосудіе Божіе съ неизбѣжностью человѣческой судьбы. Умъ человѣка слишкомъ ограниченъ и однимъ изъ послѣдствій его ограниченности является, что ему иногда представляется совмѣстимымъ несовмѣстимое или, наоборотъ, онъ отрицаетъ сосуществованіе такихъ фактовъ, которые на самомъ дѣлѣ существуютъ совмѣстно: свобода и необходимость, промышленіе и законосообразность, твореніе и сохраненіе вещества, величіе божества и Его попеченіе о ничтожномъ человѣчествѣ. Но чѣмъ болѣе человѣкъ размышляетъ, чѣмъ болѣе изучаетъ существующее, тѣмъ болѣе, думаемъ, онъ во всякомъ случаѣ убѣждается, что тезисъ несовмѣстимости доказать нелегко, что въ существующемъ есть много неизвѣстныхъ ему сторонъ, и что его прямолинейное и ясное міросозерцаніе только потому ясно и просто, что онъ ничего не знаетъ. Знанія человѣка очень ограничены. Мы видимъ, какъ бы сквозь тусклое стекло, и поэтому опираться на знанія, чтобы принципіально отрицать религію, невозможно. И люди отрицаютъ религію, потому что въ ихъ сердцѣ нѣтъ вѣры, а не потому что они имѣютъ знаніе.

Но ихъ отрицаніе? Однимъ изъ признаковъ того, что оно представляетъ заблужденіе, является то, что оно ведетъ къ самымъ ужаснымъ практическимъ послѣдствіямъ. Если вѣчность отвела мнѣ для наслажденія радостями жизни 40—50 лѣтъ, то, конечно, мнѣ нужно торопиться не терять дорогого времени. „Станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ“ (1 Коринѳ. XV, 32 ср. Исаіи XXII, 13). Этотъ тезисъ такъ простъ, ясенъ и неотразимъ, что ему повидимому неизбѣжно

должно слѣдовать. И ему бы послѣдовали, и жизнь человѣчества превратилась бы въ сплошную оргію, которая быстро бы закончилась гибелью человѣчества, если-бы строй жизни человѣчества не держался доселѣ на традиціонныхъ религіозныхъ началахъ, на требованіяхъ справедливости, правды любви, вообще на всемъ томъ, въ чемъ раціонализмъ не можетъ видѣть никакого смысла и происхожденіе чего онъ никогда не съумѣетъ объяснить. Конечно, люди слабы, въ житейскихъ отношеніяхъ много неправды, но люди все таки знаютъ, что такое добро и справедливость, и уже одно то, что каждый изъ насъ возмущается несправедливостью другаго, имѣетъ великое значеніе для торжества справедливости. Это возмущеніе имѣетъ для себя опору въ вѣрѣ въ божественную правду. Невѣрующіе философы пытаются создать какую то этику, но на самомъ дѣлѣ они могутъ предложить намъ не этику, а только физику нравовъ. Въ ихъ этикѣ излагаются законы, по которымъ необходимо должны совершаться нравственныя явленія, у нихъ нѣтъ и они не могутъ признавать debet—должно, у нихъ есть только est и erit—есть и будетъ. Но есть ли хотя одинъ невѣрующій мыслитель, который въ глубинѣ своей души не чувствовалъ бы лжи своего катихизиса, который не сознавалъ бы, что чувство долга не есть результатъ наслѣдственной или личной привычки, но нѣчто вложенное въ душу свыше? Мы думаемъ, что божественное происхожденіе нравственныхъ обязанностей чувствуется всѣмъ человѣчествомъ.

Раскрыть и выяснить все это, раскрыть истинность и спасительность вѣры—наша задача и наша обязанность. Мы видимъ, что противъ религіи выступаютъ враги со всевозможныхъ сторонъ и во имя самыхъ различныхъ началъ: противъ нее идутъ и во имя философскихъ принциповъ и во имя научныхъ открытій. Но если враги надвигаются на насъ отовсюду, то, значитъ, намъ некуда бѣжать. Намъ нужно укрѣпить свое положеніе. Прежде всего намъ нужно для самихъ себя сдѣлать наше вѣроученіе возможно яснымъ, полнымъ и обоснованнымъ. Мы—сыны православной церкви и церковь даетъ намъ источники своего вѣроученія и свое толкованіе ихъ. Мы должны по возможности выяснить и выразумѣть ихъ. Самое лучшее дѣлать это, не поддаваясь никакимъ постороннимъ вліяніямъ—естествен-

ненаучнымъ открытіямъ и гипотезамъ, философскимъ теоріямъ. Но потомъ, когда наше исповѣданіе явится намъ въ видѣ полной и ясной системы, тогда мы должны обратиться къ сравненію его съ ученіями человѣческими. Я указывалъ выше, что мы найдемъ разнорѣчіе по многимъ пунктамъ. Какъ должно поступать въ виду этого разнорѣчія? Намъ думается, что въ большинствѣ случаевъ ненужно спѣшить ни съ отрицаніемъ научныхъ предположеній, ни съ приспособленіемъ нашего вѣроученія къ новому міропониманію. Вездѣ, гдѣ возможно, лучше всего ждать — не найдутъ ли себѣ старая вѣра и новое знаніе примиренія въ нѣкоторой высшей правдѣ.

Я говорилъ о пунктахъ разногласія между православнымъ вѣроученіемъ и современными научными теоріями. Говорятъ: Библія учитъ о неподвижности земли, и астрономія утверждаетъ ея движеніе. Многіе богословы пытаются теперь утверждать, что въ Библіи, не говорится о неподвижности земли и движеніи солнца, они говорятъ объ астрономическихъ познаніяхъ Моисея, о мудрости египтянъ и т. д. Я думаю, что эти богословы неправы. Моисей не зналъ теоріи Коперника, и выраженія библіи просты и несомнѣнны. Но, вѣдь, это способъ выражанія всего человѣчества, не исключая и современныхъ астрономовъ. „Солнце зашло. Луна вступила въ меридіанъ“. Библія описываетъ явленія такъ какъ они кажутся, языкомъ понятнымъ „для мудрыхъ и простыхъ вкупѣ“. Астрономія стремится понять ихъ, какъ они есть. Говорятъ, что „день“ творенія въ Библіи есть обыкновенный день, и что на самомъ дѣлѣ твореніе или образованіе міра происходило въ теченіе тысячелѣтій. Думается, что неневозможно согласить оба эти утвержденій. Когда людямъ была открыта тайна творенія, они безъ сомнѣнія не могли понимать геологическихъ истинъ, и мы имѣемъ всѣ основанія утверждать, что обученіе человѣка естествознанію не входило въ божественные планы. Богъ, сказалъ Екклезіастъ, „вложилъ міръ въ сердце ихъ (людей, tradidit mundum disputationibus eorum въ Vulg.), хотя человѣкъ не можетъ постигнуть дѣлъ, которыя Богъ дѣлаетъ,отъ начала до конца“ (Екклез. III, II). Исторія творенія была возвѣщена человѣчеству не въ естественнонаучныхъ, но въ религіозныхъ цѣляхъ и была возвѣщена въ формѣ наиболѣе для него понят-

ной, но вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно, въ выраженіяхъ наиболѣе отвѣчающихъ истинѣ. По мнѣнію Климента Александрійскаго всѣ твари были созданы одновременно. Онъ полагаетъ, что различіе шести дней въ моисеевомъ повѣствованіи не указываетъ дѣйствительной послѣдовательности времени, но представляетъ собою лишь пріемъ, которымъ бытописатель приспособляется къ нашему разумѣнію и нашему способу понимать вещи, представляя въ видѣ послѣдовательной лѣстницы существа, которыя составляютъ вселенную. „День, въ который Богъ сотворилъ міръ, есть слово“ (Strom. VI, 16. Migne). Оригенъ, ученикъ Климента, тоже признавалъ что міръ былъ сотворенъ мгновенно. Онъ основывалъ такое представленіе на повѣствованіи кн. бытія о четвертомъ днѣ творенія. „Невозможно, говорилъ онъ понять дни съ утромъ и вечеромъ безъ солнца и безъ луны. Нельзя раздѣлять твореніе на многіе дни прежде, чѣмъ были. Это только образъ которымъ Моисей обозначаетъ постепенность тварей“. (De principiis. I, IV, 16 Migne). Впослѣдствіи у православныхъ богослововъ явилось еще побужденіе настаивать на мгновенномъ созданіи міра. Когда аріане стали учить, что Христосъ есть только „рожденный прежде всякой твари“ (Колос. 1, 15), нѣкоторые изъ отцовъ церкви, обличая неправильное пониманіе текста аріанами, настаивали на томъ, что самое дѣленіе тварей въ аріанскомъ смыслѣ по времени ихъ происхожденія несостоятельно. „Никакое созданіе не старше другаго, писалъ св. Аѳанасій Великій въ спорѣ противъ аріанъ, всѣ виды были созданы заразъ однимъ и тѣмъ же повелѣніемъ“ (Orat. II contr. arian. n^0 60. Migne). Мы видимъ, что по мысли этихъ толкователей день въ библейскомъ повѣствованіи употребляется въ значеніи обыкновеннаго дня, но они видятъ въ этомъ повѣствованіи о дняхъ только приспособленіе къ человѣческому пониманію и утверждаютъ, что въ дѣйствительности никакихъ дней творенія не было. Мы думаемъ, что ихъ экзегезисъ въ его отрицаніи за библейскимъ повѣствованіемъ о твореніи историческаго характера ошибоченъ. Мы думаемъ, что дни творенія были, что передъ твореніемъ Творцомъ были созданы законы, по которымъ оно должно было совершаться, что твореніе совершалось съ постепенностію и что оно дѣйствительно представляло собою лѣствицу восхожденія существъ. Мы допускаемъ.

далѣе, что процессъ образованія земли на самомъ дѣлѣ былъ дологъ, обнималъ собою далеко не шесть нашихъ астрономическихъ сутокъ, и мы не знаемъ, на какую догматическую истину указываетъ Библія, говоря о шести дняхъ, но едва ли можно сомнѣваться, что первые и ближайшіе читатели книги бытія подъ днями разумѣли обыкновенные дни. Взглянемъ теперь на вопросъ съ другой точки зрѣнія. Допустимъ, что традиціонное пониманіе исторіи творенія абсолютно истинно, и міръ въ законченномъ видѣ явился въ шесть дней: атлантическій океанъ, альпы, каспійская низменность, взрослыя животныя, все это явилось сразу. Лошадь мгновенно была создана взрослою. Затѣмъ начался тотъ порядокъ, который существуетъ и нынѣ — порядокъ постепенности развитія и медленности измѣненій. Если принципы этого настоящаго порядка приложить къ прошедшему, то тогда и получатся тѣ сотни тысячъ и милліоны лѣтъ, о которыхъ учитъ геологія. Какой вредъ отъ этого геологическаго ученія? Съ теоретической стороны оно даетъ намъ пониманіе строенія земли, съ практической оно даетъ указанія, какъ и гдѣ въ землѣ нужно отыскивать то, что нужно человѣку. Геологія во всякомъ случаѣ исходитъ изъ принципа, что твореніе не было актомъ всемогущества, для котораго всеблагой и всемогущій Богъ не положилъ напередъ никакихъ законовъ, но что оно было раскрытіемъ законовъ и идей— твореніемъ по плану и порядку. Есть еще одна точка зрѣнія, которую нужно принять въ расчетъ при разсужденіи объ исторіи творенія. И непосредственный нашъ взоръ и естествознаніе несомнѣнно представляютъ вещи не такими, каковы онѣ суть. Время, пространство, матерія, движеніе, все это не таково, какимъ намъ кажется. Отсюда вытекаетъ, что и Библія и геологія даютъ намъ недѣйствительную, а только символическую исторію міра. Символы эти въ нашемъ пониманіи теперь не представляются тождественными, но выводы слѣдующіе изъ нихъ одни: процессъ образованія міра былъ нѣкоторымъ законосообразнымъ процессомъ развитія, процессомъ перехода отъ однообразнаго къ разнообразному, отъ простаго къ сложному, отъ низшаго къ высшему.

Въ вопросѣ о происхожденіи человѣка конфликтъ между вѣроученіемъ и научными теоріями, говорятъ, особенно рѣ-

зокъ. Это безспорно. Однако и здѣсь, прежде чѣмъ подымать споръ, можетъ быть, полезно обратить вниманіе на нѣкоторые пункты. Во 1) библія процессъ происхожденія человѣка представляетъ двойственнымъ: „Создалъ Господь Богъ человѣка изъ праха земнаго и вдунулъ въ лице его дыханіе жизни“ (Быт. 11, 7.). Здѣсь двѣ стороны: естественная и сверхъестественная или, говоря иначе, земная и небесная. Первая сторона въ нѣкоторой мѣрѣ можетъ быть доступна пониманію или представленію человѣка. Во 2) и съ точки зрѣнія библіи невозможно оспаривать, что появленію на землѣ человѣка должно было непосредственно предшествовать появленіе тварей близкихъ къ нему по своей физической организаціи. Все, что мы видимъ на землѣ до человѣка, все это суть какъ бы подготовительныя ступени—для появленія человѣка. Но конечно, гипотеза собственно дарвинистическая въ ея принципахъ безусловно несовмѣстима съ нашимъ вѣроученіемъ. Позволительно однако отмѣтить, что эта гипотеза по сознанію самыхъ рѣшительныхъ ея сторонниковъ не имѣетъ за собою прямыхъ фактовъ, что она дѣлаетъ предположенія, основываясь на аналогіяхъ, на отдаленныхъ догадкахъ, и что для всякаго, кто допускаетъ существованіе въ мірѣ не однихъ механическихъ принциповъ, эти соображенія сами по себѣ не могутъ имѣть никакой силы.

Пытаются идти противъ авторитета Библіи. Новѣйшая критика, говорятъ, открыла, что кодификація библіи была совсѣмъ иною, чѣмъ это представляютъ. Здѣсь прежде, чѣмъ переходить къ обсужденію подробностей, нужно обратить вниманіе на два пункта: 1) что вообще хронологическіе вопросы и вопросы объ авторствѣ—можетъ быть за исключеніемъ только нѣкоторыхъ случаевъ — имѣютъ лишь историческое, а не догматическое значеніе. И затѣмъ 2), что результаты критики, которая собственно доселѣ представляетъ собою не критику, а рядъ отрицаній и поправокъ во имя системы гипотезъ, не опирающихся ни накакія фактическія основанія, эти результаты можно было предвидѣть. Результаты критики уже заключались въ ея методѣ и принципахъ. Критика вышла изъ убѣжденія, что исторія религіозныхъ судебъ еврейскаго народа была совершенно аналогичною судьбамъ другихъ народовъ древности: обожествленіе раз-

личныхъ предметовъ и явленій, политеизмъ и наконецъ монотеизмъ. А такъ какъ библія не даетъ для такихъ взглядовъ дѣйствительныхъ основаній, то стали находить основанія мнимыя: упоминаніе въ Библіи о дубѣ по гипотезѣ нашихъ критиковъ служитъ доказательствомъ, что у евреевъ почитались священныя деревья, упоминаніе о гробѣ доказываетъ существованіе культа предковъ. Такова логика раціоналистической критики. Настаивая на тождествѣ религіозной исторіи евреевъ и другихъ народовъ, эта критика однако упускаетъ очень важный фактъ, что ни одинъ народъ самъ не пришелъ къ монотеистическимъ вѣрованіямъ. Монотеизмъ данъ человѣчеству евреями. Откуда же онъ возникъ у этихъ скромныхъ семитовъ? Гдѣ историческія аналогіи для объясненія этого факта? Если не Единый Богъ создалъ евреевъ, то какъ евреи съумѣли создать этого Единаго Бога? На этотъ вопросъ критика не даетъ отвѣта, но что исторія евреевъ не заключала въ себѣ ничего чудеснаго и поразительнаго, это доказывается критикою необыкновенно легко и просто. Въ библіи мы встрѣчаемся съ пророчествами. Раціоналистическая критика не допускаетъ ихъ существованія. Поэтому разъ въ библіи встрѣчается пророчество, то по теоріи критиковъ оно должно быть или написано послѣ событія или подъ нимъ должно разумѣть не то послѣдующее событіе, къ которому его относили. Пророчество Исаіи о Кирѣ (Исаіи XLV) должно быть написано во времена Кира (VI в. до Р. Х), отсюда выводъ критики, что оно написано не Исаіею (VIII в. до Р. Х.), а неизвѣстнымъ современникомъ Кира. Пророчество Исаіи о Христѣ (Исаіи LII, 13—LIII) написано несомнѣнно до Христа; отсюда выводъ, что оно, значитъ, имѣетъ въ виду не Христа, ибо пророчествъ не можетъ быть, и вотъ, составляется толкованіе, что отрокъ Іеговы, эбедъ Іеговы, вовсе не отрокъ, не лицо, а лучшая часть еврейскаго народа, спасающая весь народъ. Такіе или болѣе правдоподобные выводы у невѣрующихъ изслѣдователей должны получаться неизбѣжно, какъ неизбѣжно алхимики стараго времени, искавшіе золота, находили его въ своихъ тигляхъ, потому что клали его туда въ началѣ опыта.

Историки говорятъ, что христіанскіе догматы образовывались естественнымъ образомъ. Мы можемъ и имъ сдѣлать

уступку и допустить, что провидѣніе пользовалось и естественными средствами, историческими событіями, державшимися на очереди дня ученіями, чтобы направить человѣческую мысль къ уразумѣнію сверхъестественной истины, содержимой церковнымъ сознаніемъ.

Но, можетъ, быть Вы уже давно думаете, господа: не слишкомъ ли много уступокъ, не предлагаю ли я вамъ поспѣшно принимать, какъ истину, человѣческія измышленія и не предлагаю ли я Вамъ мириться съ ложью, пассивно смотрѣть на ея существованіе и распространеніе. Нѣтъ; я вовсе не думаю звать васъ на путь уступокъ. Уступки въ области истины невозможны. Я думаю только, что нужно остерегаться рѣзко и горячо нападать на новыя ученія, какъ на противныя религіи, что нужно напередъ много и тщательно подумать о нихъ, чтобы съ нами не случилось того, надъ чѣмъ жестоко смѣялся одинъ изъ геологовъ новаго времени Агассицъ и слова котораго въ укоръ богословской оппозиціи новымъ ученіямъ часто повторяютъ теперь и въ книгахъ и съ каѳедръ. „Какъ только новый и поразительный фактъ появляется въ наукѣ, сказалъ Агассицъ, говорятъ: это—неправда; потомъ это—противно религіи, а подъ конецъ; это давно извѣстно всему свѣту“. Вотъ, почему мнѣ думается, что когда связь новыхъ ученій съ вѣрою является отдаленною, когда они непрямо направляются противъ основныхъ истинъ вѣры, ненужно спѣшить съ ихъ суровымъ осужденіемъ. Если послѣ тщательнаго изслѣдованія они окажутся антирелигіозными, конечно, ихъ должно опровергать и оспаривать, только не нужно вносить въ это дѣло того фанатическаго пыла, о которомъ потомъ, быть можетъ, придется пожалѣть. Мы можемъ смѣшать свое пониманіе истины съ истиною и потомъ, воображая, что защищаемъ высшую истину, можетъ защищать свое жалкое заблужденіе.

Будемъ осторожны! Но, конечно, осторожность прежде всего должна выражаться въ твердомъ сохраненіи и исповѣданіи того ученія, которое намъ предано, и затѣмъ во внимательномъ изслѣдованіи тѣхъ ученій, которыя появляются вновь. Постараемся, не поступаясь истиною, найдти общую почву для обсужденія вопросовъ съ людьми, которые отрицаютъ истинность нашихъ воззрѣній и, слѣдовательно, полагаемъ

мы, идутъ противъ истины. Пусть эти люди не видятъ въ насъ своихъ личныхъ враговъ, но только враговъ ихъ доктринъ. Этимъ доктринамъ мы не будемъ дѣлать уступокъ. Я думаю, что исторія научныхъ открытій послѣдняго столѣтія особенно побуждаетъ богослововъ къ стойкости и твердости въ установившемся пониманіи богодухновеннаго ученія. Можно бы долго и далеко простереть слово въ повѣствованіи о томъ, какъ новыя открытія подрывали старыя теоріи, которыя нѣкоторыя изъ богослововъ пытались искусственнымъ образомъ примирять съ Библіею. Изъ многаго выберемъ немногое.

Въ первой половинѣ XIX вѣка въ геологіи прочно утвердилась теорія катастрофъ, ревностнымъ защитникомъ которой былъ Кювье. Сущность этой теоріи состоитъ въ томъ, что геологическія эпохи слѣдовали одна за другою не постепенно и спокойно, но что каждая эпоха оканчивалась катаклизмомъ, катострофою, все разрушалось и на развалинахъ разрушеннаго возникли совершенно новыя фауна и флора. Основаніе для этой теоріи представлялъ тотъ фактъ, что въ геологическихъ отложеніяхъ пласты лежащіе непосредственно одинъ на другомъ нерѣдко представлютъ совершенно различный характеръ, заключаютъ въ себѣ останки совершенно различныхъ типовъ жизни. Для объясненія этого факта геологи предположили, что каждая геологическая эпоха оканчивалась потопомъ, причину этихъ потоповъ они усматривали въ поднятіи горныхъ цѣпей, которыя подъ дѣйствіемъ тектонической силы земли будто бы сразу выходили изъ земли во всемъ своемъ могучемъ величіи. Геологамъ казалось, что по измѣненію въ наклонѣ горныхъ напластованій они могутъ опредѣлять даже моменты рожденія горъ. Ихъ теорія заставила нѣкоторыхъ негеологовъ высказать, что у геологовъ горы растутъ, какъ грибы. Но этой ироніи, разумѣется, никто не придалъ серьезнго значенія. Теорія катастрофъ прочно утвердилась въ геологической наукѣ, и вотъ, богословы начали пытаться примирять составленную учеными исторію земли съ тою, которая написана въ Библіи. Въ библіи нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, что до созданія человѣка землю постигали катастрофы и что развитіе жизни на землѣ совершалось какими то скачками и съ какими то перерывами. Все это постарались

найдти. Первую главу книги бытія начали объяснять такъ: „въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю“. Въ этихъ словахъ разумѣется полное и законченное твореніе. Далѣе говорится: „земля была безвидна и пуста“. Здѣсь, по мнѣнію толкователей для пониманія дѣла нужно вставить нѣкоторыя посредствующія положенія, что жизнь созданная на землѣ подверглась опустошенію и разрушенію. Первый текстъ кратко говоритъ о землѣ до катастрофы, со втораго начинается исторія земли послѣ послѣдней катастрофы (сколько бы катастрофъ раньше не было), исторія послѣдней эпохи, въ которую появился человѣкъ. Геологическая теорія, направившая мысль богослововъ на такое толкованіе, навела наиболѣе смѣлыхъ изъ нихъ даже на предположеніе о порчѣ текста, о томъ, что будто бы между первымъ и вторымъ текстомъ въ теперешнихъ библейскихъ кодексахъ пропущены слова, говорившія о паденіи ангеловъ и о возникновеніи разстройства въ природѣ. Но вотъ, во второй половинѣ XIX вѣка было выяснено и теперь геологами всѣхъ странъ и направленій безусловно признано, что теорія катастрофъ основывается на совершенно ошибочномъ истолкованіи фактовъ и стоитъ въ противорѣчіи со всею совокупностью геологическихъ изысканій. Установили, что нѣтъ никакихъ основаній и никакихъ научныхъ побужденій предполагать въ прошедшемъ катастрофы болѣе грандіозная, чѣмъ какія происходятъ теперь. Геологія признала принципъ постепеннаго и послѣдовательнаго развитія. Богословы, поспѣшившіе съ своею теоріею соглашенія, такъ смѣло призвавшія на помощь фантазію для соглашенія библіи съ наукой, должны были почувствовать себя въ неловкомъ положеніи, потому что во всякомъ случаѣ новое геологическое ученіе оказалось болѣе приближающимся къ буквѣ священнаго текста, чѣмъ ихъ толкованіе этого текста.

Въ этомъ дѣлѣ были еще нѣкоторыя подробности. Геологи, развившіе теорію катастрофъ и потоповъ, начали утверждать, что *всѣ* потопы были на землѣ раньше существованія на ней человѣка, и это утвержденіе причинило не мало хлопотъ богословамъ въ истолкованіи библейскаго потопа. Выступивъ противъ теоріи катастрофъ, новая геологія на первыхъ порахъ зашла очень далеко въ ихъ отрицаніи,

были отвергнуты *всѣ* потопы, и библейское повѣствованіе о потопѣ было отнесено въ область сагъ, не имѣющихъ для себя никакой реальной подкладки. Такъ было до восмидесятыхъ годовъ. Въ это время геологія, соединившись съ ассиріологіею (изслѣдованіе Павломъ Гауптомъ халдейской саги о потопѣ и геологическія работы Зюсса, затѣмъ работы Гоуорта), установила, что въ основѣ библейскаго повѣствованія о потопѣ лежитъ несомнѣнный геологическій фактъ. Въ новѣйшихъ курсахъ геологіи обыкновенно отводятъ главу этому факту. Но это, конечно,—не послѣднее слово. Такого слова геологія не сказала доселѣ еще ни по одному изъ рѣшаемыхъ ею вопросовъ, и едвали кто изъ живущихъ теперь доживетъ до того, что услышитъ такое слово. Поставимъ себѣ вотъ какой вопросъ: во время этихъ смѣнъ геологическихъ воззрѣній, во время этихъ научныхъ смутъ и волненій, когда для возникновенія Альпъ назначали то нѣсколько часовъ, то нѣсколько милліоновъ лѣтъ, какіе изъ богослововъ оказались наиболѣе мудрыми? Безъ сомнѣнія тѣ, которые наименѣе подчинялись давленію научныхъ гипотезъ, и тѣ, которые вѣрили наиболѣе просто, руководясь ближайшимъ пониманіемъ буквы Библіи, оказались наиболѣе правы.

Теперь другой фактъ. Равно сто лѣтъ въ космогоніи существуетъ гипотеза происхожденія солнечной системы предложенная Лапласомъ. По этой гипотезѣ на мѣстѣ нынѣшней солнечной системы нѣкогда былъ одинъ громадный шаръ, состоящій изъ раскаленной газообразной матеріи. При его вращеніи около своей оси центробѣжная сила преодолѣвала центростремительную, и вслѣдствіе этого отъ его экватора въ различные періоды (по мѣрѣ охлажденія и сжатія шара) отдѣлилось по кольцу, и изъ этихъ колецъ вслѣдствіе взаимнаго притяженія частицъ образовались планетные шары, у которыхъ тоже вслѣдствіе преобладанія центробѣжной силы отдѣлялись и образовывались кольца и изъ нихъ спутники. По этой гипотезѣ все вышло изъ солнца. Земля, это—дочь солнца, какъ луна—дочь земли. Эта гипотеза въ первую половину вѣка прочно утвердилась въ умахъ ученыхъ, и богословы приложили не мало стараній къ тому, чтобы примирить ее съ Библіею. Повѣствованіе Библіи, что Господь сотворилъ солнце въ четвертый день,

когда на землѣ уже были растенія, стали говорить богословы, вовсе ненужно понимать въ томъ смыслѣ, что дѣйствительно земля нѣкогда существовала безъ солнца и существовала ранѣе солнца. Нѣтъ; нужно понимать это иначе и проще. Земля въ первое время своего существованія была окутана густымъ непроницаемымъ слоемъ углекислоты, изъ которой тогдашняя роскошная растительность извлекала себѣ богатую пищу. Солнца тогда не было видно. Но вотъ, составъ атмосферы измѣнился, она сдѣлалась болѣе прозрачною и для земли явилось солнце, о чемъ бытописатель повѣствуетъ какъ о событіи четвертаго дня. Богословы при этомъ не считали нужнымъ разсуждать о томъ, что согласно библейскому повѣствованію съ поверхности земли некому было смотрѣть на солнце и въ четвертый день, а для земли (атмосфера, вѣдь, принадлежитъ землѣ) солнце по гипотезѣ существовало и въ первые три дня. Со второй половины вѣка астрономія постоянно наталкивалась и наталкивается на факты, которые находятся въ противорѣчіи съ космогоніею Лапласа, но долго ученые—не смотря еще и на то, что съ точки зрѣнія принциповъ механики теорія Лапласа вызывала серьезныя возраженія—не рѣшались отступать отъ традиціонной космогоніи, они дѣлали предположенія, что новыя факты—исключенія вслѣдствіе какихъ-либо неоткрытыхъ особенныхъ условій, что эти факты объяснятся, когда будутъ открыты эти условія, но исключенія умножались, и ссылки на неизвѣстныя условія теряли все болѣе и болѣе право на существованіе. Теперь гипотеза Лапласа (въ предложенномъ имъ видѣ) едвали имѣетъ сторонниковъ, хотя всѣ отдаютъ дань уваженія ей, какъ геніальному обобщенію и геніальному истолкованію фактовъ для своего времени. Вѣдь, всѣ факты солнечной системы во время Лапласа строго согласовались съ его теоріею (только кометы не подходили подъ его объясненіе, и онъ сдѣлалъ предположеніе, что они—пришельцы изъ иныхъ невѣдомыхъ міровъ). На основаніи теоріи можно было дѣлать предсказанія о новооткрытыхъ свѣтилахъ, въ какомъ направленіи должно быть ихъ движеніе и т. д. предсказаніе Лапласа о направленіи движенія планетъ и ихъ спутниковъ было потомъ подтверждено сотнями открытій (до открытія спутника у Нептуна, движеніе каковаго спутника оказалось обрат-

нымъ предполагаемому). Точно также изъ теоріи вытекало, что всѣ малыя планеты въ солнечной системѣ находятся между Марсомъ и Юпитеромъ и—представьте—до августа 1898 года было открыто 434 малыхъ планеты и всѣ онѣ занимали на небѣ мѣсто указанное для нихъ Лапласомъ. Но пришелъ часъ, когда и въ области изслѣдованія малыхъ планетъ произошло тоже, что случилось въ области изслѣдованія движенія планетныхъ спутниковъ. Новооткрытый фактъ оказался несогласующимся съ теоріей. Есть въ Берлинѣ на улицѣ инвалидовъ обсерваторія Уранія. Эта обсерваторія владѣетъ очень хорошимъ телескопомъ. Здѣсь 14 августа (2 по ст. ст.) 1898 г., въ этотъ телескопъ астрономомъ Виттомъ была открыта фотографическимъ путемъ новая 435 малая планета, названная Эросъ. Сущность фотографическаго способа изслѣдованія неба заключается въ слѣдующемъ. Телескопъ при помощи гигантскаго часоваго прибора вращается такъ, что онъ неизмѣнно остается направленнымъ на одинъ и тотъ же небесный пунктъ, онъ вращается, такъ сказать, въ унисонъ съ небомъ (вѣдь, небо говоря языкомъ Библіи и общечеловѣческимъ вращается), фотографическая пластинка помѣщается въ полѣ зрѣнія телескопа отмѣчаетъ свѣтила находящіяся въ этомъ пунктѣ неба. Звѣзды на пластинкѣ всегда отмѣчаются какъ точки, но планеты и каметы проявлятся на ней какъ черточки. Это происходитъ отъ того, что планеты и кометы, участвуя въ общемъ суточномъ движеніи небеснаго свода, имѣютъ еще свое собственное движеніе около солнца и перемѣщаются между звѣздами. Непрерывное перемѣщеніе и даетъ линію. Изслѣдованіе легко показало, чтб евѣтило открытое Виттомъ—не комета, слѣдовательно, оно было планетою. Въ моментъ открытія планета находилась въ созвѣздіи Водолея, по напряженности свѣта должна была быть отнесена къ свѣтиламъ одинадцатой величины. Ея координаты были слѣдующія: AR=21ч 26м 32, 6с; D=96^0 24′ 21″. Другой берлинскій астрономъ Берберикъ изучилъ элементы этой планеты и съ удивленіемъ констатировалъ, что она совершаетъ свое вращеніе около солнца въ 600 дней, приблизительно на 85 дней скорѣе, чѣмъ Марсъ, и такъ какъ періодъ обращенія планетъ около солнца тѣмъ болѣе великъ, чѣмъ долѣе онѣ отстоятъ отъ солнца, то слѣдовательно новая планета должна

быть къ солнцу ближе, чѣмъ Марсъ и далѣе, чѣмъ земля; т. е. она находится между Марсомъ и землею. Большая полуось планетной орбиты DQ немного меньше большой полуоси Марса. Эксцентриситетъ ея весьма значителенъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ она должна такъ приближаться къ землѣ, что ея блескъ долженъ быть равенъ блеску звѣзды шестой величины. По теоріи Лапласа каждая планета съ своими спутниками образовывалась изъ особаго кольца, отдѣлявшагося отъ солнца, но одно изъ такихъ колецъ отдѣлившееся послѣ того, изъ котораго образовался Юпитеръ, распалось на массу мелкихъ тѣлъ—массу маленькихъ планетъ, изъ слѣдующаго кольца отдѣлившагося отъ солнца образовался Марсъ, изъ слѣдующаго земля—каждая планета со всѣми своими спутниками изъ одного кольца,—изъ чего же образовалась маленькая 435 планета? Космогонія Лапласа не можетъ дать отвѣта на этотъ вопросъ. Маленькая планета, открытіе которой вообще считаютъ очень важнымъ и дающимъ новый свѣтъ для представленія солнечной системы, есть новый фактъ, опровергающій лапласовскую систему и подтверждающій основные принципы новыхъ воззрѣній. Много уже въ теченіе полстолѣтія собралось открытій подтверждающихъ эти воззрѣнія, открытіе Эроса является новымъ и немаловажнымъ доводомъ въ ихъ пользу. Теперь предложено нѣсколько новыхъ космогоническихъ теорій, онѣ различаются между собою въ подробностяхъ, но онѣ согласны между собою въ своей основѣ, и сущность ихъ всѣхъ заключается въ слѣдующемъ. На мѣстѣ нынѣшней солнечной системы находилась нѣкогда разрѣженная пылеобразная туманность, или—вѣрнѣе—вещество солнечной системы нѣкогда представляло собою разрѣженную туманность, такъ какъ мѣсто, которое занимала эта туманность въ пространствѣ было, разумѣется, совершенно инымъ, чѣмъ нынѣ (солнечная система имѣетъ собственное движеніе, она направляется теперь къ созвѣздію Лиры и Геркулеса). Въ различныхъ пунктахъ туманности образовались мѣстныя сгущенія вещества, изъ этихъ мѣстныхъ концентрацій образовались планеты. Изъ ближайшаго вещества къ этимъ планетамъ начали образовываться ихъ спутники. Образованіе планетъ имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что въ туманности явился центръ тяжести. Остатки пылеобразнаго вещества,

не вошедшаго въ составъ планетъ и ихъ спутниковъ, устремились къ центру, и изъ нихъ возникло солнце. Очень только незначительное количество вещества ($\frac{1}{700}$) пошла на образованіе планетной системы, громадная часть туманной массы вошла въ составъ солнца. Образованія солнца происходило съ постепенностью и, какъ это ни странно, можно сказать не окончилось до сего дня. Дѣло въ томъ, что пылеобразное вещество при своемъ движеніи по направленію къ солнцу не всегда попадало въ сферу центральнаго притяженія, но въ значительномъ количествѣ уходило отъ солнца назадъ по удлиненнымъ эллипсисамъ, чтобы потомъ снова и еще ближе подойти къ солнцу и т. д., пока наконецъ приближающееся вещество не вступитъ въ сферу центральнаго притяженія и не упадетъ на солнце. Кометы и падающія звѣзды, это—остатки того первичнаго вещества, изъ котораго образовался солнечный міръ, это—матеріалъ, который рано или поздно также пойдетъ на постройку солнца, а отчасти и планетъ. Интересный пунктъ для богослова въ этихъ новыхъ космогоническихъ ученіяхъ, которыя стали появляться съ половины восмидесятыхъ годовъ, это—тотъ, что по нимъ не солнце явилось на свѣтъ раньше земли, а земля раньше солнца, дитя оказывается старше своей кормилицы. Это утвержденіе старшинства земли надъ солнцемъ во всякомъ случаѣ согласуется съ непосредственнымъ смысломъ буквы библіи. Какъ же должны теперь чувствовать себя тѣ богословы, которые хотѣли смыслъ повѣствованія библіи приспособить къ космогоніи Лапласа и подъ давленіемъ авторитета послѣдней отказывались понимать ясный смыслъ первой?

Въ послѣдній годъ астрономія должна занести въ свои лѣтописи еще одно открытіе, которое вызываетъ сильныя недоумѣнія и наводитъ на глубокія думы. Открытіе это сдѣлано ликскою обсерваторіею въ Калифорніи и пулковскою близъ Петербурга. Согласія наблюденій двухъ обсерваторій устраняетъ возможность заблужденія. Наблюденія ихъ заключались въ томъ, что звѣзда третьей величины въ созвѣздіи Пегаса въ теченіе 1897 г. двигалась по направленію къ землѣ, а въ 1898 г. стала двигаться по направленію отъ земли, причемъ ея скорость, когда она приближалась къ нашей системѣ, равнялась $4^1/_2$ километрамъ въ секунду, те-

перь она удаляется отъ насъ со скоростію $16^1/_2$ километровъ въ секунду. Методъ, при помощи котораго опредѣляютъ направленіе и быстроту движенія такъ называемыхъ неподвижныхъ звѣздъ, называется спектроскопическимъ. При помощи непосредственныхъ и телескопическихъ наблюденій собственное движеніе нѣкоторыхъ неподвижныхъ звѣздъ удалось констатировать только въ тысячелѣтія и столѣтія, но спектроскопическій анализъ далъ въ послѣдніе годы средства вопросъ о движеніи звѣздъ и направленіи движенія рѣшать не въ тысячелѣтія и столѣтія, а въ часы и минуты. Если солнечный лучъ принять на трехгранную стеклянную призму, то онъ даетъ семицвѣтный спектръ. Если мы отбросимъ этотъ спектръ на экранъ не при помощи простой призмы, а при помощи возможно усовершенствованнаго инструмента (спектроскопа), то мы найдемъ, что въ цвѣтныхъ полосахъ спектра проходитъ множество тонкихъ черныхъ полосокъ. Онѣ называются фраунгоферовыми линіями. По этимъ линіямъ и ихъ положенію въ спектрѣ опредѣляютъ химическій составъ свѣтила (солнца, звѣздъ), отъ котораго полученъ спектръ. Если тѣло, спектръ котораго мы изслѣдуемъ, находится въ движеніи, то для насъ его фраунгоферовы линіи должны казаться перемѣщенными: при приближеніи тѣла онѣ передвигаются къ фіолетовому концу, при удаленіи—къ красному. По величинѣ этого перемѣщенія можно опредѣлить скорость приближенія или удаленія свѣтила. Таковъ методъ. Что онъ точенъ, это безспорно. Что на практикѣ онъ вызываетъ большія затрудненія (чрезвычайныя сложность и мелкость измѣреній), требуетъ громаднаго искусства и опытности, это скажетъ всякій знакомый съ дѣломъ. Согласіе наблюденій въ разныхъ обсерваторіяхъ служитъ лучшимъ доказательствомъ, что эти трудности преодолѣны съ успѣхомъ. Какой же смыслъ новыхъ открытій добытыхъ при помощи этого метода? Они, по нашему представленію, колеблятъ тѣ ученія небесной механики, начало которымъ далъ Коперникъ, продолжили которыя Кеплеръ и Галилей и закончилъ Ньютонъ, они являются намъ фактами несогласимыми съ теоріей всемірнаго тяготѣнія установленной Ньютономъ. Открыли, что 1830 звѣзда Грумбриджа (въ созвѣздіи Большой Медвѣдицы) движется со скоростью 300 километровъ въ секунду, такая скорость дѣлаетъ невозможнымъ

притягивающее вліяніе на нее со стороны другихъ свѣтилъ она находится внѣ сферы всемірнаго тяготѣнія. Н. Пегаса, мы видямъ, измѣнила свое направленіе и скорость. Что могло быть причиною этого измѣненія? Отъ астрономіи, съ точки зрѣнія Ньютоновскихъ принциповъ, не могла бы укрыться эта причина, однако она ненайдена, ее невидно и о ней трудно составлять предположенія. Одно только предположеніе настойчиво навязывается уму, что наща вѣра въ безусловную всеобщность и истинность принциповъ новой астрономіи должна быть отвергнута. Но если такъ, то не подходимъ ли мы съ нѣкоторымъ новымъ свѣтомъ къ тому старому пункту, гдѣ нѣкогда пришли въ столкновеніе система Коперника и Библія. И если Библія точно описываетъ то, что кажется, то система Коперника (разумѣю: въ законченномъ и усовершенномъ видѣ, ибо у самаго Коперника она является въ видѣ несовершенномъ) правдиво ли представляетъ то, что есть? И наконецъ, вообще не правы ли богословы въ своемъ скептическомъ отношеніи къ доктринѣ каноника изъ Торна, къ различнымъ новымъ ученіямъ? Новыя ученія возникаютъ ежедневно, и истина въ представленіи легкомысленныхъ людей мѣняетъ свое лицо каждый день. Но истина вѣчна и неизмѣнна. Такою ее мы находимъ въ Библіи и, принимая библейское повѣствованіе такъ, какъ оно представляется непосредственно здравому смыслу, мы гораздо менѣе рискуемъ впасть въ заблужденіе, чѣмъ если мы будемъ читать ее при свѣтѣ новыхъ научныхъ предположеній и доктринъ.

Я говорилъ теперь только объ ученіяхъ имѣющихъ теоретическій характеръ, которыя далеко отстоятъ отъ жизни и практическихъ примѣненій, но исторія знаетъ возникновеніе и такихъ ученій, которыя имѣли глубоко развращающее вліяніе, потому что оправдывали зло, и съ которыми однако своеобразные экзегеты пытались соглашать ученіе Библіи. Таковъ полигенизмъ—ученіе о томъ, что различныя человѣческія расы произошли отъ различныхъ родоначальниковъ. Нѣкогда Вольтеръ говорилъ: только слѣпой можетъ не видѣть, что негръ и европеецъ не могутъ происходить отъ общаго предка, и еще ранѣе Вольтера нѣкоторые богословы стали утверждать, что библія учитъ о происхожденіи отъ Адама одной бѣлой расы, что въ первой и второй гла-

вахъ книги Бытія говорится о твореніи различныхъ человѣческихъ родоначальниковъ. Полигенистическая теорія дала научное оправданіе рабства, и американцы прямо утверждали на немъ свою безчеловѣчную эксплоатацію негровъ. Плантаторъ билъ негровъ бичемъ, считая ихъ хуже скотовъ безсловесныхъ. Чѣмъ отвѣчала Библія на подобную дикую расправу? Притчей о милосердомъ самарянинѣ. Что говорятъ ученые нашихъ дней обо основаніяхъ полигенизма? Что эти основанія—безусловно несостоятельны, что физическія различія человѣческихъ расъ суть слѣдствіе различія условій жизни, и что эти различія могутъ идти гораздо далѣе, хотя бы всѣ люди произошли отъ одного общаго предка. Ни одинъ ученый теперь не станетъ оспаривать справедливости этого положенія.

Таковы факты. Они предостерегаютъ насъ отъ увлеченія вѣтромъ новыхъ ученій, отъ легкомысленныхъ уступокъ, побуждаютъ насъ твердо держаться того, что предано намъ. Они даютъ намъ твердое убѣжденіе, что и конфликтъ между вѣрою и наукою въ той формѣ и по тѣмъ пунктамъ, по которымъ онъ существуетъ теперь (въ естествознаніи и исторіи), исчезнетъ въ будущемъ, но, сознаюсь, они не даютъ увѣренности, что не явится новыхъ ученій, которыя въ глазахъ человѣческихъ примутъ подобіе истины и которыя будутъ стоять въ противорѣчіи съ вѣрой. Апостолъ сказалъ коринѳянамъ: „надлежитъ быть и разномыслiямъ между вами“ (1 Коринѳ. XI, 18). Если надлежало быть разномыслiямъ между коринѳянами, то тѣмъ болѣе, конечно имъ надлежитъ быть во всемъ родѣ человѣческомъ. Эти разномыслія, недоумѣнія, сомнѣнія найдутъ себѣ полное разрѣшеніе только на небѣ. Но обязанность, которую мы приняли на себя, дѣло, которому мы рѣшились служить, состоитъ въ томъ, чтобы уменьшать разномыслія и заблужденія на землѣ. Будемъ дружно и усердно служить этому святому дѣлу!

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии наук СССР